

БАЙКАЛЬСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ

S **SORBONNE**
UNIVERSITÉS

EURASIAN COOPERATION: HUMANITIES ASPECTS

International Scientific Conference

14–15 September 2017

Irkutsk (Russia)

Ministry of Education and Science of the Russian Federation

Baikal State University, Irkutsk

Paris-Sorbonne University, Paris

«EURASIAN COOPERATION: HUMANITIES ASPECTS»

14–15 September 2017

International Scientific Conference

Irkutsk (Russia)

2017

EDITORIAL BOARD

Alexander P. Sukhodolov — Doctor, Professor, Rector of Baikal State University (Russia, Irkutsk)

Barthélémy Jobert — Doctor, Professor, President of Paris-Sorbonne University (France, Paris)

Pierre Demeulenaere — Doctor, Professor, Vice-President for International Relations of Paris-Sorbonne University (France, Paris)

Jean-Cassien Billier — DSc in Philosophy, Associate Professor, Deputy Vice-President for International Relations of Paris-Sorbonne University (France, Paris);

Tatiana L. Muzychuk — DSc in Philology, Associate Professor, Vice-Rector for Science, Baikal State University (Russia, Irkutsk);

Tatiana G. Ozernikova — DSc in Economics, Professor, Vice-Rector for Curriculum Development and International Affairs, Baikal State University (Russia, Irkutsk);

Mikhail P. Rachkov — DSc in Economics, Professor, Editor-in-Chief of the Journal 'Theoretical and Practical Issues of Journalism' (Russia, Irkutsk)

Articles by researchers from Russia, France and Mongolia, participants of the International scientific conference, are presented. Current issues of humanities and interaction between European and Asian countries in historical, ecological, social and economic aspects are considered, current issues of the mass communication theory, journalism and the mass media in relation to history and traditions are discussed.

Phone: +7 (3952) 50-00-08 (ext. 140)
<http://science.bgu.ru/Glavnaja/News-and-Events>
e-mail: AnohovIV@bgu.ru

CONTENTS

SECTION 1. MASS MEDIA BETWEEN THE EAST AND THE WEST: MASS COMMUNICATION THEORY, JOURNALISM THEORY AND MASS MEDIA THEORY

Charbonneaux J. THE ROLE OF JOURNALISM IN THE INSTITUTIONALIZATION OF EUROPE.....	7
Ruellan D. GENDER, WAR AND JOURNALISM IN VIETNAM.....	13
Wrona A. THE LITERARY ORIGINS OF FRENCH JOURNALISM: TRADITION AND HERITAGE.....	27
Sukhodolov A.P. THE PHENOMENON OF "FAKE NEWS" IN THE MODERN MEDIA SPACE.....	34
Sukhodolov A.P., Bychkova A.M. ON THE ROLE OF MASS MEDIA IN COUNTERING THE PROPAGANDA OF SUICIDE IN SOCIAL NETWORKS.....	54
Rachkov M.P. THREE PARTS OF THE SCIENCE OF MEDIA.....	71
Anokhov I.V. THE ECONOMIC IMPORTANCE OF WORDS, MUSIC, DANCE, PAINTING, ARCHITECTURE.....	75
Barebina N.S. ARGUMENTATIVE POTENTIAL OF NEW VOCABULARY (THE CASE OF MEDIA TEXTS COVERING RELATIONS).....	90
Barebina N.S., Semenova O.F. LANGUAGE INNOVATIONS IN THE TEXTS OF DESCRIBING POLITICAL STRUGGLE IN UKRAINE.....	104
Nemirovskaya E.P. INNOVATIVE MEDIA ENVIRONMENT IN THE ERA OF DIGITAL HIPPIES AND GLOBALIZATION.....	115
Yagodkina V.M., Chigirkina D.O. THE INFLUENCE OF RUSSIAN AND CHINESE MEDIA ON THE RELATIONSHIP BETWEEN RUSSIA AND CHINA.....	121

**SECTION 2. EUROPEAN LIBERALISM AND TRADITIONS
OF THE EAST: HISTORICAL CONSIDERATIONS
AND CONTEMPORARY ASPECTS**

Guillaume-Alonso A. RUSSIAN EMPIRE THROUGH THE PRISM OF FRENCH AND SPANISH EMPIRES: PREJUDICE, STEREOTYPES, MODELS.....	131
Billier J.-C. LIBERALISM AND MULTICULTURALISM: WHAT IS THE VALUE OF CULTURES?.....	135
Ponomarenko E.V. FRANCE AND RUSSIA IN THE WORLD EDUCATIONAL SPACE – COOPERATION AND COMPETITION.....	143
Bystryakov A.Y. POSITION OF HIGHLY SKILLED IMMIGRATION ON THE LABOR MARKET IN RUSSIA.....	160
Muzychuk T.L., Baklashkina O.N. INTERCULTURAL DIALOGUE AND THE PRESERVATION OF NATIONAL IDENTITY IN RUSSIA.....	177
Baklashkina O.N. FORMATION OF THE IMAGE OF RUSSIA IN THE FRENCH PRESS (THE ORIENTING FUNCTION OF THE LANGUAGE).....	185
Byalous N. I. ALPHABET AS THE KEY TO NUMEROLOGICAL DECODING OF FICTION.....	201
Kosyakov V.A., Zavyalova A.G. SOME RESULTS OF INTEGRATION OF RUSSIAN UNIVERSITIES INTO THE EUROPEAN EDUCATION SYSTEM IN THE FIELD OF WRITTEN COMMUNICATION.....	209
Shalak A.V. EURASIAN UNDERSTANDING OF THE RUSSIAN SPACE: GEOPOLITICAL ASPECTS.....	220

**SECTION 3. GLOBAL TRANSPORT CORRIDORS
EUROPE – ASIA: ADVANTAGES AND RISKS**

Cariou A. THE EMERGENCE, REVIVAL AND COMPETITION OF THE EURASIAN RAILWAY CORRIDORS.....	232
--	-----

CONTENTS

Sukhodolov A.P., Kuzmin Yu.V. ECONOMY OF MONGOLIA IN THE SYSTEM OF GREATER EURASIA.....	247
Bayasakh J. NEW DEVELOPMENT OF RELATIONS BETWEEN MONGOLIA AND ITS NEIGHBORS.....	256
Dorj T., Davaasuren A. THE ROLE OF THE CENTRAL TRANSPORT CORRIDOR OF MONGOLIA IN THE DEVELOPMENT OF THE ECONOMIC CORRIDOR OF THE THREE COUNTRIES.....	264
Guichardaz P., Chernykh A.L. THE ROLE OF FRENCH BUSINESSMAN JEAN-PAUL ALIBER IN THE DEVELOPMENT OF TOURISM IN THE BAIKAL REGION.....	274

**SECTION 1. MASS MEDIA BETWEEN
THE EAST AND THE WEST:
MASS COMMUNICATION THEORY,
JOURNALISM THEORY
AND MASS MEDIA THEORY**

ЖУРНАЛИСТИКА – ДВИГАТЕЛЬ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИНСТИТУАЛИЗАЦИИ?

В статье рассматривается журналистика как политический институт, участвующий в продвижении европейского проекта с конца Второй мировой войны, со своими семиотическими способами (тексты, слова, картинки и другое). Две газеты проанализированы более конкретно – «Le Monde» и «Die Frankfurter Allgemeine Zeitung», чтобы показать, как медийные институты связаны с двумя процессами: построение исторического повествования о Европе и поиск правильного отражения событий.

Ключевые слова: журналистика; Европа; политика; семиотика.

J. Charbonneaux

THE ROLE OF JOURNALISM IN THE INSTITUTIONALIZATION OF EUROPE

This article looks at journalism as a political institution, which participates in the promotion of the European project since the end of the WW2 with its own semiotical ways (texts, words, pictures...). Two newspaper are analyzed in more detail – *Le Monde* and *die Frankfurter Allgemeine Zeitung* – to show how the mediatical institutionalization has to do with two process: the construction of a historical narrative for Europe and the search for a proper incarnation.

Keywords: journalism; Europe; politics; semiotics.

Le lien entre le projet politique européen et sa dimension communicationnelle n'est pas récente: Kant faisait déjà de cet aspect une condition de réalisation de « l'idée cosmopolitique » qu'il défendait dans son *Projet de paix perpétuelle*.

C'est la formalisation, plus récente, de ce lien que nous poserons ici en envisageant le processus de légitimation de l'Europe, sous les traits institutionnels de la CEE puis de l'UE, à travers sa représenta-

tion médiatique. Comme le rappelle François Foret, « l'Union européenne, comme toute institution, n'échappe pas à l'impératif politique du symbolique ». Ceci conduit à formuler un parti pris d'importance: la production symbolique n'est pas qu'un surplus venant s'ajouter, après coup, à l'activité politique, elle a tout autant trait à l'organisation du Vivre-ensemble, à la définition et à la mise en discussion du « nous, Européens ».

La symbolique politique constitue donc un levier de légitimation à part entière et il serait dommageable de considérer que seul le champ politique *stricto sensu* en porte la responsabilité. Notre propos est précisément de montrer que le journalisme, en tant qu'activité de représentation, participe pleinement à la constitution, à l'imposition et, finalement, à la naturalisation de cette symbolique, avec des intentions et des moyens qui lui sont propres.

Ces moyens sont aussi divers que ceux du politique: participation à la création de formations universitaires, d'associations de journalistes (l'AJE existe ainsi depuis 1961), de prix et de revues et de journaux dédiés (de l'Europe de Romain Rolland ou l'Europe Nouvelle de Louise Weiss, au supplément Europa co-réalisés par cinq grands quotidiens européens...)... Ces moyens permettent aussi, en parallèle, à des journalistes et à des journaux de se saisir de l'Europe pour travailler leur propre légitimation. Cependant, tel qu'évoqué ici, ces dispositifs et objets ne constituent finalement qu'une surface du « plus visible ». Aussi, et c'est là un autre parti pris, la production symbolique, dans sa dimension médiatique, peut (doit) également être saisie en entrant à l'intérieur des productions journalistiques pour aller interroger ses conditions de possibilité, poétiques cette fois, c'est-à-dire en entrant dans l'épaisseur des textes pour en envisager l'organisation narrative et discursive. Ce faisant, et c'est ce que nous proposons de faire ici, on peut dégager un certain nombre de dynamiques et de motifs participant pleinement à la construction de ce « nous, Européens ». J'en évoquerai plus précisément deux: la production d'une histoire commune et la question de l'incarnation. Ces deux pans sont développés à partir de l'analyse de la presse quotidienne dite de « référence », en France et en Allemagne et,

plus précisément encore, des cas du *Monde* et de la *Frankfurter Allgemeine Zeitung*.

I. Le journal, historien de l'Europe?

Précisons d'emblée que nous considérons les textes de presse envisagés comme autant de récits et leur accumulation, par compilation, comme un « méta-récit ». Comment, dès lors, les médias participent-ils de la construction d'une identité narrative supranationale, européenne?

Tout d'abord, je reprends là les termes de Ricoeur, « en dessinant les traits d'une expérience temporelle commune » et ce, vers l'avant comme vers l'arrière. Ainsi le « temps raconté » par le journal n'est-il pas seulement le temps de l'actualité d'hier ou celui des prévisions pour demain: c'est aussi le temps d'une identité au long cours, de la représentation de son historicité, à travers une écriture du futur mais aussi du passé. Pour cela, les occasions sont multiples, événements ponctuels ou sujets à la répétition à l'instar de celui qui constitue l'occasion par excellence de production narrative: la signature du traité de Rome instituant la CEE en 1957 et plus encore, les commémorations accompagnant ses anniversaires successifs.

En effet, les instances politiques, supranationales et nationales, ne sont pas les seules à rendre hommage à cet événement, les médias y contribuent aussi largement, voire de plus en plus largement. En effet, on peut constater, au long d'une étude diachronique menant de 1957 à 2017, au long de soixante ans de vie communautaire européenne, un processus d'autonomisation commémorative, éditoriale, du journal par rapport au politique. Tandis que lors des premiers anniversaires, décennaux, en 1967 et 1977, ils se « contentent » de suivre les manifestations organisées par le politique et d'en rendre compte, à partir des 25 ans en 1982, la production médiatique se fait non seulement plus importante (la couverture s'étend dans le temps et dans l'espace éditorial, avec un nombre de pages croissant et jusqu'à la publication de suppléments dédiés) mais aussi laisse davantage place à l'initiative médiatique.

Ce sont précisément les procédés liés à cette initiative qui concourt à tracer les contours d'un récit commun: « agenda setting » supranational, avec la narration continue d'un « ce qui pourrait arriver si »; vers le passé, avec les chronologies retraçant les « étapes clefs » de la construction européenne depuis ce qui est présenté comme l'événement

fondateur. Par son retour récurrent dans l'actualité, le nom « traité de Rome » devient désignation singularisante et la condition de sa reconnaissance, dans le présent mais aussi pour l'avenir. Comme l'affirme Laura Calabrese, les « DE [désignations d'événement] sont clairement des attaches mémorielles ».

La construction d'une origine commune passe également par le recours à des photographies d'archives qui viennent en raviver le souvenir, ou encore les portraits des hommes (ce sont surtout des hommes) désignés comme « les pères fondateurs ». Dans *L'Ordre du temps*, Krzysztof Pomian considère que « le culte des morts est en fait un hommage rendu par ses membres à la famille qui dépasse l'individu ». Dans le cas de l'Europe, ce culte des morts, régulier, tout en favorisant un « effet-famille » européenne, vient appuyer les recommandations faites pour l'avenir en instituant des figures-modèles à l'intention des vivants.

II. Dynamiques d'incarnation politique

Marc Lits, spécialiste de l'analyse des récits médiatiques, propose de considérer que « si la mise en récit est une donnée essentielle dans la transmission de l'information, un de ses traits dominants en sera l'utilisation de personnages ». Il n'en va pas autrement pour le vaste récit européen tissé par les médias : il est peuplé de personnages, qui n'émergent pas seulement en contexte commémoratif, mais viennent occuper en continu nos actualités. Ces personnages sont nombreux et varient, cependant, on constate la stabilité d'un « désir de figure » pour incarner un collectif mouvant et pour donner à lire la complexité de la décision et de l'action à l'échelle interétatique.

Ce « désir de figure » a donné lieu à une figure elle-même d'une grande stabilité, celle dite, actuellement, en français, du « couple franco-allemand ». Le paradigme actanciel s'élabore dans le temps long par un travail de la personnification, appuyé sur les figures du président français et du chancelier allemand. En effet, compte tenu des traumatismes des guerres mondiales, pour la presse « de référence » française et allemande, le « franco-allemand » constitue un critère de valeur politique et entretient une étroite relation dialectique avec l'Europe. Ainsi, on a vu se sédimenter, depuis 1958 et l'arrivée au pouvoir de De Gaulle en France et depuis la dynamique de coopération bilatérale engagée par lui avec Adenauer, un motif d'actualité devenu incontournable au

point de revêtir une dimension mythique: lui aussi bénéficie de ses actes commémoratifs, médiatiques, de ses injonctions pour l'avenir, de ses figures-modèles (De Gaulle et Adenauer, Mitterrand et Kohl, restent ainsi les « grands hommes » de l'action bilatérale et, à ce titre, européenne) de ses « mauvais élèves ». La durée étant condition de la reconnaissance, on peut considérer que la longévité extrême de cette figure a permis la reconnaissance d'un « nous » supranational, et ce des deux côtés de la frontière franco-allemande.

Cependant, l'étude diachronique, comparative, laisse entrevoir sinon un fléchissement, du moins une transformation, récente, de cette dynamique d'incarnation. En effet, les « courbes d'enthousiasme » des journaux français et allemand étudiés, semblent s'inverser depuis le début du XXIème siècle: la *FAZ* adopte un comportement de plus en plus pragmatique; à l'inverse, *Le Monde* tend à se montrer toujours plus attaché au bilatéral dans une forme de nostalgie. On peut esquisser une piste d'explication liée à l'historicité des relations politiques et à l'inscription nationale des journaux: tandis que l'Allemagne se trouvait dans une période de réhabilitation sur la scène européenne après la guerre et, même, jusqu'à la réunification dans laquelle la relation à la France jouait un rôle primordial, elle fait aujourd'hui, à elle seule figure de moteur et de modèle de l'Europe, représentation à laquelle les médias européens, notamment français, sont loin d'être étrangers.

En tout cas, on voit apparaître des délibérations médiatiques autour du pouvoir d'incarnation d'une autre figure politique, monocéphale celle-ci: la chancelière Angela Merkel. Ce phénomène est dû, bien sûr, à la durée de l'exercice du pouvoir de part et d'autre. En effet, tandis que depuis 2005, Chirac, Sarkozy, Hollande et Macron se sont succédés pour diriger la France, Angela Merkel a de fortes chances d'être reconduite pour un quatrième mandat, le 24 septembre prochain. Quoi qu'il en soit, cette situation s'accompagne, du côté des médias français d'un comportement ambivalent: avec le temps fascination et admiration émergent de leurs représentations du personnage d'Angela Merkel, soulignant en encourageant une transposition de son style de vie vers son style politique sa simplicité, laquelle apparaît comme une vertu à suivre, pour les présidents français. Mais, en même temps qu'ils participent de son institution en « leader de l'Europe », ils expriment une

forme de frustration, liée, précisément, au déséquilibre induit dans le « couple franco-allemand ». On observe alors l'expression d'un nouveau lot d'injonctions, « pour l'Europe », incitant l'Allemagne à ne pas oublier la France et, la France, à travers ses présidents successifs, à se montrer à la hauteur de l'enjeu européen (notamment observable au moment de la « crise des réfugiés »).

Rien de tel côté allemand où, si la France tend à s'effacer quelque peu, la chancellerie ne bénéficie pas d'une telle représentation en modèle. Plusieurs raisons à cela : l'imaginaire du rôle du journalisme politique conduit à diriger d'abord la critique vers les figures nationales ; le passé totalitaire allemand limite toute promotion d'un leader à la tête du pays, aussi voit-on apparaître une forme de glissement du « désir de figure » vers les institutions européennes dont les acteurs dirigeants (Juncker notamment) se voient offrir une visibilité supérieure à celle visible dans les médias français.

Информация об авторе

Жюльет Шарбоно – доцент Высшей школы наук об информации и коммуникациях (университет Париж-Сорбонна).

Author

Juliette Sharbono – Associate Professor, Higher School of Information Science and Communication (Paris-Sorbonne University).

УДК 070

Д. Рюэлан

ГЕНДЕР РЕПОРТЕРА

В статье рассматривается вопрос о мышлении во время важнейшего события второй половины XX века – американской войны во Вьетнаме: трансформации рабочих отношений женщин и мужчин; изменения в способах ведения войны; эволюция рамок и содержания средств массовой информации.

Ключевые слова: журналистика; гендер; война во Вьетнаме.

D. Ruellan

GENDER, WAR AND JOURNALISM IN VIETNAM

This article examines thinking during the most important event of the second part of the 20th century – the American war in Vietnam: transformations of the working relationships of women and men; changes in the way of making war; evolutions of the frames and contents of the media.

Keywords: Journalism; Gender; Vietnam war.

Le reportage de guerre est demeuré pendant plus un siècle, à partir de son invention vers 1848, un domaine réservé des hommes. Le reporter est une des incarnations de la forme hégémonique de la masculinité que symbolisent aussi depuis le 19e siècle les métiers majeurs de l'ingénieur, de l'officier, du missionnaire, de l'ouvrier. Cette masculinité se caractérise par une conception virile des rapports sociaux: musclée, outillée, conquérante, autoritaire. Des femmes, anecdotiques sur un plan numérique, sont signalées dès les débuts de la correspondance de guerre. Exceptionnelles, leur transgression souligne la distinction du masculin. Leur présence est plus dense sur un plan symbolique car des journaux se saisissent rapidement de l'intérêt commercial à valoriser un « angle féminin » capable de révéler l'« aspect humain »¹ des guerres.

¹ *Human interest.*

Mais il faut attendre longtemps avant qu'elles n'obtiennent la même possibilité que leurs collègues masculins de suivre les armées jusque dans les combats. Plus de cent-vingt femmes ont été accréditées auprès de l'armée américaine pendant la Seconde guerre mondiale, seule une poignée suit vraiment les armées (les autres couvraient les arrières) et aucune ne fut autorisée – en règle, car il y eut des exceptions – à aller jusqu'au front. Celui-ci demeurerait un apanage viril.

Cette règle a été abolie au Vietnam, dans le contexte des luttes pour les droits civiques des africains-américains aux États-Unis (années 1950 et 1960) qui ont ouvert la voie aux revendications pour l'égalité des femmes et des hommes. Un mémorable bras de fer est un marqueur, il a opposé les quelques correspondantes de guerre basées à Saïgon au général en chef Westmorland quand celui-ci, en 1966, prétendit que les reportères ne devaient pas passer la nuit sur les bases avancées de l'armée américaine, ce qui revenait à leur interdire tout reportage sur le front. Devant leur collectif, il dut renoncer. Elles n'étaient pourtant que très peu: l'étude d'une liste des accrédités par les services américains mi 1967 révèle qu'elles étaient une douzaine, travaillant pour moitié en *freelance* et pour l'essentiel avec des petits journaux de province. La liste contient près de 400 noms de journalistes masculins, travaillant pour les grands réseaux, journaux et agences, et dont 1% seulement est pigiste.

Ces femmes et ces hommes ont été les témoins – et donc les acteurs – de l'événement majeur de l'après seconde guerre mondiale qui a profondément marqué ce pays et sa région, la France et ses colonies, les États-Unis, les relations internationales en pleine Guerre froide, et les moyens de la guerre. Ce théâtre est aussi l'occasion d'une évolution des relations de genre due à l'inflexion des identités masculines et féminines. Le conflit s'est déroulé en deux phases: de 1945 à 1954, il s'agit d'indépendance, de décolonisation. À partir de la création de deux États, s'engagea une guerre qui fut à la fois civile (pour ou contre la réunification), internationale (des contingents américains, australiens, coréens, des moyens chinois et soviétiques) et froide dans la mesure où se joue sur ce terrain circonscrit un affrontement planétaire. Dès les années 1950, les États-Unis s'engagèrent, secrètement puis ouvertement au milieu des années 1960, dans une guerre triplement nouvelle pour eux: elle fut très longue, elle sera perdue, et elle se déroula sur un mode

d'engagement non conventionnel auquel ils n'étaient pas préparés. Ce conflit a fasciné les opinions publiques – il put y avoir jusqu'à 700 journalistes étrangers à Saigon au plus fort de la guerre. Cet afflux de médias s'explique aussi par une stratégie de communication exceptionnellement ouverte afin de donner une visibilité à une guerre de maquis insaisissable. Ainsi, l'engagement américain fut une épreuve pour la jeunesse américaine qui vit une partie d'elle – ses garçons – mener une guerre sale et dénuée de sens, sous le regard de quelques unes de son autre part – ses filles – alors que la volonté de transformer les rapports de sociaux de sexe agita de plus en plus les campus et les rues.

Je travaille actuellement à un projet de livre qui se propose d'examiner dans quelles conditions ces journalistes ont développé leurs activité, et avec quels effets. Si les assignations de genre ont limité la marge de manœuvre des journalistes femmes, on doit aussi considérer qu'elles ont contribué à l'émergence de nouvelles façons d'incarner la fonction de reporter de guerre et redéfinit en partie la masculinité du mythe du reporter. Le retournement des stigmates auquel les reportères procédèrent met en relief la conception masculine dominante et son adaptation sous l'effet d'une transformation conjuguée du genre journalistique, des rapports sociaux de sexe et des conditions de la guerre, dont le Vietnam fut le théâtre. Ainsi, l'ouvrage ne traitera pas tant de genre, de conceptions militaires et de journalisme qu'il ne se propose de mettre en relation ces trois dimensions.

L'approche s'appuiera sur une trentaine de témoignages écrits (américains, français, vietnamiens) et une douzaine d'entretiens avec des reporters (français et vietnamiens), femmes et hommes, présents à l'époque. Pendant longtemps, les reportères ont tu leur expérience, très peu se sont exprimées; puis des livres réunissant leurs récits (Bar-timus et al, 2002) et des autobiographies ont été publiés (Duong Thi Xuan, 2007; Fallaci, 1970, Friang, 1955 et 1970; Loridan-Ivens, 2008; Spengler, 1991; Tran To, 2016; Xuan, 2001), des conférences organisées, des mémoires universitaires rédigés à partir de leurs récits (Born, 1987; Elwoods-Akers, 1988; Haller, 2006; Hoffmann, 2008; Martin, 1988, Murray, 2003, Power, 2001). Les hommes aussi ont écrit leurs mémoires (par exemple Arnett, 1995; Brincourt, 2003; Brovelli, 2013;

Chauvel, 2003 & 2005; Halberstam, Sheehan, Arnett, 1996; Herr, 1968; Laurent, 1994; McCullin, 2006; Page, 2001; Parbot, 1985).

Afin de mettre en relation les transformations conjointes des relations de genre, des modalités de la guerre et des manières de faire du journalisme, l'ouvrage se propose d'examiner successivement quatre stéréotypes de genre qui sont sous-jacents des observations courantes faites à propos de l'exercice du journalisme de guerre par les femmes:

- c'est par souci de protection des femmes que les hommes interdisent ou limitent leur accès au front
- leur nature féminine incline les reportères à traiter les « aspects humains » de la guerre
- l'investissement dans cette forme de journalisme relève d'un militantisme féministe
- les reportères ont utilisé leur identité féminine pour s'imposer dans l'emploi de reporter de guerre.

Cette mise en exergue des assignations genrées qui s'adressent aux femmes permettra de réfléchir par contraste à la masculinité du et dans le reportage de guerre: comment elle se manifeste, quels moyens elle déploie et en quelles circonstances, quelles ressources elle procure, à quels coût, et finalement comment cette construction identitaire s'adapte dans l'évolution des effectifs de journalistes, de plus en plus féminins.

1 – La faillite de la masculinité virile

Pourquoi les militaires empêchaient-ils les reporters femmes d'accéder aux combats? « We have no facilities for women, ma'am »¹ était la réponse standard, la plupart des témoignages en font état d'une manière ou d'une autre. Il ne faut pas négliger la gêne effective des hommes de cette époque qui étaient socialisés dans une conception exclusive des rôles et des espaces; les reportères n'étaient guère à l'aise non plus, en témoignent les nombreux récits sur le moment et rétrospectivement à propos de l'organisation pratique de l'intimité. Mais c'est évidemment un argument dilatoire sur le fond. En réalité, les militaires – les gradés, ceux qui portaient la responsabilité sur le terrain – anticipaient les ennuis si une reporter femme mourrait lors d'un reportage de combat.

¹ « Nous n'avons pas d'installations pour les femmes, Madame »

Aujourd'hui encore, alors que les reporters de guerre femmes sont presque aussi nombreuses que les hommes, elles meurent moins. On peut considérer que c'est la conséquence d'une moindre exposition au danger résultant d'un goût modéré pour les armes et les situations de combats. C'est là conjecture car des témoignages peuvent soutenir le contraire. L'explication est à rechercher plutôt dans l'attitude des combattants: ils éloignent autant que possible les reportères des zones dangereuses sous leur responsabilité, sinon leur contrôle. Pas en raison d'une *nature* masculine protectrice (si telle était, les hommes ne battraient pas autant les femmes ni les violeraient...), mais parce que la mort d'une femme observatrice peut être source de problèmes. Les femmes meurent beaucoup dans les guerres, énormément, mais une reportère est une femme médiatique, l'annonce de sa mort peut avoir (a, généralement) des effets importants sur l'institution militaire ou les groupes combattants qu'elle accompagne. Les belligérants s'accordent généralement sur un point, celui d'éviter une mauvaise presse engendrée par le décès d'une reportère.

Cette raison n'était guère publicisée, on s'en doute. Un autre l'était, au Vietnam comme ailleurs: la présence de femmes sur le terrain risquait de détourner l'attention des soldats qui, voulant les protéger, auraient pris des risques inconsidérés pour leur unité et eux-mêmes. Les témoignages ne sont pas unanimes dans ce sens; d'autres défendent qu'en situation de danger extrême, chacun s'occupe de soi avant tout. Les reportères femmes n'étaient donc pas tant protégées que chaperonnées, encadrées, et cette attitude genrée qui visait à limiter leurs accès aux situations de combats, tendait peut-être à éviter qu'elles soient témoins de certains aspects qui – le genre ici encore est à l'œuvre – ne correspondaient pas à l'image de protecteurs que se donnent les hommes, que défend le mythe de la masculinité protectrice. La laideur de la guerre, de cette guerre en particulier¹, doit être saisie en abîme, sous le regard de femmes, de femmes qui comptaient pour ces hommes qui faisaient cette sale besogne².

¹ De moins en moins compréhensible et justifiable aux yeux des soldats ; pour les motiver, l'institution a développé systématiquement les sentiments racistes, qui viendront soutenir les déchainements de violence contre les civils.

² Les effets de cette guerre sur les hommes américains ont longtemps interrogé, aujourd'hui encore, et ont suscité une forme de littérature féminine qui prolonge l'interrogation. Alexandra Boudet-Brugal, « Les femmes américaines et la guerre du

Ces deux explications (le risque de mort et celui du dévoilement) mettent en jeu une conception viriliste de la masculinité, celle qui protège, celle qui sauve, celle qui rassure à propos des intentions de la guerre. Celles-ci étaient particulièrement difficiles à justifier à mesure que le conflit s'enlisait, et c'est dans cet enlissement que les hommes révélaient à des femmes leur faillite, le naufrage des capacités masculines à se réaliser dans la prétention de protection, des femmes notamment.

2 – « L'aspect humain » et les nécessités de la subsistance

Les femmes ont commencé à pratiquer le reportage de guerre en étant chargées de sujets spécifiques: les victimes civiles, la santé des soldats, le réconfort après la bataille. Des thèmes qui reproduisent la place des femmes dans une conception stéréotypée des rapports sociaux de sexe: le foyer, la protection, la reproduction, les trois K (en allemand): küche, kirche, kinder (cuisine, église, enfant). Que les chefs de rédaction traduisaient en « human interest » pour justifier à la fois la présence de ces aspects dans les colonnes des journaux et le fait d'y affecter des femmes. Au Vietnam, les reportères ont continué à traiter de ces sujets, bien qu'elles pouvaient faire comme les hommes employés par les grands médias: ne parler que des combats et des aspects politiques. Certes elles durent souvent se battre avec des militaires qui faisaient des difficultés pour les laisser monter dans les hélicoptères et suivre les patrouilles sans être accompagnées par un officier chargé de leur sécurité, mais en principe elles avaient les mêmes avantages que leurs confrères à partir du moment où le Président Johnson considéra qu'il valait mieux avoir le soutien des médias que tenter de leur cacher la nature réelle de l'engagement américain. Les reporters étaient transportés, logés, nourris, soignés, et considérés au rang d'officier. Pourquoi alors les femmes ont-elles prolongé la pratique de « l'angle féminin » au Vietnam?

En réalité, elles faisaient comme certains hommes qui, progressivement, vont partager la même condition, celle de précaires du journalisme. Dans la liste des accrédités de 1967, la moitié des femmes étaient *freelances*; on doit ajouter toutes celles qui ne venaient que pour un court séjour, pour jeter un œil à la guerre pour certaines, pour

Vietnam : mise en place et utilisation d'un processus de mimétisme », Revue LISA/LISA : e-journal. 2006. Vol. IV, no.°3. P. 280–298.

tenter leur chance pour d'autres¹. Les hommes aussi arrivaient dans ces conditions; jeunes, parfois « routards » parvenus en Asie du Sud-Est, le reportage de guerre pouvait être un moyen rapide de gagner de l'argent et/ou d'émerger dans le journalisme: il fallait pour cela aller sur la bases avancées, suivre les patrouilles, assister aux combats, toutes activités particulièrement dangereuses qui impliquaient des phases intermédiaires durant lesquelles les *freelances* devaient trouver des sujets originaux, nouveaux, pas traités par les hommes des agences, des grands médias, des réseaux de télévision et radios afin de vendre leurs articles et leurs images, payer leur loyer et se maintenir dans la course. C'est donc une raison commerciale qui explique leurs choix de sujet. Les reporters femmes devaient se battre dans une très forte concurrence; les hommes ne les aidaient pas particulièrement, et eux aussi ont aussi exploité le filon de l'« intérêt humain ».

L'évolution de la guerre l'explique. Vers 1967-68, elle est devenue de plus en plus impopulaire aux États-Unis et en Europe, il y avait de très nombreuses manifestations de rue. Et les médias ont commencé à douter que l'Amérique gagne cette guerre (comme de plus en plus de militaires en doutaient). Alors les articles et images sur les destructions, les victimes, les familles, les civils, les enjeux politiques, sont devenus nombreux et finalement majoritaires. Comme un certain *habitus* (le leur, celui des chefs de rédaction) les dirigeait vers ces sujets, et comme elles en avaient déjà l'expérience plus encore que les hommes *freelances* comme elles, les femmes ont été (un peu) avantagées... dans leur désavantage. L'explication tient plus au marché qu'au genre, et à leur expérience de pigiste plus qu'à leur sensibilité supposée différente.

L'existence d'une « capacité féminine » à voir la guerre différemment – cet « angle féminin », que certaines reportères ont pu soutenir alors que d'autres s'y refusaient radicalement – est un stéréotype discriminant parmi d'autres qui ont été affublé aux reportères pour expliquer leur émergence. On a pu prétendre aussi que les journalistes femmes étaient particulièrement engagées contre la guerre; en réalité,

¹ Elwood-Akers (1988) a dénombré 74 reporters femmes, essentiellement américaines. Une source plus récente (Hoffmann, 2008) a avancé le nombre de 467, dont plus de la moitié issues des États-Unis. Beaucoup d'entre-elles devaient appartenir à cette catégorie de journalistes ayant fait un passage bref, donc non recensées dans la liste de 1967, ce qui expliquerait la différence.

elles ont suivi la même évolution que l'ensemble des reporters et de l'opinion. Les premières arrivées, dans les années 1950 et au début des années 1960 étaient de forts soutiens à la politique d'intervention (française, puis américaine), les dernières (dans les années 1970) farouchement hostiles. Parmi les premières, certaines manifestaient de profonds sentiments anticomunistes, quand les dernières étaient parfois proches de la contre-culture et la gauche. Et beaucoup étaient neutres, tout simplement. On a aussi voulu croire que ces femmes étaient une sorte d'avant-garde des mouvements féministes, des militantes en pratique; l'analyse des trajectoires et des témoignages n'indique rien en ce sens, et laisse même pointer un certain agacement à l'égard du féminisme occidental trop autocentré pour comprendre la condition des femmes vietnamiennes victimes et parfois actrices la guerre.

3 – «On their own»

Vouloir expliquer la trajectoire des reportères par un éthos féminin, un engagement partisan ou une tendance féministe revient à rechercher en dehors des individus les raisons de leur arrivée et de leur permanence au Vietnam, à les considérer comme mues de l'extérieur, à ne pas leur reconnaître des caractéristiques et capacités propres, à être socialement déterminées. Cela consiste aussi à réduire les raisons de l'arrivée de ces femmes au Vietnam et de leur permanence à leur volonté propre. Combinées, ces deux explications – le déterminisme et la détermination – constituent une redoutable matrice à assignations (et donc hiérarchisations et discriminations) genrées: le sexe social devient l'explication qui permet au final une disqualification des femmes.

La réponse souvent retenue, dans une lecture par la dynamique du genre, est celle de leur volonté d'échapper à la condition féminine de l'époque, à l'univers étrié dans le domestique que l'*American Way of Life* de l'après-guerre réservait aux femmes. « On their Own »¹, résume le titre d'un ouvrage documenté (Hoffmann, 2008). Cette lecture est fausse tant le catalogue des circonstances d'arrivée et de permanence au Vietnam fait apparaître des raisons qui tiennent autant aux personnalités propres, aux hasards de la vie amoureuse, aux détours touristiques, aux besoins des entreprises médiatiques, qu'à la volonté de vivre au cœur du principal événement de l'époque. La lecture par le

¹ Par elles-mêmes.

genre peut, paradoxalement, assigner plus encore les femmes quand elle prétend les saisir par ce prisme, dans cette tension. Elle peut ainsi conduire à ignorer totalement « ce qu'il s'est passé »¹ au Vietnam, l'expérience vécue qui excède le déterminisme et la détermination, ce qui est arrivé aux individus sans qu'ils en soient ni maître ni esclave, ni totalement à la barre ni seulement en fond de cale. Ces femmes et ses hommes se sont embarqués sur un navire dont ils ont été les acteurs en partie involontaires de transformations qui les ont dépassés. Ils ont été faits par le Vietnam tout comme ils l'ont fait, et pour comprendre ce processus de co-construction, les explications par les origines sociales et/ou par l'engagement personnel sont trop pauvres: ils vivaient, et cette vie est essentielle pour comprendre les journalistes qu'ils ont été, la vision de la guerre qu'ils proposée, les évolutions des rapports de genre dans les médias et les transformations de la guerre dont ils ont été les témoins et acteurs.

Ainsi, après les avoir fait travailler comme *freelance* dans les années 1960, les entreprises médiatiques ont commencé à titulariser des reportères, ou à envoyer des salariées à Saigon, dans les années 1970. Parce que la critique féministe s'était attaquée, aux États-Unis, au fort déséquilibre des rédactions, et les dirigeants ont nommé des femmes au Vietnam pour donner des gages: quoi de plus clair que d'en envoyer une au milieu de la fournaise? On peut aussi analyser que nommer une femme, ou l'employer, devenait une réponse anticipée aux difficultés croissantes sur le terrain. A mesure que la guerre se perdait (pour les Américains et les Sud-Vietnamiens), il devenait de plus en plus difficile d'obtenir des informations utilisables auprès de sources méfiantes ou défavorables aux médias. Faire appel à des femmes pouvait être une réponse à ce problème en escomptant qu'elles mobilisent la « tactic of flirting » ou « 'help me' tactic » (Lachover, 2005). A mesure que la couverture de la guerre devenait de plus en plus dangereuse, notamment lors de l'extension au Cambodge, l'envoi de femmes pouvait être stratégique: plusieurs ont été enlevées par des groupes kmers et vietcongs, mais contrairement aux collègues masculins, elles sont revenues sauvées².

¹ Hennion, 2000, 2004, 2009.

² Côté hommes, une hécatombe, près d'une trentaine de tués, assassinés et disparus en reportage au contact des groupes armés au seul Cambodge au début des années 1970.

Une lecture par le genre n'explique pas tout, voire rien. Penser que les femmes sont allées au Vietnam pour échapper aux rapports sociaux de sexe, c'est ajouter une couche dans l'assignation, et ignorer ce qui attendait ces femmes à leur arrivée à l'aéroport de Tan Son Nhat. A Saigon, sur les bases américaines, dans les hôtels, les relations étaient profondément genrées, l'univers était absolument saturé de masculin, gorgé de testostérone, l'endroit exact où l'on ne pouvait échapper aux stéréotypes. On peut envisager que les (ou certaines) reportères femmes étaient parfaitement au courant, qu'elles cherchaient précisément ce contexte, ce cadre régi par les hommes, soit pour s'y fondre, soit au contraire pour y apparaître. Et il faut lire les mémoires de leurs confrères masculins et les comparer aux leurs pour comprendre qu'elles et ils partageaient exactement les mêmes aspirations. Celles-ci étaient faites d'ambitions professionnelles (le Vietnam est le point de départ de belles carrières) et de goût pour un mode de vie, une ambiance, des relations, des sentiments, des émotions, souvent très forts, voire addictifs. Ces aspirations ne sont en rien féminines, elles sont celles de la jeunesse, celle d'alors (le rock, le voyage, la drogue, le sexe) et celles de tout temps, que les contextes de guerre exacerbent et réalisent.

4 – Mutations de la guerre et transformations du journalisme

La guerre du Vietnam est un événement particulier dans l'histoire militaire: c'est le premier conflit non conventionnel de grande ampleur. Et cette guerre a été gagnée par celui qui était le plus faible en armes et industries, car il a utilisé la tactique de guérilla. Pour comprendre la nature de cette guerre nouvelle et très complexe, il fallait des compétences intellectuelles et relationnelles différentes. Il ne suffisait pas d'interroger les militaires lors des briefings. Il fallait rencontrer des interlocuteurs politiques souvent clandestins, il fallait avoir des réseaux dans la population civile, il fallait avoir créé des relations de confiance avec des victimes de la guerre, pour accéder à des informations importantes et comprendre comment l'Amérique perdait la guerre. Pour cela, les relations des reporters *freelances* avec les victimes, les familles, les civils, leur ont donné un avantage. Les femmes ont peut-être eu une avance supplémentaire, non pas en raison d'une chimérique sensibilité différente (à la douleur, aux victimes, ce qui est encore un argument sexiste que des femmes elles-mêmes peuvent soutenir), mais de la proximité

des femmes qui, dans le conflit vietnamien, ont beaucoup compté, plus qu'ailleurs et qu'avant. Les militants vietcongs étaient très souvent des femmes, la logistique des fronts comprenait de nombreuses unités féminines, et le sentiment de sororité a pu servir les reportères quand elles étaient en relation avec ces sources. Avantage relatif car les hommes aussi pouvaient avancer leurs pions, ils fraternisaient aisément avec les soldats. La tactique de l'ingénue (ce que l'on appelle aujourd'hui « jouer la blonde ») pouvait avantager les femmes, mais les hommes ne manquaient pas non plus de capacités de séduction vis à vis des agents féminins, nombreux. En définitive, l'argument des avantages tactiques du genre est assez neutre, voire pauvre, voire sexiste car il était souvent avancé pour discréditer le travail des femmes, soupçonnées de « travailler avec leur cul », par des hommes qui, quarante ou cinquante ans plus tard, se souviennent à peine que certaines étaient reportère au Vietnam.

Par contre, l'exemple du Vietnam montre que les femmes avaient une autre qualité qui peut expliquer leur succès: elles étaient mieux formées intellectuellement. La guerre du Vietnam marque le début de la complexité des guerres contemporaines: diffuse, sans front précis, clandestine à l'intérieur, ramifiée au plan international, et médiatique. Pour la comprendre, il fallait des compétences en politique, en relations internationales, en sociologie, en histoire, en anthropologie, en littérature. Or déjà, à métier identique, les femmes commençaient à être mieux formées que les hommes. Déjà, on constatait que, dans le journalisme en France, les jeunes journalistes femmes étaient plus diplômées que les hommes. Et cette tendance n'a eu de cesse de se généraliser et de s'accroître. Les femmes, parce que les inégalités continuent (inégalité de salaire, d'emploi, de retraite, de carrière, et dans la vie familiale surtout, ce sont elles qui font l'essentiel des tâches d'éducation, de ménage et de soin aux personnes âgées), parce que la société continue à hiérarchiser au profit des hommes, les femmes développent plus de compétences par les études, elles investissent dans un domaine qui à la fois les sécurise, et leur permet de prendre l'avantage (ou de ne pas le perdre). Et au Vietnam, comme dans les guerres actuelles, la capacité à comprendre la complexité leur permettait déjà de compenser les inégalités de genre.

Bibliographie

1. Bartimus T., Fawcett D., Kazickas J., Lederer E., Mariano A. B., Merick A. M., Palmer L., Webb K., Wood, T. *War Torn. Stories of War from the Women Reporters Who Covered Vietnam*. New York, Random House, 2002. 292 p.
2. Brincourt C., Leblanc, M. *Les reporters. Coulisses et secrets d'un métier. Cent journalistes racontent ...* Paris, Robert Laffont, 1970. 391 p.
3. Brincourt C. *Le temps du reportage*. Paris, La Martinière, 2003. 398 p.
4. Bromberger S., Daudy P, de Turenne H., de Prémonville J. M. (1951). *Retour de Corée. Récits de quatre correspondants de guerre français sur le front de Corée*. Paris, René Julliard, 1951. 274 p.
5. Brovelli C. *De l'afp à la télé, mes 7 vies sur les points chauds du globe*. Paris, L'Harmattan, 2013. 270 p.
6. Bureau H. *Bouclages. Une vie de reporter*. Paris, Florent Massot, 2010. 258 p.
7. Capa R. *Slightly out of focus. Juste un peu flou*. Paris, Delpire, 2003. 304 p.
8. Chauvel P. *Rapporteur de guerre*. Paris, J'ai Lu, 2004. 320 p.
9. Chauvel P. *Sky. L'histoire d'une amitié, de l'enfer du Vietnam aux terres Chiricahuas*. Paris, J'ai Lu, 2005. 312 p.
10. Chauvel P. *Ceux du Nord. 140 photos inédites des photoreporters du Nord-Vietnam entre 1968 et 1975*. Paris, Les Arènes, 2014.
11. Colombani R. *La vérité piégée. Les carnets d'un grand reporter*. Paris, Calmann-Lévy, 1979. 210 p.
12. Dang Thuy T. *Les carnets retrouvés (1968-1970)*. Arles, Editions Philippe Picquier, 2010. 276 p.
13. Debaisieux H. *Désolée, Ulysse, c'est Pénélope qui part...* Paris, JCLattès, 1977. 242 p.
14. Deonna L. *Du fond de ma valise. 47 histoires dans la vie d'une femme reporter*. Boudry-Neuchâtel, Editions de la Baconnière, 1989. 312 p.
15. Deonna L. *Mémoires ébouriffées. Ma vie, mes reportages*. Paris, Ginkgo Editeur, 2014. 440 p.

16. De Stefano C. *Oriana une femme libre*. Paris, Albin Michel, 2015. 326 p.
17. Duong Thi Xuan Q. (2007). *Diary Battlefield*, Van Nghe Publishing House (ouvrage en vietnamien, non traduit).
18. Fallaci O. *La vie, la guerre et puis rien*. Paris, Robert Laffont, 1970. 343 p.
19. Fallaci O. *Entretiens avec l'histoire*. Paris, Flammarion, 1975. 428 p.
20. Fallaci O. *Entretien avec moi-même. L'Apocalypse*. Paris, Editions du Rocher, 2007. 260 p.
21. Friang B. *Les Fleurs du Ciel*. Paris, Robert Laffont, 1955. 397 p.
22. Friang B. *Regarde-toi qui meurs. 1. L'ordre de la nuit*. Paris, J'ai Lu, 1970. 372 p.
23. Friang B. *Regarde-toi qui meurs. 2. La guerre n'a pas de fin*. Paris, J'ai Lu, 1970. 306 p.
24. Gellhorn M. *La guerre de face*. Paris, Les Belles Lettres, 2015. 502 p.
25. Hallin D. (1989). *The «Uncensored War»: The Media and Vietnam*, University of California Press.
26. Herr M. *Putain de mort*. Paris, Albin Michel, 1968 [2010], 270 p.
27. Hoffmann J. *On Their Own. Women Journalists and the American Expérience in Vietnam*. Cambridge (MA), Da Capo Press, 2008. 440 p.
28. Jeandel A. A. *Andrée Viollis: Une femme grand reporter. Une écriture de l'événement 1927-1939*, Paris: L'Harmattan, 2006. 264 p.
29. Lartéguy J. *Enquête sur un crucifié*. Paris, Flammarion, 1973. 503 p.
30. Laurent M. *Je pense à vous*. Paris, Seuil, 1994. 200 p.
31. Loridan M., Ivens, J. *17e parallèle. La guerre du peuple. Deux mois sous la terre*. Paris, Les Editeurs Français Réunis, 1968. 160 p.
32. Loridan-Ivens M. *Ma vie balagan*. Paris, Robert Laffont, 2008. 262 p.
33. McCullin D. *Unreasonable Behaviour. Risques et périls*. Paris, Delpire, 2006. 384 p.
34. Moorehead C. *Martha Gellhorn. Una vida*. Barcelone, Circe, 2004. 512 p.

35. Page T. *Instant de grâce*. Paris, Editions de la Martinière, 2001. 240 p.
36. Parbot M. *Caméra-reporter*. Paris, Flammarion, 1985. 258 p.
37. Ray M. *Des deux rives de l'enfer*. Paris, Robert Laffont, 1967. 294 p.
38. Renoult A. *Andrée Viollis. Une femme journaliste*. Angers, Presses de l'université d'Angers, 2004. 206 p.
39. Riffaud M. *Dans les maquis « Vietcong »*. Paris, Julliard, 1965. 267 p.
40. Riffaud M. *Au Nord-Viet-Nam (écrit sous les bombes)*. Paris, Julliard, 1967. 300 p.
41. Riffaud M. *On l'appelait Rainer*. Paris, Julliard, 1994. 240 p.
42. Rougé JM. (dir.) *L'opinion américaine devant la guerre du Vietnam*. Paris, Presses de l'Université Paris-Sorbonne, 1992. 248 p.
43. Spengler C. *Une femme dans la guerre*. Paris, Ramsay, 1991. 276 p.
44. Spengler C. *Années de guerre 1970-2002*. Paris, Éditions Marval, 2003. 224 p.
45. Spengler C. *Une femme dans la guerre*. Paris, Éditions des femmes, 2006. 240 p.
46. Viollis A. *Seule en Russie de la Baltique à la Caspienne*. Paris, Gallimard, 1927. 332 p.
47. Viollis A. *Indochine S.O.S*. Pantin, Les bons caractères, 1935 [2008], 286 p.
48. Viollis A. *Tourmente sur l'Afghanistan*. Paris, L'Harmattan, 2002. 236 p.
49. Xuan P., Mazingarbe D. *Ao Dai. Du couvent des Oiseaux à la jungle du Viêt-minh*. Paris, Plon, 2001. 258 p.

Информация об авторе

Рюэлан Дени – профессор Высшей школы наук об информации и коммуникациях (университет Париж-Сорбонна).

Author

Ruellan Denis – Professor, Higher School of Information Science and Communication (Paris-Sorbonne University).

УДК 070(44)(091)

А. Врона

**ЛИТЕРАТУРНЫЕ ИСТОКИ
ФРАНЦУЗСКОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ:
РАСКОЛ И НАСЛЕДСТВО**

В статье анализируется первоначальная связь между литературой и журналистикой в 19-й Франции. Автор показывает, как реальный кризис журналистики находит решения в переосмыслении этой традиции повествовательного и субъективного изложения новостей, следуя сегодня моделям Бальзака, Мопассана и Золя.

Ключевые слова: журналистика; французская литература; рассказ; вымысел и не фантастика.

A. Wrona

**THE LITERARY ORIGINS OF FRENCH JOURNALISM:
TRADITION AND HERITAGE**

This paper analyses the original link between literature and journalism in 19th France. The author shows how an actual crisis of journalism finds solutions in rethinking of this tradition of narrative and subjective news presentation, following today the models of Balzac, Maupassant and Zola.

Keywords: Journalism; French literature; narration; fiction and non-fiction.

Le journalisme en France connaît aujourd'hui, comme dans tous les pays occidentaux, de fortes turbulences: la réduction des investissements publicitaires, le développement des médias en ligne, l'apparition de quotidiens papiers dits « gratuits » – tout cela fragilise l'équilibre économique du paysage de l'information.

Pourtant, les médias français sont caractérisés par une vitalité très particulière, que l'on peut rapporter à deux facteurs principaux, sans doute uniques au monde dans cette proportion.

1. le premier facteur est d'ordre institutionnel: il s'agit du lien historique noué depuis la Révolution française entre le système démocratique et le financement de la presse. Ce lien a été conforté à la fin du 19e siècle par une grande loi sur la liberté d'expression, qui garantit l'indépendance de la presse par le soutien de l'état.

→ en France, l'information est à la fois indépendante et considérée comme un bien public; si bien que tous les Français qui paient des impôts soutiennent indirectement les journaux, par le biais des aides à la presse.

C'est ce qui explique qu'existent encore en France

– 2 grands quotidiens nationaux

– *Le Figaro*, plus ancien journal français, créé en 1826

– *Le Monde*

– un service public de l'information audiovisuel, radio et télévision, et de plus en plus web

2. le deuxième facteur est d'ordre plus culturel: la crise est pour le journalisme français l'occasion de se réinventer, en renouant avec des traditions séculaires.

Plusieurs innovations fascinantes ont marqué ces dernières années les transformations du journalisme papier notamment:

– l'apparition de ce qu'on appelle les « mooks » (IMAGE)

– ou bien les expérimentations menées avec de nouveaux formats éditoriaux, en ligne ou en print; (IMAGE)

OR ces modes de réinvention font très clairement réapparaître des traditions anciennes du journalisme, qui avaient été oubliées ou refoulées par un processus de professionnalisation.

Parmi ces pratiques qui font retour, trois principales caractéristiques peuvent être relevées:

– la remise au 1er plan du récit, et le privilège donné aux modes de narration longs – si bien qu'on parle aujourd'hui de récits de « non-fiction » – ce sont à la fois des reportages dans les quotidiens ou magazines, des sites qui, comme *Les Jours*, proposent non pas des rubriques mais des « obsessions », ou encore des livres (grand retour du livre de journaliste);

– la revendication d'un point de vue plus individuel, voire plus subjectif

– enfin, la recherche de modèles éditoriaux reposant sur des rythmes plus lents, et sur des formes de matérialité moins standardisées.

• *Feuilleton*, XXI, sont des trimestriels; *Le Un* ne traite que d'un sujet par semaine;

Ces 3 traits réactivent une hybridité qui a toujours été constitutive du journalisme français, liée à son histoire particulière: à savoir, le lien entre littérature et journalisme.

C'est à ces liens que je consacre mes recherches, au sein du Gripic. Car ils permettent de proposer une approche croisée, que j'estime particulièrement féconde, consistant à:

développer une analyse poétique des formes médiatiques: c'est-à-dire, à comprendre comment la dimension esthétique des phénomènes communicationnels fait partie de ce qui leur donne une efficacité sociale;

et symétriquement, proposer une analyse médiatique des formes poétiques, ou plus précisément, des formes littéraires: c'est à dire, comprendre ce que les modes de publications, les supports, changent aux façons de pratiquer la littérature.

En France, le lien entre écrivains et journalistes accompagne l'histoire de la modernité, et fait partie des facteurs entrant en jeu dans le long processus de démocratisation qui voit le pays passer de la monarchie à la République.

Aux racines de ce phénomène, se trouve en effet le moment fondateur de la Révolution française: au-delà du principe de liberté, les Lumières délivrent une réflexion sur la place de l'homme de lettres dans la cité, qui inaugure une tradition d'intervention dans l'espace public. Cette intervention repose sur un principe: le privilège de la parole et de l'action par les mots.

Ainsi Tocqueville décrit « comment vers le milieu du XVIIIe siècle, les hommes de lettres devinrent les principaux hommes politiques du pays ». Citation que Roger Chartier commente en ces termes: « la politisation de la littérature est donc en même temps une littérisation de la politique, muée en attente de rupture et rêve de cité idéale »¹.

C'est au long du 19e siècle que le lien entre littérature et journalisme prend en France toute son ampleur. Pour en donner une perspective synthétique, j'en proposerai trois approches successives, qui aborderont

¹ Chartier R. Les Origines culturelles de la Révolution française. Paris, 1990. P. 24.

d'abord l'initiative fondatrice d'Émile de Girardin, avant d'analyser l'incidence du phénomène à la fois sur la définition du modèle journalistique français, et sur l'évolution des formes du canon littéraire.

1. Le modèle Girardin

Tout commence avec une innovation due à un inventeur, audacieux capitaine d'entreprise médiatique, Émile de Girardin. Enfant illégitime d'un aristocrate et de la femme d'un fonctionnaire, Émile de Girardin est un personnage balzacien, qui veut faire fortune et devenir célèbre par sa plume.

C'est un inventeur de presse, qui prend conscience de la nécessité, et de l'opportunité, d'accompagner la démocratisation politique associée à la Révolution française par une démocratisation médiatique.

Les Français ont découvert la possibilité d'agir politiquement, ils ont désormais besoin d'une information accessible, quotidienne, adaptée à leurs nouveaux centres d'intérêt. Or la presse pendant tout le premier tiers du 19e siècle est trop coûteuse. Pour rendre le journal abordable, Girardin met en place un système dit « du double marché »: le titre de presse est désormais vendu deux fois – au lecteur bien sûr, mais aussi à la publicité. Avec *La Presse*, pour la première fois en France, le journal est financé non plus seulement par les ventes, mais par un tarif d'annonce lui-même indexé sur le nombre d'exemplaires imprimés.

Or ce système ne fonctionne qu'à la condition que le lecteur soit très fermement fidélisé au journal: car c'est le nombre de lecteurs accru qui justifie le fait d'exiger des annonceurs un tarif quasiment doublé par rapport aux pratiques antérieures.

Le ressort de ce modèle économique est aussi inventé par Girardin: ce sera le roman-feuilleton, soit le fait de proposer chaque jour, dans le même espace éditorial, un morceau de fiction. Et le premier auteur sollicité pour remplir la « case feuilleton » n'est pas des moindres: il s'agit d'un proche ami du journaliste, auteur génial mais à qui sa plume ne suffit pas à vivre – c'est Balzac, qui publie en 1836, dans *La Presse*, *La Vieille fille*.

2. Être écrivain, être journaliste

À partir des années 1830, la presse française connaît une expansion qui ne se démentira plus jusqu'à la fin du XXe siècle.

Cette expansion se fait avec la contribution des écrivains; en conséquence, au XIXe siècle, être écrivain, c'est nécessairement être journaliste. Il n'y a que très peu d'exceptions à la règle suivante: on ne devient écrivain que si l'on tente d'abord sa chance dans un journal – que l'on s'appelle Stendhal, Victor Hugo, Baudelaire ou Zola.

Rappelons quelques faits: la moitié des poèmes réunis dans le recueil *Les Fleurs du mal* sont parus dans la presse; pas une ligne publiée par Zola n'est passée par le livre sans avoir été d'abord imprimée dans un journal. Maupassant a adopté la forme du conte car elle était la plus compatible avec l'espace du quotidien.

Cette coopération n'est pas sans conséquence sur les modes d'exercice de la littérature: une première conséquence est le sentiment tenace, chez les écrivains, d'être victimes d'une concurrence déloyale de la part des journalistes. Et pourtant, ce sont les plus actifs dans la presse qui, tels Balzac, déclarent: « Si le journalisme n'existait pas, il faudrait ne pas l'inventer ».

Une deuxième conséquence, bien plus massive, est que désormais, la littérature évolue sous l'influence des médias: on peut, comme Sainte-Beuve dès 1839, le déplorer, et condamner ce que l'on nomme déjà la « littérature industrielle ». Mais on doit aussi noter qu'un grand nombre de mutations esthétiques dans le champ littéraire sont liées à l'horizon d'attente nouveau que constitue le journal. Ainsi du réalisme – qui peut se comprendre comme fiction d'actualité – dans les années 1840, et du naturalisme, une génération plus tard, qui adapte ou réinvente les règles du reportage et de la documentation pour en faire un mode original d'invention fictionnelle. Surtout, la domination du genre romanesque sur l'ensemble de la production littéraire est exactement contemporaine du développement de la presse et du roman feuilleton, et lui est largement due; les chiffres donnés par les historiens de la culture sont sans ambiguïté.

- 1830–1840: nombre moyens de titres par an
 - romans: 210/poésie 365/théâtre 258 total 833
- 1876–1885:
 - romans: 621/poésie 78/théâtre 220 total 956
- 1886–1890:

- romans 774/poésie 236/théâtre 264 total 1136¹

Troisième et dernière conséquence: c'est la généralisation d'un fonctionnement périodique – le temps de l'actualité, celui du quotidien, rythme le temps social et culturel. L'écrivain lui-même vit au temps du journal, et se vit comme un « écrivain périodique », selon une formule d'Anatole France, à moins qu'il ne faille comprendre le journaliste comme « l'écrivain d'un jour », comme l'écrit cruellement Barbey d'Aurevilly. Aujourd'hui, la généralisation des prix littéraires, leur rôle sans cesse accru dans les rythmes et les formes de légitimation de l'œuvre, confirme que littérature et médias ont désormais partie liée.

3. Le journalisme à la française

Du côté de la presse, on ne saurait considérer que l'intervention des écrivains soit sans conséquence, et laisse indemne la formation d'une culture professionnelle fondamentalement hybride. Je retiendrai deux caractères majeurs déterminant cette présence des écrivains dans la presse: d'une part, la prégnance de la conversation, et l'art d'une écriture du dialogue, qui font le lien entre l'apport des philosophes du XVIIIe siècle (on pense aux dialogues de Diderot) et la sensibilité nouvelle aux paroles du boulevard, aux rumeurs de la ville, à tous ces bruits qui fondent la polyphonie nouvelle de l'espace médiatique.

Surtout, l'information en France s'invente dans une proximité virtuose avec l'univers de la fiction; c'est la fiction qui finance l'information; en retour, l'écriture de l'information doit conquérir son autonomie vis à vis des protocoles narratifs fictionnels. Chronique, portrait, critique, reportage – autant de genres journalistiques qui commencent par recourir aux boîtes à outils de la littérature. A tel point que le fait divers lui-même, genre médiatique qui assure le succès de la presse de masse, s'écrit d'abord comme un « roman vrai », empruntant au roman les dialogues en style direct, le monologue intérieur, et toute une série de procédés dramatisants qui, vus d'aujourd'hui, ont tout du mélodrame. Le succès connu aujourd'hui par les formes récentes de « l'infodfiction », ou l'engouement éditorial pour la « non fiction », renouvellent cette proximité.

¹ Charle C. Le champ de la production littéraire // Histoire de l'édition.... P. 139.

Pour finir, à l'heure où les modèles économiques de la presse sont à réinventer, quand le développement du numérique suscite de nouvelles coopérations, et la création d'espace inédits pour la circulation de récits collectifs, les liens entre écrivains et journalistes n'ont pas fini de se reconfigurer. Le prix Nobel récemment accordé à Svetlana Alexeievitch, et la renaissance d'un « journalisme de voix » prouvent la fécondité, bien au delà de la France, de ces hybridations génériques. Cette histoire longue atteste aussi, je crois, de l'intérêt d'une approche qui pense à la fois les œuvres et leurs supports, la culture et son marché, la matière et l'esprit du journalisme.

Информация об авторе

Врона Аделин – профессор Высшей школы наук об информации и коммуникациях (университет Париж-Сорбонна).

Author

Wrona Adeline – professor, Higher School of Information Science and Communication (Paris-Sorbonne University).

ФЕНОМЕН «ФЕЙКОВЫХ НОВОСТЕЙ» В СОВРЕМЕННОМ МЕДИАПРОСТРАНСТВЕ

В статье предпринята попытка теоретического осмысления феномена создания и распространения «фейковых новостей» в современном медиапространстве. Раскрывается содержание понятия «фейк» в широком смысле слова. Понятие «фейковая новость» определяется как «сообщение, стилистически созданное как настоящая новость, но ложное полностью или частично». Представлена авторская классификация «фейковых новостей», в основание которой заложены такие классификационные критерии как соотношение достоверной и недостоверной информации; достоверность обстоятельств времени и места произошедшего события; состав лиц, упоминаемых в «новости»; цели создания и распространения «новости»; уровень восприятия достоверности «новости». Разновидности «фейковых новостей» проиллюстрированы конкретными примерами из российских и зарубежных СМИ и интернет-ресурсов. Представлена информация о мерах, предпринимаемых в целях нейтрализации воздействия «фейковых новостей». Изложены основные положения Закона «О новостных агрегаторах», направленные на предотвращение появления и распространения недостоверной информации в новостях.

Ключевые слова: фейковые новости; фейк; классификация фейковых новостей; новостные агрегаторы.

A.P. Sukhodolov

THE PHENOMENON OF “FAKE NEWS” IN THE MODERN MEDIA SPACE

The article attempts to conceptualize the phenomenon of creating and disseminating fake news in the modern media. The general meaning of the concept ‘fake’ is articulated. Fake news is defined as a

piece of news, which is stylistically written as real news but which is completely or partially false. The author has worked out his own fake news classification based on such classifying criteria as ratio of true and false information, authenticity of the place and time characteristics of an event, persons mentioned in the news, aims followed by the news creators and publishers, how authentic this news seems to the audience. Examples of fake news from Russian and foreign print and online media are given to illustrate the types of fake news described above. Ways of counteracting fake news are analyzed in the article. The basics of the Act "On News Aggregators" aimed at preventing fake news from being published are described.

Keywords: fake news; fake; fake news classification; news aggregators.

«Фейковые новости» стали медиа-явлением, которое всё чаще упоминают лидеры мировых держав, и с которым сталкивается, наверное, едва ли не каждый житель нашей планеты. 11 января 2017 г. президент США Дональд Трамп написал в своем микроблоге в Twitter ставшую знаменитой фразу: «ФЕЙКОВЫЕ НОВОСТИ – ТОТАЛЬНАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ОХОТА НА ВЕДЬМ!»¹. Американский президент назвал «информационной помойкой» издание BuzzFeed, опубликовавшее 35-страничный доклад о якобы имеющем место компромете на Трампа, собранном российскими спецслужбами, и отказался от диалога с корреспондентом CNN Джимом Акостой: «Я не дам вам возможность задать вопрос. Вы занимаетесь информационными фейками»². Позднее CNN рассталась с сотрудниками, прямо или косвенно причастными к появлению на канале спорного материала [1].

Переизбыток фейковых новостей стал яркой отличительной особенностью не только последней американской предвыборной гонки. Если рассматривать «журналистику новостей» как разновидность журналистского жанра [2, с. 138; 3, с. 133; 4, с. 6], то

¹ Trump D. Fake News – A Total Political Witch Hunt! URL: <https://twitter.com/realDonaldTrump/status/818990655418617856>.

² Первая пресс-конференция избранного президента США Дональда Трампа. URL: https://www.youtube.com/watch?v=bOXfLB_GIC0&t=2556s.

в настоящее время можно с уверенностью заявить и о существовании «паражурналистики фейковых новостей». Обилие фальшивых сообщений, маскирующихся под новости, в последние годы достигло критической отметки, и это явление заслуживает серьезного научного анализа. К теоретическому осмыслению феномена «фейковых новостей» уже обращаются как отечественные [5; 6; 7; 8], так и зарубежные [9; 10; 11; 12; 13; 14; 15] авторы.

Понятие «фейк» (от англ. fake – «подделка», «фальшивка», «обман») включает в себя ряд самых разнообразных явлений медиасреды: от поддельных текстов, а также фото-, видео- или аудиозаписей до искусственно созданной по заданию заказчика популярность личности, произведения, проекта (как правило, при помощи интернет-ботов и (или) тех же фальшивых аккаунтов, выставляющих «лайки» и постящих одобрительные комментарии) [16].

«... никто из нас толком не попытался определить – что такое fake news, как они отличаются от false information или desinformation? Нет четких критериев определения и методологии этого понятия», – заявил представитель департамента информации и печати МИД России Максим Буякевич, выступая на конференции ОБСЕ «Свобода СМИ в условиях нестабильности» [17]. Тем не менее, если исходить из того, что новость – это оперативное информационное сообщение о событиях, произошедших недавно или происходящих в текущий момент, представляющее политический, экономический или общественный интерес для аудитории в своей свежести, то «фейковая новость» – это сообщение, стилистически созданное как настоящая новость, но ложное полностью или частично.

Анализ значительного массива «фейковых новостей» [18, с. 146–151] позволяет выделить следующие их разновидности:

I. В зависимости от соотношения достоверной и недостоверной информации:

1. «Новость» представляет собой ложь от начала до конца, например: «Правительство Исландии приняло решение выплачивать по 5000 евро каждому иммигранту, который возьмет в жены местную девушку»¹. Часто такие «фейковые новости» сообщают о

¹ Данный фейк можно обнаружить, например, на русскоязычном сайте dictat.net (<http://dictat.net/8652>), на англоязычном ресурсе thespiritwhispers.com (<http://www.thespiritwhispers.com>)

«смертях» знаменитостей, так журналист Томмаззо де Бенедетти, известный в Европе как создатель многих фейковых новостей и пранков провокационного характера, взял на себя ответственность за «новость о смерти» нобелевского лауреата Светланы Алексиевич (ранее он же сообщил о «кончине» Михаила Горбачева и Башара Асада) [19].

2. «Новость» содержит ложь на фоне в целом достоверной информации, представленной выборочно.

3. В основе «новости» лежит реальное событие, отдельные фрагменты которого искажены. Это могут быть, к примеру, измененные в нужном для фальсификаторов русле аудио- и видеозаписи, отредактированные фотографии; цитаты, вырванные из контекста или представленные в определенной последовательности и т. п.

II. В зависимости от достоверности обстоятельств времени и места произошедшего события:

1. «Новость» преподносит как новость правдивую информацию, имевшую место в прошлом.

2. «Новость» о событии, которое реально произошло в одном месте, преподносится как событие, произошедшее в другом.

III. В зависимости от состава лиц, упоминаемых в «новости»:

1. «Новость» содержит ссылку на якобы имевшее место высказывание публичного лица, размещенное от имени фейкового аккаунта. Так, в качестве официальной российской реакции на принятие региональным советом итальянской области Венето резолюции, призывающей признать фактический статус Крыма и отменить санкции против России, англоязычный сайт телеканала Europe news продемонстрировал скриншот «аккаунта министра иностранных дел России Сергея Лаврова в Twitter». Как пояснила официальный представитель Министерства иностранных дел России Мария Захарова, у Лаврова нет аккаунта в Twitter. При этом русскоязычный сайт телеканала фейк не разместил. «Это даже не пропаганда, это дезинформация. Возможная цель – раскрутка фейкового ресурса», – предположила М. Захарова, указав, что на сайте

thespiritwhispers.com). Опровержение: Fontaine, P. No, The Government Will Not Pay You To Marry An Icelander (<http://grapevine.is/news/2016/07/01/no-the-government-will-not-pay-you-to-marry-an-icelander>).

МИД России размещен полный перечень официальных аккаунтов его загранучреждений и руководства [20].

2. «Новость» выставляет второстепенного участника события в качестве главного действующего лица.

3. «Новость», основанная на непроверенных показаниях лиц, якобы являвшихся свидетелями каких-либо событий. Одним из ярких примеров подобной «новости» стала история о «распятом мальчике», рассказанная Первому каналу беженкой из Славянска¹. Несмотря на допущение канала, что «рассказ несчастной плачущей беженки» мог быть «болезненной фантазией, страшнее которой оказалась реальная жизнь», отраженная в кадрах хроники этой войны², оппозиционные СМИ получили возможность использовать выражение «распятый мальчик» для дискредитации темы о гибели мирного населения в ходе «антитеррористической операции».

IV. В зависимости от целей создания и распространения:

«Новости», создаваемые и распространяемые с целью развлечения потребителя. Современная медиасреда включает в себя отдельную нишу информационных ресурсов, созданных для производства фейковых новостей (медиапроект The Onion в США³, ресурсы FOGNEWS⁴, NOBOSTI⁵, FIBSTER⁶, NetLore⁷ и др.

«Новости», создаваемые и распространяемые в целях достижения политических преимуществ: дискредитации политических конкурентов (в том числе в ходе предвыборной борьбы), провоцирования уличных беспорядков, насильственной смены власти и т. д.

«Новости», создаваемые в целях дискриминации лиц по признаку пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств. Наглядным приме-

¹ URL: https://www.1tv.ru/news/2014/07/12/37175-bezhenka_iz_slavyanska_vspominaet_kak_pri_ney_kaznili_malenkogo_syna_i_zhenu_opolchentsa.

² URL: https://www.1tv.ru/news/2014/12/21/31502-zhurnalisty_pervogo_otvlechayut_na_obviniyeniya_vo_lzhi_v_svyazi_s_syuzhetom_pro_ubiystvo_rebenka_v_slavyanske.

³ URL: <http://www.theonion.com>.

⁴ URL: <http://fognews.ru>.

⁵ URL: <http://hobosti.ru>.

⁶ URL: <http://fibster.ru>.

⁷ URL: <http://www.netlore.ru>

ром служат «новости информационных войн», которые ведутся параллельно с реальными боевыми действиями в горячих точках нашей планеты.

4. «Новости», создаваемые и распространяемые в целях повышения интернет-трафика. С многочисленными примерами подобных «новостей» постоянно сталкиваются пользователи социальных сетей, а также мессенджеров типа Viber, WhatsApp и др. Информация о потерявшихся детях, домашних животных, срочно необходимой для спасения жизни редкой группы крови и т. п. распространяется по социальным сетям подобно вирусу, многократно умножая доходы мобильных операторов за счет увеличения интернет-трафика. В преддверии Нового года в социальных сетях по всей стране появилась новость следующего содержания: «Информация из нашей инфекционной больницы. 10 детей в реанимации, 2 погибли. Причина того – китайские мандарины с веточками!» «Информацию» непрерывно опровергали медики инфекционных больниц в различных населенных пунктах¹ [21].

5. «Новости», создаваемые и распространяемые с целью мошеннического завладения денежными средствами и прочим имуществом потребителей. К разряду таких новостей нередко относятся новости о сборе денег на лечение тяжелобольных детей, которые на поверку оказываются недостоверными².

6. «Новости», создаваемые в целях нанесения ущерба информации, хранящейся в компьютере пользователя. Так, под «новостью» о смерти знаменитого актера Бреда Питта, якобы исходящей от американского телеканала Fox News, был замаскирован вредоносный компьютерный вирус, который активировался при нажатии на это сообщение³.

7. «Новости», создаваемые и распространяемые с целью привлечения внимания к отдельной личности, компании, проекту или движению. К примеру, среди российских подростков так в конце

¹ Слухи об отравлении детей мандаринами добрались до Тюмени URL: <http://www.naurfo.ru/news/38194>.

² Мошенники собрали рекордные пожертвования под реальные истории больных нуждающихся в лечении детей. URL: <http://pravo.ru/news/view/103023>.

³ Бред Питт умер. Почему не стоит смотреть такую новость в интернете. URL: <http://thejizn.com/2016/09/28/brad-pitt-death-hoax-facebook>.

2015 г. был «раскручен» образ нового «кумира» – девочки, известной под интернет-мемом Рины «Ня.Пока» [22]. 23 ноября 2015 г. 16-летняя Рина легла на железнодорожное полотно в нескольких метрах от движущегося в ее направлении грузового поезда. Фото девочки с отрезанной головой почти мгновенно было выложено в Интернет. После ажиотажа, вызванного смертью Рины, в социальной сети «ВКонтакте» был запущен слух, что девочка состояла в одной из групп, проводящих с пользователями игру в так называемый суицидальный квест. В результате многократно возрос спровоцированный такой «новостью» интерес к «игре» с трагическими последствиями [23].

8. «Новости», создаваемые и распространяемые в целях манипуляции рынком или получения определенных преимуществ в экономической деятельности. Так, утром 14 июля 2017 г. на нью-йоркской бирже внезапно подорожали акции компании Twitter. Цена выросла на 8 процентов, что подняло капитализацию примерно на два миллиарда долларов. Рост капитализации был обусловлен распространением поддельной новости о предполагаемой покупке Twitter за 31 миллиард долларов. Фейк разместили на поддельном сайте bloomberg.market, дизайн которого скопировали с настоящего сайта агентства Bloomberg. В публикации отмечалось, что покупателем может выступить Google¹.

V. В зависимости от уровня восприятия достоверности:

1. «Новости», носящие явно фейковый характер.

2. «Новости», способные вызвать сомнение относительно их «фейковости» и побудить потребителей проверить полученную информацию.

3. «Новости», сфальсифицированные столь убедительно, что сомнений в их «фейковости» практически не возникает.

В исследовании Trend Micro под названием «Машина фейковых новостей. Как пропагандисты занимаются злоупотреблениями в интернете и манипулируют общественностью» продемонстрировано, как просто и недорого заказчики и создатели фейковых но-

¹ Фейковая новость подняла капитализацию Twitter на пару миллиардов долларов. URL: <https://meduza.io/news/2015/07/14/feykovaya-novost-podnyala-kapitalizatsiyu-twitter-na-paru-milliardov-dollarov>.

востей могут управлять общественным сознанием [24]. Основатель SpaceX и Tesla Илон Маск в выступлении на собрании Национальной ассоциации губернаторов США выступил с призывом действовать на опережение в регулировании сферы действия «искусственного интеллекта»: «Роботы могут начать войну, выпуская фейковые новости и пресс-релизы, подделывая учетные записи электронной почты и манипулируя информацией. Перо сильнее меча» [25].

Фейковые новости органично вписываются в концепцию «пост-правды». «Пост-правда», названная в 2016 году «словом года», согласно Оксфордскому словарю, «описывает или обозначает обстоятельства, при которых объективные факты являются менее важными при формировании общественного мнения, чем призывы к эмоциям и личным убеждениям»¹.

Приведенный выше анализ возможных классификаций фейковых новостей наглядно демонстрирует опасность, которую представляет собой этот медиафеномен в современных условиях развития информационных технологий. Образно говоря, неконтролируемое распространение фейковых новостей способно спровоцировать своего рода «информационные теракты» огромной разрушительной силы. Осознание негативных аспектов этого явления побуждает социальные и государственные институты к поиску механизмов фильтрации фейковых вбросов.

Социальные сети. Во время последней президентской кампании в США Facebook, Twitter и Google подверглись жесткой критике за активное распространение фейковых новостей о кандидатах Дональде Трампе и Хиллари Клинтон. Такие новости получали в Facebook больший охват, чем реальные новости The New York Times, The Washington Post, The Huffington Post и др. Цукерберг, который первоначально отверг упреки в том, что фальшивые новости в соцсети могли повлиять на исход выборов, указав, что таких новостей было очень мало, тем не менее, представил план борьбы Facebook с публикуемыми пользователями соцсети фальшивыми новостями. Десятки сотрудников Facebook были переведены из других проектов для срочного решения этой проблемы, решается вопрос об использовании искусственного интеллекта (artificial

¹ URL: <https://en.oxforddictionaries.com/word-of-the-year/word-of-the-year-2016>.

intelligence, AI) для выявления фейковых новостей и сцен насилия в прямых видеотрансляциях¹. Кроме того, Facebook решил привлечь к решению проблемы журналистов. Компания будет работать с новостными редакциями² и организует целую кампанию по обучению пользователей тому, как отличить настоящие новости от фейков [27]. Среди мер – улучшение алгоритмов для определения достоверности новостей, облегчение информирования со стороны пользователей о недостоверной информации и обращение к третьим лицам и организациям за экспертной оценкой. Руководство Facebook приняло решение активировать специальную функцию, которая будет проверять подлинность новостей. Функция рекомендаций в новостной ленте пользователя будет дополнена возможностью сообщить о том, что предлагаемая информация является недостоверной или вводит в заблуждение. Сообщения, которые пользователи социальной сети сочтут «фейками», будут проходить не только автоматическую проверку, но и проверяться независимыми фактчекерами. Такой способ проверки и выявления недостоверной информации будет использоваться в США, во Франции, Германии и Нидерландах³. Аналогичная возможность появится в сети микроблогов Twitter [28].

Однако на практике в борьбе соцсетей с фейками происходят курьезы. Журналист Максим Кононенко написал на Facebook выдуманную новость о том, как американцы требуют убрать из романа «Унесенные ветром» Ретта Батлера, потому что он воевал за конфедератов (контекстом для создания «новости» послужили последние события в Шарлотсвилле). «Новость» собрала сотни лайков и десятки перепостов, однако практически никто не усомнился в ее правоте. Когда же журналист написал новый – объяснитель-

¹ Цукерберг назвал безумными обвинения Facebook в помощи Трампу. URL: <http://www.vedomosti.ru/politics/news/2016/11/11/664541-tsukerberg-bezumnimi>.

² При этом представители правых сил уже начали жаловаться, что Facebook договорился о фактчекинге с левыми организациями. В частности, главный редактор Daily Wire Бен Шапиро заявил, что фактчекерами стали Politifact, Factcheck.org, Snopes, ABC news и The Washington Post, все они имеют левый уклон, и это бедствие для новостей [26].

³ Facebook будет самостоятельно выявлять фейковые новости // Коммерсант. 2017. 3 авг.

ный – пост с извинениями, Facebook отказался публиковать его, посчитав фейком [29].

Поисковые ресурсы. Как и Facebook, Google¹, больше не будет делиться рекламными доходами с сайтами, которые распространяют фейковые новости. Более того, в поисковике и новостном агрегаторе Google будут выдаваться результаты с пометкой fact check – статьи с проверкой фактов, связанных с запросом. Такую пометку получают статьи от изданий, авторизованных Google. Для этого издания должны использовать специальную разметку ClaimReview, разработанную schema.org, или виджет Share the Facts; при этом они должны быть «алгоритмически определены как авторитетное издание»².

Сооснователь Wikipedia Джимбо Уэйлс объявил о создании нового интернет-ресурса Wikitribune, задачей которого будет борьба с фейковыми новостями³. Проект будет финансироваться методом краудфандинга, работать в нем будут профессиональные журналисты.

Интернет-браузеры. Компания Mozilla анонсировала проект под названием Mozilla Information Trust Initiative («Инициатива Mozilla по информационному доверию»), в рамках которого будет запущена борьба с поддельными новостями. Эксперты компании разрабатывают инструменты для браузера Firefox, способные проверять достоверность различных материалов. Кроме того, ведется сотрудничество со СМИ, учеными и специалистами⁴.

Технологии. Польский стартап Userfeeds привлек 0,8 млн дол. для разработки платформы дистрибуции контента, основанную на технологии блокчейн. Эта платформа поможет издателям и социальным сетям выявлять в том числе фейковые новости. Userfeeds предлагает применить принципы и методы блокчейна «для создания прозрачных и доступных для общественного аудита систем размещения и распространения контента [30].

¹ Google сообщил, что запретит рекламировать в своей системе Google AdSense сайты, размещающие искаженную информацию и скрывающие имена своих владельцев.

² Google добавил фактчек в новостной агрегатор и поисковик. URL: <https://meduza.io/news/2017/04/07/google-dobavil-faktchek-v-novostnoy-agregator-i-poiskovik>.

³ URL: <https://www.wikitribune.com>.

⁴ URL: <https://blog.mozilla.org/blog/2017/08/08/mozilla-information-trust-initiative-building-movement-fight-misinformation-online>.

Глава SAP National Security Services Марк Тестони заявил, что в борьбе с фейками могут оказать помощь искусственный интеллект и алгоритмы, позволяющие отследить поведение человека в интернете. К таким алгоритмам М. Тестони относит, например, механизмы таргетинга, позволяющие рекламным агентствам точно определять контент, который будет интересен конкретному пользователю, а также приводит в качестве позитивной аналогии технологию борьбы с кликбейтом, полагая, что «он из той же области, что и фейковые новости». При этом Тестони признает, что бороться с выдуманными новостями, и прежде всего с теми, кто их создает и распространяет, при помощи одних лишь технологий невозможно: определяющим фактором все равно остается бдительность самих читателей и читателей [31].

Медиаграмотность. В апреле 2017 г. Facebook начала кампанию по информированию пользователей и оказанию помощи в выявлении недостоверной информации. Подобную акцию Facebook проводит в европейских странах перед выборами: во Франции инструкция по выявлению фальшивых новостей была опубликована в таких газетах, как *Le Monde*, *Les Echos*, *Liberation*, *Le Parisien*, *20 Minute*, в Германии в газетах *Bild*, *Suddeutsche Zeitung*, *Die Welt*. Перед парламентскими выборами в июне с.г. в Великобритании инструкция Facebook появилась на страницах *The Guardian*, *The Daily Telegraph* и *The Times* [32].

Организация экономического сотрудничества и развития намерена внести изменения в свою программу оценки знаний учащихся (*Programme for International Student Assessment, PISA*), на основе которой составляется международный рейтинг образовательных систем. В будущем в тесте PISA появится часть, которая позволит оценить навыки школьников по ориентированию в цифровой среде и пониманию онлайн-документов [33].

Реакция власти. Команда президента Трампа начала создавать собственные новостные передачи и распространять их в соцсетях под брендом *Real News* [33]. Представитель МИД РФ Мария Захарова открыла на сайте ведомства раздел с разоблачением фейковых новостей, в котором собираются недостоверные, с позиции сотрудников МИД, сообщения ведущих западных СМИ и официальных

представителей разных стран¹. В Британии назначен министр по борьбе с подрывной деятельностью, к которой власти отнесли, в том числе, и распространение фейковых новостей, а правительство Германии поддержало законопроект о введении штрафов для социальных сетей за разжигание ненависти и фейковые новости².

В России в рамках борьбы с недостоверной информацией с 2017 г. вступил в силу Закон № 208-ФЗ, известный в прессе как Закон «О новостных агрегаторах»³. Этим нормативным актом в Закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» включена статья 10.4. («Особенности распространения информации новостным агрегатором»).

С принятием данного Закона владельцы новостных агрегаторов обязаны среди прочего проверять достоверность распространяемых общественно значимых сведений до их распространения и незамедлительно прекратить их распространение на основании предписания уполномоченного органа; не допускать использование новостного агрегатора в целях сокрытия или фальсификации общественно значимых сведений, распространения недостоверной общественно значимой новостной информации под видом достоверных сообщений.

Владелец новостного агрегатора не несет ответственность за распространение им новостной информации в случае, если она является дословным воспроизведением сообщений и материалов или их фрагментов, распространенных средством массовой информации, которое может быть установлено и привлечено к ответственности за нарушение законодательства Российской Федерации о средствах массовой информации.

В случае обнаружения на новостном агрегаторе фактов фальсификации общественно значимых сведений, распространения недостоверной общественно значимой новостной информации под

¹ URL: <http://www.mid.ru/ru/nedostovernie-publikacii>.

² Власти Германии намерены штрафовать соцсети за фейковые новости // Коммерсант. 2017. 5 апр.

³ О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях : федер. закон от 23 июня 2016 г. № 208-ФЗ // Российская газета. 2016. 28 июня.

видом достоверных сообщений, а также распространения новостной информации с нарушением законодательства Российской Федерации уполномоченные государственные органы вправе обратиться в Роскомнадзор с приложением решения суда или решения указанного государственного органа с требованием принять меры по прекращению распространения такой информации. Роскомнадзор в течение 24 часов с момента получения такого требования рассматривает его и направляет владельцу новостного агрегатора предписание о незамедлительном прекращении запрещенной для распространения информации.

Закон «О новостных агрегаторах» прежде всего затрагивает такие ресурсы, как «Яндекс.Новости»¹ и «Новости Google», которые автоматически собирают новостную картину дня из публикаций избранных электронных изданий. Несмотря на резкую критику представителей интернет-бизнеса, уже побудившую Роскомнадзор выпустить «успокаивающие» разъяснения², полагаем, что данный Закон, в принципе, является адекватной предупредительной мерой на пути вбросов фейковых новостей за пределами социальных сетей, где эта проблема пока все еще остается нерешенной. Тем не менее, практика показала, что СМИ не способны устоять перед искушением запустить «горячую» новость, привлекающую внимание пользователей. Так, 14 ноября на первом месте в топ-Яндекс попала новость о «разводе» четы Клинтон. Как выяснило позднее интернет-издание Meduza, первое сообщение об этом появилось 10 ноября 2016 г. на сайте фейковых заметок The Christian Times Newspaper. Через несколько дней «новость» добралась до российских СМИ: об этом сообщили BFM.ru и сайт государственного телеканала «Звезда», а затем похожие заметки появились в десятках федеральных и региональных изданий, включая «Газету.ру», Russia Today, «Эхо Москвы», «Российскую

¹ Аудитория «Яндекс.Новостей» в среднем, составляет 6 млн. пользователей в сутки [Электронный ресурс]. URL: <https://www.searchengines.ru/auditoriya-yandex-novostej-v-srednem.html>.

² Разъяснения по вопросу распространения новостными агрегаторами информации, размещенной на сайтах, не являющихся СМИ [Электронный ресурс]. URL: <https://rkn.gov.ru/news/rsoc/news41987.htm>.

газету» и «Москву-24»¹. Этот пример наглядно демонстрирует, что человеческий фактор, по-прежнему, является основной причиной распространения фейков.

Подводя итог, обозначим назревшую необходимость в разработке комплекса мер, направленных на предупреждение распространения фейковых новостей и нейтрализацию последствий такого распространения. Журналистскому сообществу требуется не только адекватный подход к трансляции новостей со стороны социальных сетей, но и взыскательная читательская аудитория, овладевшая, как минимум, азами медиаграмотности. Эпидемия «фейковых новостей» ставит перед средствами массовой информации задачу возвращения доверия своей аудитории, которая все чаще предпочитает получать информацию через социальные сети. «Журналистика факта» должна решительно выступить против «паражурналистики фейка».

Список использованной литературы

1. Шестаков Е. Уволены – и это уже не фейк / Е. Шестаков // Российская газета. – 2017. – 27 июня.
2. Основы творческой деятельности журналиста : учебник для студентов вузов по спец. «Журналистика» / ред.-сост. С. Г. Корконосенко. – СПб. : Знание, 2000. – 272 с.
3. Репкова Т. Новое время: как издавать профессиональную газету в демократическом обществе / Т. Репкова. – М. : ГИПП, 2001. – 468 с.
4. Колесниченко А. В. Практическая журналистика : учеб. пособие / А. В. Колесниченко. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 2008. – 180 с.
5. Иссерс О. С. Медиафейки: между правдой и мистификацией / О. С. Иссерс // Коммуникативные исследования. – 2014. – № 2. – С. 112–123.
6. Ильченко С. Н. Фейковая журналистика как элемент современной шоу-цивилизации / С. Н. Ильченко // Известия Уральского

¹ Фейковая новость про развод Клинтонов вышла в топ «Яндекса»: так много СМИ в нее поверили. URL: <https://meduza.io/shapito/2016/11/14/feykovaya-novost-pro-razvod-klintonov-vyshla-v-top-yandeksa-tak-mnogo-smi-v-nee-poverili>.

федерального университета. Сер. 1 : Проблемы образования, науки и культуры. – 2016. – Т. 153, № 22-3. – С. 14–18.

7. Нигматуллина К. Р. Ценность информации как предмет аксиологии журналистики / К. Р. Нигматуллина // Медиа в современном мире. – 2016. – С. 154–156.

8. Джазоян А. Е. Иллюзия «пятой власти»: как социальные сети модернизируют журналистику / А. Е. Джазоян // Ученые записки Забайкальского государственного университета. Серия: Филология, история, востоковедение. – 2014. – № 2. – С. 93–100.

9. The Stewart / Colbert effect: Essays on the real impacts of fake news / ed. A. Amarasingam. – NC : McFarland, 2011. – 197 p.

10. Borden S. L. The role of journalist and the performance of journalism: Ethical lessons from «fake» news (seriously) / S. L. Borden, C. Tew // Journal of Mass Media Ethics. – 2007. – Vol. 22, no. 4. – P. 300–314.

11. McBeth M. K. Is the Fake News the Real News? The Significance of Stewart and Colbert on Democratic Discourse, Politics, and Policy [Electronic resource] / M. K. McBeth, R. S. Clemons. – 2011. – Mode of access: https://works.bepress.com/mark_mcbeth/37/.

12. Marchi R. With Facebook, blogs, and fake news, teens reject journalistic «objectivity» / R. Marchi // Journal of Communication Inquiry. – 2012. – Vol. 36, no. 3. – P. 246–262.

13. Willingham E. A Scientific Approach To Distinguishing Real From Fake News / E. Willingham // Forbes magazine. – 2016. – November 28.

14. McEvers K. Stanford Study Finds Most Students Vulnerable To Fake News [Electronic resource] / K. McEvers – Mode of access: <http://www.npr.org/2016/11/22/503052574/stanford-study-finds-most-students-vulnerable-to-fake-news>

15. Jaramillo C. How to break it to your friends and family that they're sharing fake news / C. Jaramillo // The Dallas Morning News. – 2016. – November 15.

16. Клишин И. Максимальный ретвит: Фейк-пропаганда на новом уровне / И. Клишин // Ведомости. – 2014. – 12 февр.

17. Буякевич М. МИД РФ предлагает выработать в ОБСЕ четкое определение понятия «фейковые новости» [Электронный ресурс] / М. Буякевич. – Режим доступа: <http://tass.ru/politika/4347718>.

18. Суходолов А. П. «Фейковые новости» как феномен современного медиапространства: понятие, виды, назначение, меры противодействия / А. П. Суходолов, А. М. Бычкова // Вопросы теории и практики журналистики. – 2017. – Т. 6, № 2. – С. 143–169. – DOI 10.17150/2308-6203.2017.6(2).143-169.

19. Васильев А. Автором новости о "смерти" Алексиевич стал итальянский журналист / А. Васильев // Российская газета. – 2017. – 18 мая.

20. Захарова М. МИД вновь упрекнул Euronews в неверной подаче информации [Электронный ресурс] / М. Захарова. – Режим доступа: <http://www.vedomosti.ru/politics/news/2016/05/24/642163-mid-vnov>.

21. Федосеенко В. Иркутяне отравились «мандаринами с точками»? Минздрав отрицает [Электронный ресурс] / В. Федосеенко. – Режим доступа: <http://newsbabr.com/irk/?IDE=153827>.

22. Кочегаров П. Н. Икона суицида [Электронный ресурс] / П. Кочегаров. – Режим доступа: https://life.ru/t/%D1%80%D0%B0%D1%81%D1%81%D0%BB%D0%B5%D0%B4%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D1%8F/412546/nia_ikona_suitsida.

23. Мурсалиева Г. Группы смерти / Г. Мурсалиева // Новая газета. – 2016. – 16 мая.

24. Gu L. The Fake News Machine. How Propagandists Abuse the Internet and Manipulate the Public [Electronic resource] / L. Gu, V. Kropotov, F. Yarochkin. – Mode of access: https://documents.trendmicro.com/assets/white_papers/wp-fake-news-machine-how-propagandists-abuse-the-internet.pdf?_ga=2.117063430.1073547711.1497355570-1028938869.1495462143.

25. Сарханянц К. «Роботы могут начать войну, выпуская фейковые новости и пресс-релизы» / К. Сарханянц // Коммерсант. – 2017. – 17 июля.

26. Райбман Н. Facebook начал борьбу с фейковыми новостями [Электронный ресурс] / Н. Райбман. – Режим доступа: <http://www.vedomosti.ru/technology/articles/2016/12/16/669946-facebook-borbu>.

27. Голицина А. Журналисты помогут Facebook бороться с фейками [Электронный ресурс] / А. Голицина. – Режим доступа:

<http://www.vedomosti.ru/technology/articles/2017/01/11/672608-zhurnalisti-pomogut-facebook>.

28. Dwoskin E. Twitter is looking for ways to let users flag fake news, offensive content / E. Dwoskin // The Washington Post. – 2017. – 29 June.

29. Кононенко М. У каждого – свои фейки [Электронный ресурс] / М. Кононенко. – Режим доступа: <http://radiovesti.ru/brand/60944/episode/1534218>.

30. Голицина А. Userfeeds создает блокчейн-платформе дистрибуции новостей [Электронный ресурс] / А. Голицина. – Режим доступа: <https://www.vedomosti.ru/technology/articles/2017/05/03/688542-userfeeds-novostei>.

31. Сарханиянц К. Фальшивые сообщения узнают по повадкам / К. Сарханиянц // Коммерсант. – 2016. – 24 дек.

32. Рождественская Я. Фейсбук предостерегает от фейковых новостей / Я. Рождественская // Коммерсант. – 2017. – 9 мая.

33. Халаф Р. Глобалист: школьники и фейки / Р. Халаф // Ведомости. – 2017. – 30 марта.

34. Акимова А., Черненко Е. Новости от первого лица / А. Акимова, Е. Черненко // Коммерсант. – 2017. – 9 авг.

References

1. Shestakov E. Fired – and It Is Not a Fake Any More. *Rossiiskaya gazeta = Rossiyskaya Gazeta*, 2017, June 27. (In Russian).

2. Korkonosenko S. G. (ed.) *Osnovy tvorcheskoi deyatel'nosti zhurnalista* [Basics of Creative Journalism]. Saint Petersburg, Znanie Publ., 2000. 272 p.

3. Repkova T. *Novoe vremya: kak izdat' professional'nyuyu gazetu v demokratichestvom obshchestve* [Modern Age: How To Publish A Professional Newspaper in a Democratic Society]. Moscow, GIPP Publ., 2001. 468 p.

4. Kolesnichenko A. V. *Prakticheskaya zhurnalistika* [Practical Journalism]. Moscow State University, 2008. 180 p.

5. Issers O. S. Mediafake: between truth and hoax. *Kommunikativnye issledovaniya = Communicative Studies*, 2014, no. 2, pp. 112–123. (In Russian).

6. Ilchenko S. N. Fake journalism as an element of the contemporary show-civilization. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Ser. 1, Problemy obrazovaniya, nauki i kul'tury = Ural Federal University Journal. V.1, Issues in Education, Science and Culture*, 2016, vol. 153, no. 22-3, pp. 14–18. (In Russian).

7. Nigmatullina K. R. The value of information as a subject of axiology of journalism. *Vek informatsii = Information Age*, 2016, no. 2, pp. 154. (In Russian).

8. Dzhazoyan A. E. The fifth estate illusion: how social networks influence on journalism practice. *Uchenye zapiski Zabaikal'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Filologiya, istoriya, vostokovedenie = Transbaikal State University Journal. V. Philology, History, Oriental Studies*, 2014, no. 2, pp. 93–100. (In Russian)..

9. Amarasingam A. (ed.) *The Stewart / Colbert effect: Essays on the real impacts of fake news*. NC, McFarland, 2011. 197 p.

10. Borden S. L., Tew C. The role of journalist and the performance of journalism: Ethical lessons from «fake» news (seriously). *Journal of Mass Media Ethics*. 2007, vol. 22, no. 4, pp. 300–314.

11. McBeth M. K., Clemons R. S. Is the Fake News the Real News? The Significance of Stewart and Colbert on Democratic Discourse, Politics, and Policy. 2011. Available at: https://works.bepress.com/mark_mcbeth/37/.

12. Marchi R. With Facebook, blogs, and fake news, teens reject journalistic «objectivity». *Journal of Communication Inquiry*, 2012, vol. 36, no. 3, pp. 246–262.

13. Willingham E. A Scientific Approach To Distinguishing Real From Fake News. *Forbes magazine*, 2016, November 28.

14. McEvers K. Stanford Study Finds Most Students Vulnerable To Fake News. Available at: <http://www.npr.org/2016/11/22/503052574/stanford-study-finds-most-students-vulnerable-to-fake-news>.

15. Jaramillo C. How to break it to your friends and family that they're sharing fake news. *The Dallas Morning News*, 2016, November 15.

16. Klishin I. Most Retweeted News: a New Level of Fake Propaganda. *Vedomosti*, 2014, February 12. (In Russian).

17. Buyakevich M. *MID RF predlagaet vyrabotat' v OBSE chetkoe opredelenie ponyatiya "feikovyie novosti"* [The Ministry of Foreign

Affairs of the Russian Federation Suggests Working out in the OSCE a Clear Definition of the Concept of "Fake News"]. Available at: <http://tass.ru/politika/4347718>. (In Russian).

18. Sukhodolov A. P., Bychkova A. M. Fake news as a modern media phenomenon: definition, types, role of fake news and ways of taking measures against it. *Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki = Theoretical and Practical Issues of Journalism*, 2017, vol. 6, no. 2, pp. 143–169. DOI: 10.17150/2308-6203.2017.6(2).143-169. (In Russian).

19. Vasil'ev A. An Italian Journalist Turned out to be the Author of the News about “Death” of Aleksievich. *Rossiiskaya gazeta = Rossiyskaya Gazeta*, 2017, May 18. (In Russian).

20. Zakharova M. *MID vnov' upreknul Euronews v nevernoi podache informatsii* [The Ministry of Foreign Affairs Newly Reproached Euronews for Misreporting Information]. Available at: <http://www.vedomosti.ru/politics/news/2016/05/24/642163-mid-vnov>. (In Russian).

21. Fedoseenko V. *Irkutyane otravilis' «mandarinami s vetochkami»? Minzdrav otritsaet* [Citizens of Irkutsk Got Poisoned by “Tangerine with Twigs”? The Ministry of Healthcare Denies]. Available at: <http://newsbabr.com/irk/?IDE=153827>. (In Russian).

22. Kochegarov P. N. *Ikona suitsida* [A Suicide Icon]. Available at: https://life.ru/t/%D1%80%D0%B0%D1%81%D1%81%D0%BB%D0%B5%D0%B4%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D1%8F/412546/nia_ikona_suitsida. (In Russian).

23. Mursaliev G. Groups of Death. *Novaya Gazeta*, 2016, May 16. (In Russian).

24. Gu L., Kropotov V., Yarochkin F. The Fake News Machine. How Propagandists Abuse the Internet and Manipulate the Public. Available at: https://documents.trendmicro.com/assets/white_papers/wp-fake-news-machine-how-propagandists-abuse-the-internet.pdf?_ga=2.117063430.1073547711.1497355570-1028938869.1495462143.

25. Sarkhanyants K. Robots Can Start a War Publishing Fake News and Press Releases. *Kommersant = Kommersant*, 2017, July 17. (In Russian).

26. Raibman N. *Facebook nachal bor'bu s feikovymi novostyami* [Facebook Started Fighting Fake News]. Available at: <http://www>.

vedomosti.ru/technology/ articles/2016/12/16/669946-facebook-borbu. (In Russian).

27. Golitsina A. *Zhurnalisty pomogut Facebook borot'sya s feikami* [Journalists Will Help Facebook Take Measures Against Fake News]. Available at: <http://www.vedomosti.ru/technology/articles/2017/01/11/672608-zhurnalisti-pomogut-facebook>. (In Russian).

28. Dwoskin E. Twitter is looking for ways to let users flag fake news, offensive content. *The Washington Post*, 2017, June 29.

29. Kononenko M. *U kazhdogo – svoi feiki* [Everyone Has Their Own Fakes]. Available at: <http://radiovesti.ru/brand/60944/episode/1534218>. (In Russian).

30. Golitsina A. *Userfeeds sozdaet blokchein-platformu distributsii novostei* [Userfeeds Creates a Blockchain Platform of News Distribution]. Available at: <https://www.vedomosti.ru/technology/articles/2017/05/03/688542-userfeeds-novostei>. (In Russian).

31. Sarkhanyants K. False Messages Are Detected Via Their Ways. *Kommersant = Kommersant*, 2016, Desember 24. (In Russian).

32. Rozhdestvenskaya Ya. Facebook Warns against Fake News. *Kommersant = Kommersant*, 2017, May 9. (In Russian).

33. Khalaf R. Globalist: Schoolchildren and Fakes. *Vedomosti*, 2017, March 30. (In Russian).

34. Akimova A., Chernenko E. First-Person News. *Kommersant = Kommersant*, 2017, August 9. (In Russian).

Информация об авторе

Суходолов Александр Петрович – доктор экономических наук, профессор, ректор, Байкальский государственный университет, 664003, Российская Федерация, г. Иркутск, ул. Ленина, 11, e-mail: rector@bgu.ru.

Author

Alexander P. Sukhodolov – D.Sc. in Economics, Professor, Rector, Baikal State University, 11 Lenin St., 664003, Irkutsk, the Russian Federation, e-mail: rector@bgu.ru.

УДК 339.9(517.3)

**А.П. Суходолов,
А.М. Бычкова**

К ВОПРОСУ О РОЛИ СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ В ПРОТИВОДЕЙСТВИИ ПРОПАГАНДЕ СУИЦИДА В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ

В статье рассматривается корреляция числа самоубийств с распространением информации о них в средствах массовой информации и интернете. Описан феномен вовлечения пользователей социальных сетей в суицидальный квест «Синий кит». Проанализирована реакция журналистского сообщества на публикацию статьи Г. Мурсалиевой «Группы смерти». Представлена хронология распространения игры «Синий кит» в 2017 году в зарубежных странах (Испании, Португалии, Франции, Польше, Бразилии, США, Китае, Индии и др.), поставлен вопрос о взаимосвязи появления в СМИ информации о суицидальном квесте и вступления детей в контакты с «кураторами». Указывается, что полноценные выводы о влиянии СМИ на рост интереса к суицидальному квесту можно сделать лишь с одновременным изучением процессов появления определенных хештегов в социальных сетях. Авторы приходят к выводу о необходимости создания четкой научно обоснованной стратегии информационного противодействия пропаганде суицида.

Ключевые слова: самоубийство; «эффект Вертера»; «Синий кит»; СМИ; пропаганда суицида.

**A.P. Sukhodolov,
A.M. Bychkova**

ON THE ROLE OF MASS MEDIA IN COUNTERING THE PROPAGANDA OF SUICIDE IN SOCIAL NETWORKS

The article considers the correlation between the number of suicides and creating publicity about them in the massmedia and the Internet. The authors describe the phenomenon of involving social networkers in the

suicide quest “Blue Whale”, and analyse the reaction of the fourth estate to the publication of the article “Groups of Death” by G. Mursalieva. They also study the chronology of “Blue Whale” game distribution in foreign countries (Spain, Portugal, France, Poland, Brazil, the USA, China, India, etc.) in 2017. All this may outline a possible correlation between the massmedia reports about the suicide quest and children’s contacts with the group supervisors. It is noted that comprehensive inferences about the massmedia’s impact on the increase of public interest to the suicide quest can be made only after a profound study of the emergence of the relevant hashtags in the social networks. The authors emphasise the necessity of developing a clear, scientifically based strategy of informational counteracting suicide propaganda.

Keywords: suicide, “Werther effect”, “Blue whale”, media, suicide propaganda.

Влияние информации в СМИ о самоубийствах на поведение населения неоднократно становилась предметом соответствующих исследований [1; 2; 3; 4]. Одним из первых свидетельств установленной связи между информацией в СМИ и последовавшими за этим самоубийствами стала публикация в 1774 году повести И. Гете «Страдания юного Вертера». Герой этого произведения покончил с собой из-за несчастной любви и вскоре после выхода повести в свет появилось множество сообщений о самоубийствах, совершенных юношами тем же способом. Термин «эффект Вертера», используемый в специальной литературе для обозначения имитационных (подражательных) самоубийств, в 1974 г. ввел в научный оборот американский социолог Девид Филлипс [5].

В связи с появлением в нашей жизни интернет-технологий вопрос о корреляции числа самоубийств с распространением информации о них требует нового осмысления. Можно сказать, что интернет также (в широком смысле, в отрыве от юридических конструкций) является средством массовой информации. Однако, в отличие от СМИ в узком смысле, в интернет-пространстве каждый может быть производителем любого контента, не будучи ограничен фильтрами редакции и (или) законодательных ограничений. Последние, заметим, налагаются постфактум и не всегда играют

роль сдерживающего фактора. Подобная специфика провоцирует как предложения совершить одиноличный или групповой суицид (который, однако, не всегда реализует партнер-провокактор), так и трансляцию самоубийства в прямом эфире (для этих целей чаще всего используются Facebook¹ или Periscope²).

Острейшей социально значимой проблемой является связь подростковых суицидов с посещением страниц суицидальной тематики в социальных сетях. Ни один из материалов, посвященных этой проблеме³ [6; 7; 8; 9], не вызвал такого резонанса, как статья Галины Мурсалиевой «Группы смерти», опубликованная 16 мая 2016 года в «Новой газете» [10]. Всего за две недели с момента появления на сайте «Новой газеты» статья набрала более 2 млн просмотров⁴. В статье приводилась аргументация о том, что в группах с суицидальной тематикой «ВКонтакте» подростков «системно и планомерно, шаг за шагом подталкивали к последней черте». «Мы насчитали 130 (!) суицидов детей, случившихся в России с ноября 2015-го по апрель 2016 года, – почти все они были членами одних и тех же групп в интернете», – писала Г. Мурсалиева. Основываясь на расследовании, проведенном совместно с родителями погибших детей и активистами общественных организаций, автор описала способы «зомбирования» подростков. К ним, в частности, относилось правило просыпаться в 4.20 и выходить для общения в групповые чаты; присылать рисунки китов и бабочек⁵; носить с собой нож; присылать фото своих порезанных рук или ног; отсчитывать 50 дней до самоубийства (среди подростков распространялась культовая книга с одноименным названием [11]). Наконец,

¹ Facebook две недели пытался удалить вирусное видео самоубийства девочки. URL: https://lenta.ru/news/2017/01/17/facebook_suicide/.

² Blaise L., Morenne B. Suicide on Periscope Prompts French Officials to Open Inquiry // The New York Times. 2016. May 11 ; Мельникова А. Самоубийство в прямом эфире: вопросы о псковской трагедии. URL: доступа : <https://ria.ru/analytics/20161115/1481434546.html>.

³ Крайняя черта. Кто в соцсетях склоняет подростков к суициду? // Аргументы и Факты. – 2016. – 27 апр.

⁴ На момент настоящей публикации – более 3 млн. 486 тыс. просмотров. URL: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2016/05/16/68604-gruppy-smerti-18>.

⁵ Киты выбрасываются на берег, бабочки живут всего один день – именно поэтому эти образы были выбраны для воздействия на подростковую аудиторию.

«избранным» присваивались номера, согласно которым определялась очередность «выпиливания» (этим словом в суицидальных пабликах называют самоубийства).

Но главное – среди подростков была «раскручен» образ нового «кумира», девочки, известной под интернет-мемом Рины «Ня.Пока» [12]. 23 ноября 2015 года 16-летняя Рина легла на железнодорожное полотно в нескольких метрах от движущегося в ее направлении грузового поезда. Машинист предпринял экстренное торможение, но остановить состав не смог. Фото девочки с отрезанной головой почти мгновенно было выложено в интернет. «Фотография Рины... превратилась для детей в «икону». А сама она и ее прощальное: «Ня.Пока», опубликованное на страничке в сети – стало безусловным мемом» [10].

На наш взгляд, статья «Группы смерти» «попала в нерв» в том числе потому, что ее автору интуитивно удалось нащупать связь между группами, пропагандирующими самоубийства, суицидальным поведением подростков как крайней формой PR-аддикции [13] и специфическим контекстом существования современных детей в режиме онлайн. В суицидальных группах подросток получает внимание к своим проблемам, его расспрашивают, подбадривают, ставят «лайки» под его сообщениями, постами и фотографиями, соглашаются с тем, что в жизни «все плохо» и, в конце концов, проводя через многоуровневые «посвящения», подводят к мысли о необходимости совершить самоубийство [14; 15].

Следует упомянуть и еще один немаловажный факт, не изложенный в публикации Г. Мурсалиевой, однако именно эта публикация послужила поводом задуматься о нем. Посты в суицидальных пабликах повсеместно сопровождаются хештегом #тихийдом. «Несталкеры» – представители популярного в сети движения, занятого проверкой различных легенд об устройстве интернета, сообщили корреспонденту «Ленты.ру» о том, что в современной сети, якобы, есть несколько разделов. Большинство пользователей знают лишь обо одном из них – «Уровне D», в то время как в интернете есть еще несколько уровней, включая «Уровень А», где якобы присутствует и «пик интернета», который большинство нетсталкеров зовет «тихим домом». Согласно их утверждениям, это

не сайт, а некая точка невозврата в реальный мир. Попадая в «тихий дом», человек переживает «информационное перерождение» и навеки сливается с сетью [16].

Образно говоря, пользователям как бы внушается идея о своеобразном «загробном существовании» в качестве «психоэнергоинформационной сущности» в виде набора килобайтов, что органично встраивается в представления современных детей и подростков о мироустройстве. Поскольку речь идет о поколении, для которого интернет является неотъемлемой частью картины мира, то и внушаемая ему идея некоего «продолжения» жизни в интернете после прохождения суицидального квеста не кажется для него невероятной. Для того, чтобы получить место в «тихом доме», пользователь должен стать «избранным»: под руководством куратора пройти все задания суицидального квеста, перед последним заданием – собственно самоубийством – передать куратору логин и пароль от своей страницы в соцсети, при помощи которых куратор якобы «пропишет» ставшего «избранным» в «тихом доме». С высокой долей вероятности можно предположить, что, требуя логин и пароль, куратор преследует цель убедиться в том, что вся переписка с ним уничтожена, однако пользователю внушаются совершенно иные перспективы.

Несомненно, статья «Группы смерти» помогла обнаружить страшное социальное явление – склонение детей к суицидам в социальных сетях. По сути дела, Галина Мурсалиева описала механизм действия сект [17], но только действующих на принципиально новом уровне – в социальных сетях. Однако профессиональное журналистское сообщество отреагировало на появление материала резкими критическими статьями¹ [18; 19; 20; 21; 22; 23; 24], суть которых сводилась, в основном, к тому, что «нельзя побудить ребенка совершить суицид, воздействуя на него через интернет», а разоблаченные администраторы этих групп даже заявляли, что «отговаривали подростков от суицида»². «...“группы смерти” – это надстройка над всеми базовыми уязвимостями подросткового воз-

¹ Пять главных вопросов к материалу «Новой газеты» о подростковых суицидах [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://meduza.io/feature/2016/05/17/pyat-glavnyh-voprosov-k-materialu-novoy-gazety-o-podrostkovykh-suitsidah>.

² «Там были фото порезанных рук и прыжков с крыш». Монолог Моря Китов о «группах смерти» и угрозах от журналистов «Новой газеты». URL: <https://lenta>.

раста, зона риска, которая из виртуальной реальности давит именно на зону риска в реальности социальной. Зона риска над зоной риска. Явление, матрица которого в социокультурной реальности существует, а противоядия не выработано», – убедительно, на наш взгляд, поясняет Г. Мурсалиева [25, с. 35] и констатирует: «Первая публикация на тему, прежде табуированную, о сложном, многомерном явлении, невероятно тяжелом по эмоциональной нагрузке, изложенная в редком объемном для газеты формате – на восьми полосах, требовала, как минимум, какой-то рефлексии и как максимум – изучения, а потом – обдумывания. Но вирус ее обесценивания, отрицания самой сути явления вбросился (или выбросился?) практически мгновенно, громко, ретиво, бесстыдно и агрессивно. По законам джунглей – сначала ударь, потом получишь голос... трафики, лайки, деньги» [25, с. 11].

«При публикации этого текста мы были вынуждены учитывать требования действующего законодательства..., – отвечает на претензии к статье заместитель главного редактора «Новой газеты» М. Соколов. – Поэтому мы не имели права: указывать фамилии и имена, давать какую-либо географическую привязку или сведения, позволявшие бы идентифицировать погибшего и не погибшего ребенка. Мы не имели права приводить цитаты, которые можно воспринять как романтизацию суицида. Мы не имели права детально рассказывать о способах самоубийства. Мы не имели права представлять самоубийство как способ решения проблем... не могли приводить ни активных ссылок, ни цитат, содержащих призывы к самоубийству» [26].

Тем не менее, публикация в «Новой газете» реализовала серьезную функцию предупреждения как уже готовившихся суицидов тех подростков, которым были присвоены «номера» и назначена дата их смерти, так и потенциальных самоубийств неопределенного круга лиц. «После публикации этого материала автору текста написали более 70 родителей, которые обнаружили обозначенные в статье признаки», – сообщил М. Соколов [26].

Между тем, суицидальный квест, который проходили участники закрытых групп в социальной сети, к 2017 году выкристаллизовался в так называемую игру «Синий кит». Лица, проводящие участников игры через задания, называются «кураторы», сами участники игры именуют себя «китами». Перечень заданий, выполнение которых рассчитано, как правило, на 50 дней, можно свободно найти в интернете. Игра «Синий кит» приобрела печальную популярность у детей и подростков не только в России, но и распространила свое деструктивное воздействие на страны ближнего (Украина, Белоруссия, Казахстан) и дальнего зарубежья. Причем, если распространение деструктивного культа в русскоязычной части зарубежных стран объяснить достаточно просто, то его движения по странам, разделенным с Россией языковым барьером, заслуживает особого внимания.

В мае 2016 года о проблеме, всколыхнувшей российское общество, сначала сообщили русские медиа, рассчитанные на западного читателя: Russia Today выпустила соответствующий телесюжет¹, издание Russia Beyond the Headlines опубликовало материал о статье в «Новой газете»². В ноябре 2016 г. на сайте Russia Beyond the Headlines появилась заметка об аресте Филиппа Будейкина (он обвинялся в создании суицидального квеста и доведении подростков до самоубийств)³.

В феврале 2017 г. издание RadioFreeEurope выпустило репортаж об игре «Синий кит», как о феномене, «заставившем содрогнуться русскоязычный интернет»⁴. 3 марта британский таблоид The Sun опубликовал материал «Синяя нация. Суицидальная игра «Синий кит» связана со 130 детскими самоубийствами, и это лишь вер-

¹ 'They push our children to death': Report links VK groups to 130 teen suicides. URL: <https://www.rt.com/news/343246-vkontakte-teenagers-suicides-report>.

² Sinelschikova Y. Are Russian internet communities responsible for wave of child suicides? URL: https://www.rbth.com/politics_and_society/2016/05/23/are-russian-internet-communities-responsible-for-wave-of-child-suicides_596669.

³ VKontakte group admin detained for promoting child suicide. URL: https://www.rbth.com/news/2016/11/15/vkontakte-group-admin-detained-for-promoting-child-suicide_647915.

⁴ Khazov-Cassia S. Teen 'Suicide Games' Send Shudders Through Russian-Speaking World. URL: <https://www.rferl.org/a/russia-teen-suicide-blue-whale-internet-social-media-game/28322884.html>.

хушка айсберга в мировой столице самоубийств, России»¹. Статья в The Sun была построена на описании самоубийства двух несовершеннолетних девушек из Усть-Илимска в феврале 2017 года – в России обратили внимание на их участие в суицидальных пабликах. В англоязычном сегменте интернета игра получила название «Blue whale challenge», куратор в ней был обозначен как «master».

Публикация в The Sun спровоцировала обсуждение на блог-площадках. Так, пользователи Reddit перевели на английский язык 50 заданий, которые «кураторы» выдают игрокам². Сайт Google Trends зафиксировал повышение поисковой активности по запросу «Blue whale» (и схожим с ним) после статьи The Sun, интерес сохраняется по сей день³.

Как сообщила Г. Мурсалиева, в марте 2017 года в редакцию «Новой газеты» начали обращаться коллеги из западных стран. Тогда же выяснилось, что игра пришла и в Фейсбук. Об этом сообщили журналисты Алиас Торт Мануэль (Испанская ТВ 3, Телевидение для Каталонии) и Франсиско Эстевес из Португалии, а также журналисты популярной в Италии телепередачи Le Iene («Гиены»), показавшие сюжет о «группах смерти». Все они провели собственные журналистские расследования в своих странах и выяснили, что в Португалии (на момент встречи журналистами «Новой газеты») погибло 7 подростков, в Испании – 8. В Италии полиция опубликовала 10 июня 2017 года данные о детских суицидах – открыто 170 уголовных дел, в 6 % случаев была найдена прямая связь с игрой «Синий кит». Журналисты из Германии, Великобритании и Франции, где, к счастью, не было жертв, тем не менее подробно рассказывали о возможной опасности, так как, по их словам, «общество должно быть предупреждено» [29].

¹ Stewart W., Jeffery Y., Hodge M. BLUE NATION 'Blue Whale' suicide game linked to 130 teen deaths is just tip of the iceberg in the world's suicide capital Russia. URL: <https://www.thesun.co.uk/news/3002981/blue-whale-game-suicide-russia-rules-challenge-social-media>.

² URL: https://www.reddit.com/r/morbidquestions/comments/5xsnpq/what_are_the_exact_50_challenges_in_the_blue.

³ URL: <https://trends.google.ru>.

В апреле 2017 г. полиция Чехии предупредила родителей о существующей опасности¹, а во французской провинции Дром жандармерия разослала уведомления для родителей подростков после того, как мать 15-летней девушки подала заявление о том, что её дочери угрожает куратор суицидальной группы². Наибольшую популярность «Синий кит» завоевал в Латинской Америке, в частности, в Бразилии, где запрос «baleia azul» (так переводится на португальский язык название игры) в апреле 2017 г. оказался в десятки раз популярнее, чем «blue whale»³. В мае 2017 г. сообщения об игре «Синий кит» стали приходить из Китая, где в чатах социальной сети QQ начали появляться сообщения с ярлыками «4:20» и «синий кит»⁴. В этом же месяце Польское агентство печати сообщило о двух десятках пострадавших детей, фигурирующих в расследовании в связи с распространением игры «Синий кит»⁵.

В июле 2017 г. сообщения о самоубийствах двух несовершеннолетних участников игры «Синий кит» пришли из США⁶. В августе 2017 г. Правительство Индии попросило технологические компании, в том числе Google, Facebook, Microsoft, Yahoo, удалять любые ссылки на игру «Синий кит», пропагандирующую суицид среди подростков, так как в этой стране появились сообщения о случаях самоубийств детей во время игры в «Синего кита»⁷, а уже

¹ Ferebauer V. „Sebevražedná“ hra Modrá velryba je v Česku, varujte děti, apeluje policie. URL: http://zpravy.idnes.cz/policie-modra-velryba-deti-socialni-site-facebook-sebevrazda-p5e-domaci.aspx?c=A170413_135854_domaci_fer.

² Чаблин А. «Синих китов» из России кинули на Европу. URL: [//svpressa.ru/society/article/171531/?rss=1](http://svpressa.ru/society/article/171531/?rss=1).

³ В «Синего кита» теперь играют во всем мире. Что вообще происходит? URL: <https://meduza.io/feature/2017/04/27/v-sinego-kita-teper-igrayut-vo-vsem-mire-chto-voobsche-proishodit>.

⁴ «Синий кит» приплыл в Поднебесную. Власти КНР высказывают беспокойство. URL: <https://regnum.ru/news/society/2274625.html>.

⁵ СМИ рассказали детали расследования по делу игры «Синий кит» в Польше. URL: <https://ria.ru/world/20170507/1493833218.html?in=1>.

⁶ Ferguson A., Swenson K. Texas family says teen killed himself in macabre ‘Blue Whale’ online challenge that’s alarming schools // The Washington Post, 2017, July 11 ; Teen girl died from playing ‘Blue Whale’ suicide game, family says. URL: <http://wncn.com/2017/07/10/teen-girl-died-from-playing-blue-whale-suicide-game-family-says>.

⁷ Правительство Индии попросило компании удалять ссылки на игру «Синий кит». URL: [//ria.ru/world/20170815/1500424743.html](http://ria.ru/world/20170815/1500424743.html).

в сентябре по этой причине некоторые индийские провайдеры заблокировали социальную сеть «ВКонтакте»¹.

Обозначенная выше география распространения деструктивной игры «Синий кит» позволяет сделать вывод о взаимосвязи появления информации о ней и вступления детей в контакты с кураторами, создающими для этого соответствующие условия. В этой ситуации ресурсы, зарегистрированные как СМИ, находятся в сложном положении: с одной стороны, необходимо предупредить общество об угрозе (реальной или потенциальной), с другой стороны, возникает опасность спровоцировать нездоровый интерес к вступлению в «игру». Объяснимо также желание СМИ повысить продажи и увеличить трафик на «горячей теме». Всё это образует «замкнутый круг», о чем наглядно свидетельствует рост поисковых запросов после появления в СМИ соответствующих материалов.

Вместе с тем, полноценные выводы о влиянии СМИ на рост интереса к суицидальному квесту можно сделать лишь с одновременным изучением процессов появления определенных хештегов в социальных сетях. Так, основатель сайта «The Question» Антонина Самсонова в начале февраля 2017 г. сообщила, что на The Question из поиска приходит 50 тысяч подростков каждый день последние семь дней, чтобы спросить про игру «Синий кит» [28]. Незадолго до этого, 20 января 2017 года Российский общественный центр интернет-технологий фиксирует невероятный всплеск активности в социальных сетях групп, склоняющих детей к суициду: «В январе был проведен анализ тегов, типичных для групп суицидальной тематики, в публичных сообщениях на стенах групп в соцсети «ВКонтакте», после чего был произведен геотаргетинг авторов постов с этими тегами по публичным данным. Наш анализатор обнаружил около 4000 тегов этих групп за день» [29]. Руководитель отдела модерации «ВКонтакте» Иван Корнеев сообщил, что с начала января 2017 г. в этой социальной сети было сгенерировано около 3 миллионов сообщений с хештегами и стишками, возможно,

¹ Arora K. Russian social network VKontakte temporarily blocked in India for Blue Whale threat. URL: <https://timesofindia.indiatimes.com/india/russian-social-network-vkontakte-temporarily-blocked-in-india-for-blue-whale-threat/articleshow/60478655.cms>; URL: <https://timesofindia.indiatimes.com/india/russian-social-network-vkontakte-temporarily-blocked-in-india-for-blue-whale-threat/articleshow/60478655.cms>.

призывающими к суициду. Специалист также заметил, что за этим всплеском просматривается целенаправленная атака ботов [30].

По данным Доклада ВОЗ о превенции самоубийств, «ежегодно более 800 000 человек кончают жизнь самоубийством, это один человек каждые 40 секунд»¹. Разумеется, СМИ обладают не только способностью провоцировать суицидальное поведение, но и способны нести мощный профилактический эффект. Этот эффект в полной мере может быть реализован СМИ, однако большинство из них не выполняет даже стандартное требование ВОЗ «информировать читателей о местных ресурсах социальной, психологической, психотерапевтической и психиатрической помощи, в том числе телефоне экстренной психологической помощи («Телефоне доверия»)). Вышеизложенное свидетельствует также о необходимости создания четкой научно обоснованной стратегии информационного противодействия пропаганде суицида.

Список использованной литературы

1. Любов Е. Б. СМИ и подражательное суицидальное поведение. В 2 ч. / Е. Б. Любов // Суицидология. – 2012. – Ч. 1, № 3. – С. 20–29.
2. Любов Е. Б. СМИ и подражательное суицидальное поведение. В 2 ч. / Е. Б. Любов // Суицидология. – 2012. – Ч. 2, № 4. С. 10–23.
3. Лучина А. А. Роль СМИ в формировании суицидальной настроенности молодежи и ее превенции / А. А. Лучина // Суицидология. – 2011. – № 1. – С. 45–46.
4. Суходолов А. П. Освещение суицидальной тематики в средствах массовой информации в свете правовых ограничений и социальной значимости проблемы / А. П. Суходолов, А. М. Бычкова // Вопросы теории и практики журналистики. – 2016. – Т. 5, № 4. – С. 588–606.
5. Phillips D. The influence of suggestion on suicide: Substantive and theoretical implications of the Werther effect / D. Phillips // American Sociological Review. – 1974. – № 39. – P. 340–354.
6. Солдатова Г. Рейтинг чучела. На что способны стаи детей в социальных сетях и как их спасти / Г. Солдатова ; интервьюер А. Лонская // Русский репортер. – 2012. – № 21. – С. 74–78.

¹ Preventing suicide: a global imperative // World Health Organization, Geneva, 2014.

7. Мурсалиева Г. Добровольные жертвы паутины / Г. Мурсалиева // Новая газета. – 2007. – 29 янв.

8. Мурсалиева Г. Зачем ты это сделал / Г. Мурсалиева // Новая газета. – 2007. – 4 июня.

9. Мурсалиева Г. Википедия-мама, Яндекс-папа / Г. Мурсалиева // Новая газета. – 2009. – 17 июня.

10. Мурсалиева Г. Группы смерти / Г. Мурсалиева // Новая газета. – 2016. – 16 мая.

11. Крамер С. Пятьдесят дней до моего самоубийства / С. Крамер. – М. : АСТ. 2015. – 576 с.

12. Кочегаров П. «Ня». Икона суицида [Электронный ресурс] / П. Кочегаров // Life.ru. – 2016. – 26 мая. – Режим доступа : <https://life.ru/>

13. Суходолов А. П. «PR-аддикция» как новый вид поведенческой зависимости / А. П. Суходолов, А. М. Бычкова // Вопросы теории и практики журналистики. – 2015. – Т. 4, № 4. – С. 321–334.

14. Бычкова А. М. Вовлечен ли Ваш ребенок в «группы смерти»? / А. М. Бычкова // Современные проблемы раскрытия, расследования и предупреждения преступлений против жизни : материалы всерос. науч.-практ. конф. (Улан-Удэ, 09 дек. 2016 г.) / под ред. Ю. В. Хармаева, Э. Л. Раднаевой. – Улан-Удэ : Изд-во БГУ, 2017. – С. 184–195.

15. Бычкова А. М. Вовлечение пользователей интернета в «группы смерти» в социальных сетях: новые суицидальные риски / А. М. Бычкова // Актуальные вопросы суицидологии : материалы межрегион. науч.-практ. конф., Иркутск, 26 мая 2017 г. / под ред. О. П. Ворсиной. – Иркутск : ИНЦХТ, 2017. – С. 25–16.

16. Тодоров В. Дьявол в деталях. Откуда в «группах смерти» сатанинские символы и легенды из глубин интернета [Электронный ресурс] / В. Тодоров. – Режим доступа : <https://lenta.ru/articles/2016/05/24/devildarknet/>

17. Гримак Л. П. Гипноз и преступность / Л. П. Гримак. – М. : Республика, 1997. – 304 с.

18. Лекух М. «Группы смерти» от Первого канала до «Новой газеты» [Электронный ресурс] / М. Лекух – Режим доступа : <https://openrussia.org/post/view/15094>.

19. Владимирова В. Пользователи «ВКонтакте» опровергли информацию «Новой» о суицидальной секте в соцсети [Электронный ресурс] / В. Владимирова. – Режим доступа: <https://snob.ru/selected/entry/108494>.

20. Пожарский М. Суицидальное диско или ночь темна и полна ужасов [Электронный ресурс] / М. Пожарский – Режим доступа: <http://reed.media/suicide/>.

21. Конюхова К. Разбор без истерики: толкают ли соцсети наших детей на самоубийства [Электронный ресурс] / К. Конюхова. – Режим доступа: <http://www.kp.ru/daily/26531.4/3548268/>.

22. Молчанов Н. «Синий кит» и конфеты с лезвиями. Как живут и распространяются городские легенды [Электронный ресурс] / Н. Молчанов. – Режим доступа: <https://snob.ru/selected/entry/122243>.

23. Мурашова К. Свидетели кита. Как массовая истерия вокруг «групп смерти» отражается на жизни отдельно взятой семьи [Электронный ресурс] / К. Мурашова. – Режим доступа : <https://snob.ru/selected/entry/122237>.

24. Берг Е. Городская легенда. Что стоит за игрой «Синий кит» и всплеском интереса к «суицидальным пабликам» / Е. Берг [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://meduza.io/feature/2017/02/17/gorodskaya-legenda-chto-stoit-za-igroy-siniy-kit-i-vspleskom-interesa-k-suitsidalnym-pablikam>.

25. Мурсалиева Г. Дети в сети. Шлем безопасности ребенку в интернете / Г. Мурсалиева. – М. : АСТ, 2016. – 320 с.

26. Соколов С. О статье «Группы смерти» / С. Соколов // Новая газета. – 2016. – 19 мая.

27. Мурсалиева Г. «Группы смерти» – год спустя / Г. Мурсалиева, С. Соколов // Новая газета. – 2017. – 30 июня.

28. Шатровская Т. «Синий кит»: что мы знаем об игре, подстрекающей подростков к суициду / Т. Шатровская [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://mel.fm/sotsialnyye_seti/8312507-blue_kite.

29. Мурсалиева Г. Куратор «группы смерти»: «Спорим на лям, что за мной никто не придет никогда?» Почему подстрекатели де-

тей к суициду продолжают чувствовать себя безнаказанными? / Г. Мурсалиева // Новая газета. – 2017. – 17 февр.

30. Мурсалиева Г. Видите призыв к суициду – срочно жмите на кнопку «пожаловаться» / Г. Мурсалиева // Новая газета. – 2017. – 5 марта.

31. O'Carroll P. W. Suicide Contagion and the Reporting of Suicide: Recommendations from a National Workshop / P. W. O'Carroll, L. B. Potter // *Morbidity and Mortality Weekly Report: Recommendations and Reports*. – 1994. – Vol. 43. (RR-6). – P. 9–17.

32. Etzersdorfer E. Preventing suicide by influencing mass-media reporting: The Viennese experience 1980-1996 / E. Etzersdorfer, G. Sonneck // *Archives of Suicide Research*. – 1998. – Vol. 4, iss. 1. – P. 64–74.

33. Role of media reports in completed and prevented suicide: Werther v. Papageno effects / T. Niederkrotenthaler [et al.] // *The British Journal of Psychiatry*. – 2010. – Vol. 197 (3). – P. 234–243. – DOI: 10.1192/bjp.bp.109.074633.

References

1. Lyubov E. B. The Media and Copycat Suicidal Behaviour. *Suitsidologiya = The Suicidology*, 2012, pr. 1, no. 3, pp. 20–29. (In Russian).

2. Lyubov E. B. The Media and Copycat Suicidal Behaviour. *Suitsidologiya = The Suicidology*, 2012, pr. 2, no. 4, pp. 10–23. (In Russian).

3. Luchina A. A. The Role of the Media in Causing Young People to Be Suicidal and Preventing Young People from Being Suicidal. *Suitsidologiya = The Suicidology*, 2011, no. 1, pp. 45–46. (In Russian).

4. Sukhodolov A. P., Bychkova A. M. The media coverage of suicide issues in the terms of legal restrictions and suicide issues being of social importance. *Voprosy teorii i praktiki zhurna-listiki = Theoretical and Practical Issues of Journalism*, 2016, vol. 5, no. 4, pp. 588–606. DOI: 10.17150/2308-6203.2016.5(4).588-606. (In Russian).

5. Phillips D. The influence of suggestion on suicide: Substantive and theoretical implications of the Werther effect. *American Sociological Review*, 1974, no. 39, pp. 340–354.

6. Soldatova G.; Lonskaya A. (ed.) Children Bullying and Being Bullied in Social Networks and How to Stop Bullying. *Russkii reporter = Russian Reporter*, 2012, no. 21, pp. 74–78. (In Russian).

7. Mursalieva G. Willing Victims of the Web. *Novaya Gazeta*, 2007, January 29. (In Russian).

8. Mursalieva G. Why Did you Do That? *Novaya Gazeta*, 2007, June 4. (In Russian).

9. Mursalieva G. Wikipedia is a Mother, Yandex is a Father. *Novaya Gazeta*, 2009, June 17. (In Russian).

10. Mursalieva G. Groups of Suicidal People in Social Networks. *Novaya Gazeta*, 2016. May 16. (In Russian).

11. Kramer S. Pyat' desyat dnei do moego samoubiistva [Fifty Days before my Suicide]. Moscow, AST Publ., 2015. 576 p.

12. Kochegarov P. «Nia». A Suicide Icon. *Life.ru*, 2016, 26 may. Available at: <https://life.ru/>.

13. Sukhodolov A. P., Bychkova A. M. «PR-addiction» as a new form of behavioral dependence. *Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki = Theoretical and Practical Issues of Journalism*, 2015, vol. 4, no. 4, pp. 321–334. DOI: 10.17150/2308-6203.2015.4(4).321-334. (In Russian).

14. Bychkova A. M.; Kharmaev Yu. V., Radnaeva E. L. (eds.). Is your child involved with “death groups”? / *Sovremennyye problemy raskrytiya, rassledovaniya i preduprezhdeniya prestuplenii protiv zhizni. Materialy vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Ulan-Ude, 09 dekabrya 2016 g.* [Modern Problems of Detection, Investigation and Prevention of Crimes against Life. Materials of All-Russian Scientific and Practical Conference]. Ulan-Ude, Buryat State University Publ., 2017, pp. 184–195. (In Russian).

15. Bychkova A. M.; Vorsina O. P. (ed.) Internet users involvement in “death groups” in social networks: new suicidal risks / *Aktual'nye voprosy suitsidologii. Materialy nauchno-prakticheskoi konferentsii Irkutsk, 26 maya, 2017 g* [Current issues of suicidology. Materials of International Research Conference]. Irkutsk, Irkutsk scientific center of surgery Publ., 2017, pp. 25–16. (In Russian).

16. Todorov V. The Devil in Detail. Where do they Get Satanic Symbols and Legends from the Depth of the Internet in Suicidal Social Network Groups. Available at: <https://lenta.ru/articles/2016/05/24/devildarknet>. (In Russian).

17. Grimak L. P. Gipnoz i prestupnost' [Hypnosis and Crime]. Moscow, Respublika Publ., 1997. 304 p.

18. Lekukh M. Suicidal Groups on the First Channel and on pages of Novaya Gazeta. Available at: <https://openrussia.org/post/view/15094>. (In Russian).

19. Vladimirova V. VKontakte Users Invalidate the Information about a New Online Suicidal Sect Published in Novaya Gazeta. Available at: <https://snob.ru/selected/entry/108494>. (In Russian).

20. Pozharskii M. Suicidal Disco, or Dark and Horrible is the Night. Available at: <http://reed.media/suicide>. (In Russian).

21. Konyukhova K. Dispassionate analysis: Do Our Social Networks Push Our Children To Commit Suicide. Available at: <http://www.kp.ru/daily/26531.4/3548268>. (In Russian).

22. Molchanov N. “Blue Whale” and candies staffed with blades. The ways city legends function and spread. Available at: <https://snob.ru/selected/entry/122243>. (In Russian).

23. Murashova K. Blue Whale Witnesses. The impact of the mass hysteria on a typical family’s life. Available at: <https://snob.ru/selected/entry/122237>. (In Russian).

24. Berg E. A city legend. What is behind the scene of Blue Whale game and the flurry of interest to suicidal public chats. Available at: <https://meduza.io/feature/2017/02/17/gorodskaya-legenda-chto-stoit-za-igroy-siniy-kit-i-vspleskom-interesa-k-suicidalnym-pablikam>. (In Russian).

25. Mursalieva G. *Deti v seti. Shlem bezopasnosti rebenku v internete* [Children in the net. A safety helmet for surfing the net]. Moscow, AST, 2016. 320 p.

26. Sokolov S. On the article “Groups of Death”. *Novaya Gazeta*, 2016, May 19. (In Russian).

27. Mursalieva G., Sokolov S. “Groups of Death: one year after”. *Novaya Gazeta*, 2017, June 30. (In Russian).

28. Shatrovskaya T. “Blue Whale”: what we know about the game that solicits to suicide. Available at: https://mel.fm/sotsialnyye_seti/8312507-blue_kite. (In Russian).

29. Mursalieva G. A “death group” supervisor: ‘They’ll never catch me, I bet.’ Why are suicide promoters still sure of their impunity? *Novaya Gazeta*, 2017, February 17. (In Russian).

30. Mursalieva G. See a call to suicide – immediately click “complain”. *Novaya Gazeta*, 2017, March 5. (In Russian).

31. O’Carroll P. W., Potter L. B. Suicide Contagion and the Reporting of Suicide: Recommendations from a National Workshop. *Morbidity and Mortality Weekly Report: Recommendations and Reports*, 1994, vol. 43. (RR-6), pp. 9–17.

32. Etzersdorfer E., Sonneck G. Preventing suicide by influencing mass-media reporting: The Viennese experience 1980–1996. *Archives of Suicide Research*, 1998, vol. 4, iss. 1, pp. 64–74.

33. Niederkrotenthaler T., Voracek M., Herberth A. et al. Role of media reports in completed and prevented suicide: Werther v. Papageno effects. *The British Journal of Psychiatry*, 2010, vol. 197 (3), pp. 234–243. DOI: 10.1192/bjp.bp.109.074633.

Информация об авторах

Суходолов Александр Петрович – доктор экономических наук, профессор, ректор, Байкальский государственный университет, 664003, Российская Федерация, г. Иркутск, ул. Ленина, 11, e-mail: rector@bgu.ru.

Бычкова Анна Михайловна – эксперт Федеральной службы РФ по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций, кандидат юридических наук, доцент, кафедра правового обеспечения национальной безопасности Института национальной и экономической безопасности, Байкальский государственный университет, 664003, Российская Федерация, г. Иркутск, ул. Ленина, 11, e-mail: amb-38@mail.ru.

Authors

Alexander P. Sukhodolov. – D.Sc. in Economics, Professor, Rector, Baikal State University, 11 Lenin St., 664003, Irkutsk, the Russian Federation, e-mail: rector@bgu.ru.

Anna M. Bychkova – PhD in Law, Associate Professor, Chair of Legal Support of National Security, Institute of National and Economic Security, Baikal State University, 11 Lenin St., 664003, Irkutsk, Russian Federation, e-mail: amb-38@mail.ru.

ТРИ СОСТАВНЫЕ ЧАСТИ НАУКИ О МАССМЕДИА

В докладе, сделанном на секции «СМИ между Востоком и Западом: теория массовых коммуникаций, теория журналистики и теория СМИ» 14 сентября 2017 г., отмечается, что наука о массмедиа (медиалогия) объединяет в себе три составные части: теорию средств массовой информации, теорию журналистики и теорию управления массмедиа.

Новое, что вносится в представление о массмедиа, заключается в том, чтобы рассматривать систему СМИ как динамическую систему, требующую для своего изучения широкого применения математических методов.

Другая новация состоит в том, что журналистика представляет собой оперативно-деятельностный процесс функционирования средств массовой информации и журналистики, познать который можно только через первичный анализ системы СМИ.

Третьей новацией является предложение включить в состав медиалогии теорию управления потоками массовой информации. Выражается уверенность в том, что рано или поздно человечество научится управлять массмедиа в интересах гражданского общества и всеобщего мира.

Ключевые слова: медиалогия; средства массовой информации; журналистика; динамические системы; управление.

М.Р. Rachkov

THREE PARTS OF THE SCIENCE OF MEDIA

Medialogy includes three components: the massmedia theory, the theory of journalism, and the massmedia management theory. The article presents a new approach to the massmedia as to a dynamic system whose study requires extensive usage of mathematical methods. Another novelty proposed herein is to consider journalism as operational process

of the massmedia and journalism functioning that can be cognized only by means of the primary massmedia system analysis. The author also suggests including the theory of the massmedia flows operation into Medialogy, and states that eventually people will learn to operate the massmedia to the benefit of the civil society and global peace.

Keywords: medialogy; the massmedia; journalism; dynamical systems; management.

Прежде всего хочу отметить, что представленный доклад подготовлен совместно с нашим ректором Александром Петровичем Суходоловым. Его основное содержание изложено в журнале «Вопросы теории и практики журналистики» (2017, № 3), учредителем и издателем которого является Байкальский государственный университет.

Хочу обратить внимание на то, что в состав редакционного совета журнала вошли профессора Сорбонны Карин Бертело-Гийе, Арасели Гийом-Алонсо, Жан-Касьен Билье. Это делает честь нашему журналу и очень приятно, что уважаемые члены редакционного совета являются участниками нашей конференции и мы можем обмениваться мыслями и объединить усилия в решении актуальных проблем медиалогии.

Идея, с которой Александр Петрович и я выступаем на страницах журнала, сводится к тому, что наука о массмедиа объединяет в себе три составные части: теорию средств массовой информации, теорию журналистики и теорию управления массмедиа.

То новое, что мы с Александром Петровичем вносим в представление о массмедиа, заключается в том, чтобы рассмотреть систему СМИ как динамическую систему, требующую для своего изучения широкого применения математических методов. Александр Петрович в этом отношении пошел дальше меня (он хорошо знает математику) и вместе с коллегами кафедры кибернетики и математики Ириной Кузнецовой и Сергеем Тимофеевым опубликовал в этом же журнале статью о моделировании СМИ.

Мы считаем, что одной из причин, сдерживающих развитие теории массмедиа, является недостаточное использование математических методов. Медиа-система есть самая динамичная система

в социопространстве, которая требует и чрезвычайно быстрого оперативного теоретического осмысления.

Медиатеория должна успевать за стремительным развитием медиасистемы, но она практически не может этого сделать, пользуясь старыми, в основном умозрительными и эмпирико-описательными методами и приемами. Былая роскошь многолетних академических исследований медиасферы сегодня напрочь отсутствует. Работа Д. МакКуэйла «Теории массовой коммуникации» является, пожалуй, последним образцом такого рода исследований.

Еще раз повторю: оперативное познание медиасистемы, как одной из самых высокоскоростных динамических систем, невозможно без применения математических методов. Только с их помощью можно ускорить процесс теоретических обобщений, заменяя миллионы слов и тысячи страниц научных текстов всего лишь десятками математических формул и уравнений.

Вторая новация, с которой мы выступаем, заключается в том, что в структуре науки о массмедиа мы обосновываем следующий порядок:

1. Теория средств массовой информации как динамической системы.
2. Теория журналистики как массовой информационной деятельности.

Мы не исходим здесь из упрощенного подхода что первично, а что вторично, а исходим из того единства формы (каналов масс-медиа) и их содержания, которые выражены знаменитой фразой великого канадца. Я имею в виду слова М. Маклюэна «The medium is the message», то есть «посредник и есть сообщение», то есть средство информации само есть содержание – содержит в себе журналистику, как оперативно-деятельностный процесс. Но познать это содержание можно только через первичный анализ системы СМИ.

Третьей новацией является предложение включить в состав медиалогии теорию управления потоками массовой информации. Не выявив законов функционирования и развития динамической системы СМИ и не научившись управлять ими, невозможно обеспечить здоровый образ жизни человечества в системе глобальных социальных коммуникаций. Доклад Александра Петровича о фей-

ковой журналистике как нельзя лучше иллюстрирует то, что процессы управления системой СМИ требуют особенно тщательного изучения.

Хотелось бы чтобы меня правильно поняли сторонники европейских либеральных ценностей. Когда мы говорим о необходимости управления массмедиа, мы не призываем вернуться к цензуре, хотя ряд правовых ограничений свободы средств массовой информации и запретительных мер со стороны государства по отношению к СМИ приходится применять в целях борьбы с терроризмом и наркоторговлей.

Мы исходим из того, что движение потоков массовой информации не должно приводить к международной агрессии, массовой панике и психическим эпидемиям. Рано или поздно человечество научится управлять массмедиа в интересах гражданского общества и всеобщего мира.

Итак, медиалогия, в нашем понимании, есть синтез теории СМИ и теории журналистики, возвышающий над собой теорию управления массмедиа.

Информация об авторе

Рачков Михаил Парфирович – доктор экономических наук, профессор, советник при ректорате, Байкальский государственный университет, 664003, Российская Федерация, г. Иркутск, ул. Ленина, 11, e-mail: mpr17@yandex.ru.

Author

Mikhail P. Rachkov – DSc in Economics, Professor, Advisor to the Rector's Office, Baikal State University, 11 Lenin Str., Irkutsk, 664003, Russia, e-mail: mpr17@yandex.ru.

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ СЛОВА, МУЗЫКИ, ТАНЦА, ЖИВОПИСИ, АРХИТЕКТУРЫ

В статье рассматривается роль устной и письменной речи, музыки, танца, визуальных образов и архитектуры в развитии хозяйственной деятельности человека. Обосновывается тезис о том, что их первоначальное предназначение значение состояло в коммуникации, а точнее в координации трудовых усилий отдельных субъектов. Лишь много позднее разные коммуникативные контуры отделились и получили собственную эстетическую, нравственную и иную ценность, непривязанную вроде бы к совместному труду.

Целью исследования является изучение корреляции процесса усложнения речи, визуальных и умственных образов с одной стороны, и усложнения коллективного труда, с другой стороны. По итогам исследования делается вывод о том, что с углублением специализации в едином общественном производственном процессе кратно возрастает потребность в объеме передаваемой информации. Если первоначально для координации действий было достаточно отдельных движений, звуков и фраз, то позднее с развитием экономики уже достаточно сложный рукописный текст оказался не удовлетворительным средством коммуникации, т.к. не позволял быстро и без погрешностей накапливать и передавать массивы данных.

Сегодняшней сложности экономической деятельности уже давно не соответствуют актуальные прежде способы координации в виде музыки, танца, архитектуры, живописи. Лишившись своего базового предназначения, они деградировали, все более превращаясь в рудимент прежних технологических укладов и внося в общественную жизнь хаос. Как следствие, эти виды деятельности скатываются к простым линейным формам, примитивизации, простейшим физиологическим действиям и животным инстинктам. В скором времени остро потребуются качественно иной способ передачи образов и информации.

Ключевые слова: экономика; музыка; танец; архитектура; живопись; информация; разделение труда; технологический уклад; самоидентификация; коммуникации; медиалогия.

I.V. Anokhov

THE ECONOMIC IMPORTANCE OF WORDS, MUSIC, DANCE, PAINTING, ARCHITECTURE

The article discusses the role of spoken and written language, music, dance, pictures and architecture in the development of human economic activities. The author proves that their initial purpose was communication, or, to be exact, in coordination of people's labour efforts. Later on in history, these means of communication became separate arts and activities with their own particular esthetic, moral and other purposes, which do not seem to be related to human cooperative labour.

The purpose of the article is to study the correlation between the processes of sophistication of language, vision and imagination on the one hand, and collective labour on the other. It is inferred that wider differentiation in a particular social production process results in a many-fold increase of the amount of exchanged information. Thus, initially simple actions were coordinated with simple movements, sounds and phrases, but later, in the context of extensive economic development, even complicated written texts turned out to be insufficient for accumulation of information and its instant and exact exchange.

The formerly sufficient means of human coordination, like music, dance, architecture, pictorial art, no longer satisfy the complexity of the current economic activity. Having lost their basic purpose, they have degraded and transformed into an atavism of the former technological patterns causing mayhem in the social life. Therefore, these activities are spiraling into simple linear forms, privitivism, primitive physiological actions and natural instincts. Soon there will be a strong need for a completely new way of exchanging images and information.

Keywords: economy; music; dance; architecture; pictorial art; information; division of labor; technological pattern; self-identity; communication; medialogy.

Всякой разумной человеческой деятельности предшествует идея (или эйдос). Данный термин на русский язык можно перевести как «видимое». Первоначальным носителем идеи является слово, начиная от самых первых звуков древнего человека, необходимых для совмест-

ной жизни. Таковы, например, звуки «ха», сопровождающие резкий удар (например, топором по дереву), «ухх» (тяговые усилия) и т.п.

Другими словами, всякое физическое действие имеет собственный звук или, на более высоком уровне, речь, которые приводят в действие разные части нервно-мускульного аппарата человека. Такие звуки были общими для всех членов рода, что позволяло четко координировать их действия. Таким образом речь как посредник возникла из хозяйственной необходимости. Неслучайно, что все более-менее осмысленные, ясные и точные слова произошли от глагольных корней (связанных с действием). Это косвенно указывает на то, что сложность языка в целом соответствует развитию производственной деятельности.

Развитие производства не могло не отразиться в изменении и усложнении языка. Сегодня уже трудно объединить, например, латинское слово «*caminus*» («камин»), английское слово «*hammer*» и русское слово «камень», хотя все они имеют общего предка и значили первоначально одно и то же. Скорее всего именно для орудий труда и соответствующих действий раньше всего были выработаны названия. Первоначальная скудность словарного запаса компенсировалась жестами и мимикой. Современный же человек в состоянии выразить практически все идеи вербально, без использования частей тела.

Идея обретает свою конкретность в понятии или слове. Явление, объект или процесс не могут быть восприняты и осмыслены человеком, если они не получили название. Поэтому человек мыслит словами и мышление есть «речь минус звук» [1]. Отсюда следует, что мышление представляет собой социальное явление и вырабатывается людьми коллективно.

Следовательно, слово и понятие не существуют друг без друга и представляют собой единое целое. Такое слово-понятие представляет собой исходный элемент массовых коммуникаций. В дальнейшем оно обогащалось изображениями, письменными знаками, музыкой, архитектурой, статуями и др. Но такое усложнение не изменило хозяйственной целевой функции «слова-понятия» – координация совместной производственной деятельности, поддержание единого ритма сотрудничества и распределение ролей. Необходимость согласовать трудовые действия вызвала обмен

криками и звуками. Правильно сложенные звуки складываются в песню, выполняющую функцию камертона. Наглядный пример этого – песня «Дубинушка», которая возникла в совместном труде и выросла из трудового звука «эх».

Аналогичным образом танец мог произойти из жестов, используемых для донесения до собеседника каких важных произошедших событий (охота, война и т.п.). Последовательность таких жестов вызывает живой отклик у зрителей, их ответную жестикуляцию, возникает согласование движений и единый ритм. В результате может возникнуть прообраз танца (охотничьего, трудового, военного).

Тот факт, что танец, музыка и живопись появились и развились означает, что они имели важное *практическое* значение, на которое имело смысл тратить время, энергию и ресурсы (очень скудные на тот момент времени). Главный смысл этих видов искусства состоял и состоит в упрочнении чувства единства всех участников, распределении ролей и настраивании их на определенное дело. Сегодня музыка и песни вроде бы оторвались от совместного труда, но все же сохраняют ясно выраженный призыв, побудку слушателя к конкретному действию.

Одежда в обществе с традиционным укладом очевидно также выполняет коммуникационную функцию. Она позволяет однозначно понять:

- кем является носитель (пол, возраст, национальность);
- что он делает (профессия);
- его высшие ценности (религиозно-мировоззренческие взгляды);
- социальный статус (принадлежность к общине, место в иерархии, уровень благосостояния).

Наполненная символами одежда идентифицирует человека от наиболее общих (цивилизация, религия, национальность, государство) до все более конкретных уровней: отраслевая принадлежность (военный, земледелец, жрец), позиция в этой отрасли (рядовой исполнитель, руководитель среднего звена, начальник), трудовые функции конкретно данного человека.

Встреча «по одежке» позволяет почти мгновенно уяснить, целесообразны ли контакты с носителем одежды (будет враждебность или сотрудничество), возможно ли равное горизонтальное

сотрудничество (обмен товарами и услугами) или отношения выстраиваются по принципу «господство-подчинение» (обмен правами и обязанностями). В конечном счете одежда сообщает о потенциальной готовности или неготовности взять на себя конкретную трудовую роль и принять участие в общем хозяйственном деле для удовлетворения потребностей всех участников. При положительном ответе может возникнуть артель, цех, завод. Это в свою очередь приведет к появлению устойчивых хозяйственных цепочек, новых общественных привычек, социальных правил, специализированного языка новой профессиональной касты.

Архитектура также выполняет функцию массовых коммуникаций, т.к. помимо своей основной функции (защита от неблагоприятной окружающей среды) она обеспечивает сохранение целых информационных пластов: сведений о замысле Творца и устройстве мира, хронологию богов и героев, методологию познания и др.

Таким образом письменность, живопись, музыка, пение, архитектура ценны только потому, что позволяют координировать общественное сотрудничество в процессе производства. Сегодня подавляющая часть деятелей в этих сферах не осознают того, что их творчество есть важнейшая общественная функция. Господствует крайний индивидуализм, в ранг закона возведено право каждого творческого человека творить то, что он сам считает нужным. Живая связь его с обществом потеряна, чувствовать ее он не может, т.к. стал товаропроизводителем на конкурентном рынке, вынужден продавать предметы искусства для выживания. В лучшем случае современное искусство стало носить прикладной характер: украшение быта и демонстрация благосостояния. В худшем и наиболее вредном воплощении искусство стало воспевать животные инстинкты и проповедовать расчеловечивание. В итоге вместо общественно-организационного средства искусство стало средством разъединения и разрушения.

Разительной противоположностью этому являются предметы искусства исчезнувших обществ. В предельном случае они содержат и передают:

– сведения мировоззренческого характера, об источнике вселенной;

- сведения о проекте мироздания, смысле существования человека и живых существ;
- исторические сведения о воплощении проекта мироздания;
- сведения о благах, технологиях, ресурсах, руководствах, данных человечеству для воплощения проекта мироздания, включая роли в системе разделения труда;
- образцы поведения (например, в виде сказаний о героях, мудрецах, родоначальниках);
- запреты, система наказания, а также призывы, побуждения к действию;
- сведения о распределении социальных ролей в обществе, обязанностях каждого.

Все это представляет собой матрицу культуры, которую индивид усваивает негенетическим образом через социальные коммуникации и искусство. Например, в народном танце каждое движение может иметь конкретный логический смысл, понятный зрителям из той же культурной матрицы (рис. 1).

Древний индийский танец

Балет

Современный танец

Рис. 1. Деградация коммуникативной функции танца и одежды

В противоположность народному танцу, балет утратил разумно-логическую часть своего послания и скатился к чувственно-эротическому мотиву. Современный танец еще больше опустился к инстинктивным, дерганым движениям и примитивной одежде. Это в свою очередь означает, что и одежда, и танец потеряли свое важное общественное значение, превратившись в атавизм.

В сохранившихся островках традиционной культуры народная одежда не утратила своей актуальности и до сих пор служит сред-

ством самоидентификации и общественной координации. Это значит, что экономика этого анклава на определенном историческом этапе замерла и не создала потребности в более мощных средствах массовой коммуникации.

Ниже представлены одна из наиболее значимых картин прошлого («Клятва Горациев» художника Жака-Луи Давида) и одна из самых дорогих сегодня картин в мире («Крик» художника Эдварда Мунка).

«Клятва Горациев», Жак-Луи Давид,
1784 г.

«Крик», Эдвард Мунк,
1893 г.

Рис. 2. Деградация коммуникативной функции живописи

Картина Жака-Луи Давида демонстрирует клятву перед отцом трех братьев Горациев, которую они дают накануне боя с соперниками – братьями Куриациями. Руки братьев Горациев подняты в римском приветствии, а их отец протягивает им боевые мечи. Две женщины справа показаны скорбящими, т.к. одна из них является невестой одного из Куриациев, а другая является сестрой Куриациев и одновременно женой одного из Горациев. На заднем плане видны три арки, каждая из которых соответствует группе фигур. В этой картине виден целый водопад смыслов: психологических, героических, трагических, патриотических и даже мировоззренческих. Она содержит не просто рассказ о событии – зритель может сам создать повествование, продолжив сюжет в прошлое и будущее. Такого рода картины становились явлениями в общественной жизни своего времени и привлекали внимание первых лиц государства и даже церкви.

Гигантская рыночная стоимость такой картины, как «Крик» художника Эдварда Мунка, ясно показывает, что рациональный дискурс сегодня не нужен обществу. Он сменился эмоциональной реакцией ребенка. Мы с трудом можем сказать, о чем эта картина. Общественный разум покинул живопись, оставив ее в качестве забавы детей, пугающих друг друга в темноте страшными историями.

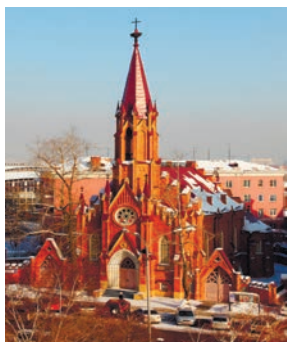
Культурная матрица максимально выражена в самых значительных культовых объектах – храмах, памятниках, сооружениях. Если мы сравним такие сооружения, сделанные в давно минувшие эпохи и в настоящее время, то увидим разительный контраст (рис. 3).

Исакиевский собор
в Санкт-Петербурге (1819–1858 гг.)

Церковь Дيو-Падре-Мизерикордиозо
в Риме (1996–2003 гг.)

Католическая Церковь Успения
Девы Марии
(г. Иркутск, 1884 г.)

Католический Собор
Непорочного Сердца Божией Матери
(г. Иркутск, 2000 г.)

Рис. 3. Деградация коммуникативной функции архитектуры

Как видим, религиозные сооружения даже относительно недавней постройки (XIX век) гармоничны, многомерны и многослойны. Зодчие по каким-то причинам считали необходимым тщательно продумывать каждую деталь, вкладывая в нее некий смысл, навык распознавания которого мы утратили. Вполне возможно, что кроме эстетической и чувственной ценности они содержат и четкое рациональное послание. К современным же культовым сооружениям практически не применимы термины «гармония», «соразмерность», «разумность». Они отличаются плоскими поверхностями, простыми, случайным образом сгруппированными фигурами, выражая некие смутные линейные знаки и символы. Склонность к простым детским фигурам в современной архитектуре также означает скатывание к сознанию ребенка. Мастерская древнего зодчего незаметно для общества сменилась песочницей ребенка.

Внутреннее убранство храмов разных эпох отличается примерно также, как библиотека и студенческая аудитория (рис. 4).

Собор Святого Стефана в Вене
(1511 г.)

Церковь Света Осаки, Япония
(1989 г.)

Рис. 4. Деградация коммуникативной функции интерьера

Памятники древним героям дают четкое представление об иерархии общества, о разворачивании событий в древности с односторонне одобряемой деятельностью героя, проецируя эти успехи на будущее. Герой часто изображался верхом на коне, который является символом народа, что подчеркивает верховную власть. В

современном памятнике Чингисхану невозможно понять, кто является главным: лошадь или всадник (рис. 5).

Конная статуя
Марка Аврелия (2 в. до н.э.)

Голова-гвоздь
(Германия, Гослар)

Статуя Чингисхана работы Даши Намдакова (2012 г.)

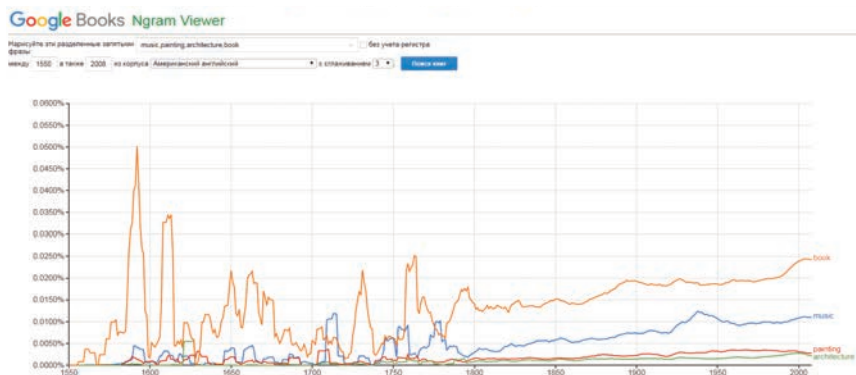
Рис. 5. Деградация коммуникативной функции памятников

В прежних обществах воспринимающий всю совокупность знаков и символов осознавал хронологию развития общества и свою индивидуальную роль в нем. Его трудовые и социальную усилия корректировались таким косвенным образом. Современ-

ные же памятники все более неправдоподобны, оторваны от реальной жизни и только дезорганизуют ценности зрителя.

Таким образом, все виды искусств имеют четкую тенденцию к деградации из-за перехода функции массовых коммуникаций к устной и письменной речи, которая была и остается наиболее мощным средством.

Значение музыки, рисования, архитектуры и книги можно косвенно оценить с помощью анализа частоты упоминания отдельных слов на основе печатных источников, опубликованных с 16 века и собранных в сервис Google Books (рис. 6).

*Рис. 6. Частота упоминания слов «music», «painting»,
«architecture», «book» в печатных источниках
с 1550 г. по 2008 г.*

(Сервис Google Ngram Viewer. URL: <https://books.google.com/ngrams>.)

Как видим частотность слова «book» коррелируют с важными экономическими процессами. Пик частотности наблюдается в шестнадцатом веке, когда появились важные работы по математике, физике и астрономии, происходили великие географические открытия, активно развивались мореходство, торговля и наука.

Пики частотности слова «book» часто предшествовали появлению новых технологических укладов, например, накануне Первой промышленной революции (1770–1830 гг.), когда была создана прядильная машина «Water frame», возникли текстиль-

ная промышленность и поточное производство. Новый скачок частотности слова «book» видим в 1780–1800 г., когда появились и активно развивались зачатки второго технологического уклада (1830–1880 гг.): паровая машина, паровое судоходство, угледобыча, железные дороги. В дальнейшем наблюдается более спокойный рост частотности, что связано с постепенным переносом коммуникаций в сферу газет, журналов, радио и т.д.

Таким образом, из всех созданных человеком инструментов речь развивалась наиболее активно, соответствуя и сопутствуя развитию общественного производства. Еще на раннем уровне развития общества произошло разделение труда на физический и умственный. По этой причине возникла необходимость в однозначном понимании слов исполнителями и управленцами, что требовало постоянного умножения словарного запаса. Это же породило комбинации слов, смысловые нюансы, склонения, окончания слов и др. Возникла систематизация понятий путем обобщения и абстрагирования. Спустя тысячелетия развития речь воспринимается нашим современником не только ментально, но и физически: произнесенное слово возбуждает определенные отделы мозга, приводит в действие соответствующие группы мышц (лицевых, органов речи, рук и др.). Например, слово «лимон» мгновенно создает в сознании человека соответствующий образ и приводит в действие слюнные железы.

Появление развитого речевого инструментария дало толчок к усложнению институциональной структуры общества (норм, правил), т.е. массовые коммуникации позволили освоить новые регулирующие функции. То, что раньше имело форму общественной привычки, преобразовалось в обычай, т.е. устно передаваемое от поколения к поколению общественное правило. Позднее из обычая выделилось письменное право – закон. Принципиальное отличие между правом по обычаю и письменным правом состоит в том, что последнее не опирается на обычай, т.к. события в обществе усложнились настолько, что не укладывались в простые патриархальные нормы. Возникла потребность в совершенно новых нормах и институтах. Записи таких норм и институтов позволяли пресечь искажения устных договоренностей. Кроме того, пись-

менность позволила накапливать знания, а также способствовала развитию торговли, науки, производства и т.д.

Дальнейшее ускорение хозяйственного развития потребовало еще большего ускорения информационных потоков, что было достигнуто с помощью книгопечатания, а затем газет, радио, телевидения. Сегодняшние цифровые технологии близки к пределу своего развития, но не с точки зрения пропускной способности, а с точки зрения человеческой способности к усваиванию информации. Наш современник плотно окружен аудио- и видеосигналами, информационными потоками, каждый из которых требует его внимания [7]. Очевидно, что требуется более совершенный инструмент для общественных коммуникаций, способный создавать плотный поток логических данных, образов, ощущений, а также пакетов индивидуального опыта и знаний. Фактически должна возникнуть медиаструктура, подобная высокоразвитой центральной нервной системе с обособившимися высшими центрами. Такая медиаструктура должна обеспечить переход от рефлекторной реакции общества на внешний информационный импульс к эластичным, гибким реакциям. Вполне вероятно, что платой за снижение стереотипности и стихийности общественных реакций будет их замедление. Однако эффективность действия общества в конечном счете будет несоизмеримо выше.

Знание о такой структуре должно разрабатываться соответствующей отраслью науки, предметом которой будет являться уже не слово, музыка, живопись или архитектура, а гораздо более широкое понятие, которое можно обозначить как посредник или *media* – множественное число от латинского *medium*, которое означает «среда, среда, посредник». Если музыкой занимается такая наука как музыковедение, словами – лексикология, а системами знаков – семиотика, то медиа может заниматься «медialogия» [5].

Созданная медialogией новая медиаструктура должна не дополнить танец, живопись, музыку и архитектуры, а полностью заменить их собой. Эти виды искусства должны прекратить свою деградиционную траекторию и дезорганизацию общества путем если не запрещения, то серьезного ограничения произвола в этой сфере.

Список использованной литературы

1. Богданов А. Всеобщая организационная наука (тектология). Ч. 1 / А. Богданов. – 3-е изд., перераб. и доп. – М. ; Л. : Книга, 1925. – 300 с.
2. Науменко Т. В. Массовая коммуникация: теоретико-методологический анализ / Т. В. Науменко. – М. : Перспектива, 2003. – 254 с.
3. Назаров М. М. Массовая коммуникация и общество: введение в теорию исследований / М. М. Назаров. – М. : Аванта-плюс, 2004. – 428 с.
4. Луман Н. Реальность массмедиа / Н. Луман ; пер с нем. А. Ю. Антоновского. – М. : Праксис, 2005. – 256 с.
5. Суходолов А. П. Медиалогия – наука будущего / А. П. Суходолов, М. П. Рачков // Вопросы теории и практики журналистики. – 2017. – Т. 6, № 3. – С. 267–286. – DOI: 10.17150/2308-6203.2017.6(3).267-286.
6. Свищёва М. Н. Технологии адаптации традиционных СМИ к росту влияния социальных медиа в России / М. Н. Свищёва // Интернет-маркетинг. – 2014. – № 1. – С. 50–61.
7. Музычук Т. Л. Эмоциональное состояние персонажа как объект лингвистического наблюдения / Т. Л. Музычук // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. – 2011. – № 1. – С. 75–88.

References

1. Bogdanov A. *Vseobshchaya organizacionnaya nauka (tektologiya). CH. I.* [General organizational science (tectology). Pr. 1]. 3th ed. Moscow, Leningrad, Kniga Publ., 1925. 300 p.
2. Naumenko T. V. *Massovaya kommunikatsiya: teoretiko-metodologicheskii analiz* [Mass Communication: The Theoretical-Methodological Analysis]. Moscow, Perspektiva Publ., 2003. 254 p.
3. Nazarov M. M. *Massovaya kommunikatsiya i obshchestvo: vvedenie v teoriyu issledovaniy* [Mass Communication and Society: Introduction to the Theory of Research]. Moscow, Avanta-plyus Publ., 2004. 428 p.

4. Luhmann N. *Die Realitat der Massenmedien fur Sozialwissenschaften*. Wiesbaden, Fachverlage Gmbh, 2004. (Russian ed.: Luman N. *Real'nost' massmedia*. Moscow, Praxis Publ., 2005. 256 p.).

5. Sukhodolov A. P., Rachkov M. P. Mediology as a Science of the Future *Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki = Theoret-ical and Practical Issues of Journalism*, 2017, vol. 6, no. 3, pp. 267–286. DOI: 10.17150/2308-6203.2017.6(3).267-286. (In Russian).

6. Svishcheva M. N. Technologies of Adapting the Traditional Media to the Growing Influence of Social Media. *Internet-marketing = Internet Marketing*, 2014, no. 1, pp. 50–61. (In Russian).

7. Muzychuk T. L. A Character's Emotional State as an Object of Linguistic Observation. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9. Filologiya = Moscow State University Bulletin. Series 9. Philology*, 2011, no. 1, p. 75–88. (In Russian).

Информация об авторе

Анохов Игорь Васильевич – канд. экон. наук, доцент, Байкальский государственный университет, 664003, Российская Федерация, г. Иркутск, ул. Ленина, 11, e-mail: i.v.anokhov@yandex.ru.

Author

Igor V. Anokhov – PhD in Economics, Associate Professor, Baikal State University, 11 Lenin St., 664003, Irkutsk, Russia, e-mail: i.v.anokhov@yandex.ru.

АРГУМЕНТАТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ НЕОГЕННОЙ ЛЕКСИКИ (НА МАТЕРИАЛЕ ТЕКСТОВ СМИ, ОСВЕЩАЮЩИХ РОССИЙСКО-УКРАИНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ)

В статье рассматривается неогенная лексика в газетных публикациях, актуализирующая особенности российско-украинских отношений, связанных с недавними событиями на Украине. Теоретическая и методологическая база исследования представлена работами по неологии русского языка, в которых установлены критерии определения и классификации инноваций, а также теория аргументации в языковой системе О. Дюкро. Основываясь на работах в этих сферах, в статье представлен следующий ход рассуждения: если считать, что аргументация носит универсальный характер в разных социальных практиках, а аргументативное начало уже представлено в языке, то жанр аналитической публицистики в той или иной степени является аргументативным. Так как теория О. Дюкро нацелена на выявление аргументативного потенциала языковых единиц, то имеются все основания исследовать в этом ракурсе инновации в текстах печатных и электронных СМИ, являющихся одним из самых неогенных участков современной языковой системы. Материал исследования представлен статьями печатных и интернет-изданий российских и украинских газет 2013–2016 гг. Применялись методы словообразовательного и структурного анализа, метод реконструкции аргументативного дискурса. Цель исследования заключается в том, чтобы показать, что инновации, будучи употреблены в коммуникативной ситуации сообщения, передаваемого посредством публикации, обладают аргументативным потенциалом.

Реконструкция показала, что инновации в аргументативных контекстах присутствуют в составе тезиса и аргументов. С точки зрения диалектических стандартов аргументации использование неолексем указывает на переход к риторическому измерению аргументации. Это означает, что авторы представляют свою аргу-

*ARGUMENTATIVE POTENTIAL OF NEW VOCABULARY
(THE CASE OF MEDIA TEXTS COVERING RELATIONS)*

ментацию в наиболее выгодном свете не посредством логических элементов, а с помощью языковых средств. Сделан вывод о том, что инновации и неологизмы обладают свойством интенсивности и таким образом усиливают соотнесенность предиката с действительностью. В этом состоит аргументативный потенциал новообразований анализируемой тематики.

Ключевые слова: инновации; неологизмы; аргументация; аргументативная ориентация; российско-украинские отношения.

N.S. Barebina

**ARGUMENTATIVE POTENTIAL OF NEW VOCABULARY
(THE CASE OF MEDIA TEXTS COVERING RELATIONS)**

The article deals with the new vocabulary in newspaper articles actualizing Russian-Ukrainian relations, related to the recent events in the Ukraine. Theoretical and methodological basis of the study is represented by the works of the Russian language neology, which set the criteria for the definition and classification of innovation, as well as the theory of argumentation in the language system by Oswald Ducrot. Based on the studies in these areas, the article presents the following line of reasoning: assuming that the argumentation is universal in different social practices, and argumentative beginning has already been submitted in the language, the genre of analytical publications is argumentative in varying degrees. Ducrot's theory is aimed at identifying argumentative potential of language units. Accordingly, one can think about reasons to explore speech innovations in this perspective, in the texts of printed and electronic media, especially that this sphere is one of the most neogenic parts of the modern language system. The study is based on the articles from print and online editions of Russian and Ukrainian newspapers from 2013 till 2016. The purpose of the study is to show that a neologism, as is used in communicative situations of a message conveyed through the publication can possess the argumentative potential.

The reconstruction allows us to demonstrate that innovations in argumentative contexts are present both in the structure of the thesis and the arguments. According to the dialectical standards of argumen-

tation, the use of neolexemes by authors indicates the moves to the rhetorical dimension of argumentation. This means that the authors tend to be effective and put forward their argumentation through language means rather than logical elements. The conclusion is that innovation and neologisms have a characteristic of intensity and thus increase the correlation of the predicate with the reality. It can be described as the argumentative potential of speech innovations in the analyzed subjects.

Keywords: media innovations; neologisms; argument; argumentative orientation; Russian-Ukrainian relations.

Вступление. Изменения, происходящие в жизни общества, с одной стороны ведут к появлению новых смыслов в различных социальных практиках, а с другой – к необходимости новых форм представления этих смыслов. Указанные процессы находят отражение в языке в виде появления языковых инноваций. В недавнее время наблюдался стремительный рост новой лексики, обусловленный изменениями в российско-украинских отношениях. Ознакомившись с рядом работ, в которых ситуация на Украине анализируется с позиций разных гуманитарных наук, мы пришли к выводу, что наиболее точно в аспекте лингвистической неологии суть этого феномена представлена в работе Н. И. Свечникова и А. Р. Филюкова, констатирующих факт того, что впервые был заложен фундамент абсолютно антирусского славянского государства у границы с Россией [1, с. 25]. Тема вооруженного противостояния в соседнем государстве широко обсуждается, и можно утверждать, что этот факт послужил триггером языковых изменений.

Поток новообразований в СМИ, Интернет, разговорной речи, на телевидении представляет собой обширный материал в виде разнородных языковых фактов, которые в значительной степени отличаются по числу вхождений в язык, степени новизны, виду языковых единиц. В этой связи возникает необходимость научного описания указанного явления с его последующим осмыслением не только в аспекте словообразования и семантики, но и в прагматическом, коммуникативном и лингвоэкологическом аспектах.

Материалы и методы исследования. Материалом исследования послужили языковые инновации, выявленные методом

сплошной выборки из текстов 190 статей. Все статьи были взяты из российских и украинских газет, в том числе интернет-изданий за период 2013–2016 гг. Также использовались данные Национального Корпуса Русского языка (газетный корпус) за 2013–2016 гг. Применялся метод словообразовательного и структурного анализа, а также метод аргументативной реконструкции, заключающийся в последовательной и систематической замене, добавлении и экспликации аргументативных элементов в анализе аргументативных контекстов.

Теоретическая база и цель исследования. Представим два теоретических положения, которые послужат базисом для дальнейших рассуждений.

Во-первых, взгляды на новообразования в русском языке, представленные в лингвистической литературе [2; 3; 4; 5; 6], позволяют говорить об отсутствии четкой терминологической базы в отношении критериев определения неологизмов. Так, термин «неологизм» часто стоит в одном ряду с такими понятиями, как «инновация», «новообразования», «новшество». Указанные понятия неоднозначно толкуются в лингвистических исследованиях и с точки зрения наполняемости указанных понятий, и с точки зрения правомерности причисления к ним единиц разных уровней языка. Вслед за авторами учебного пособия «Неология и неография современного русского языка» Т. В. Поповой, Л. В. Рацибурской, Д. В. Гугунава [3] мы будем использовать термины «инновация» и «новообразование» в качестве общего понятия, применимого для обозначения новых языковых фактов на всех уровнях языка. Мы разделяем мнение, высказанное в работах Е. В. Сенько [2] и Л. В. Шалиной [5] о целесообразности «разведения» разнородных языковых единиц. Это связано с тем, что этимологически неологизм представляет собой новое слово, что соответствует лексической категории. Поэтому в данной статье к неологизмам мы будем относить словные единицы.

Во-вторых, в современной литературе по теории аргументации распространено мнение о том, что аргументация носит универсальный характер и присутствует в различных социальных сферах [7]. Аргументация как деятельность, связанная с обоснованием опре-

деленных положений, мнений, а также критикой позиции другой стороны является свойством и условием для журналистских обобщений и выводов. Здесь же необходимо представить информацию о теории языковой аргументации О. Дюкро. По мысли ученого, аргументативное начало в языке превалирует над информативным, поэтому любое высказывание можно рассматривать как аргумент, а сам язык уже обладает аргументативной силой, которая направлена либо на увеличение, либо на уменьшение степени соотнесенности предиката с действительностью в конкретной ситуации [8, р. 145]. Эта теория направлена на выявление аргументативного потенциала языковых единиц.

Исходя из вышеуказанного контекста, главная цель статьи состоит в том, чтобы показать, что инновации, будучи употреблены в коммуникативной ситуации некоторого сообщения, передаваемого посредством публикации, обладают аргументативным потенциалом и могут выполнять функцию слов-аргументаторов.

Вопрос об исследовании аргументативного статуса неологизмов.

Приведем одно из мнений, существующих в научной литературе по аргументации. Речь идет о том, что основная сила убеждения и влияния в аргументативном дискурсе (который, как отмечалось выше, интегрирован в жанр публицистики), является не логичность, истинность и правильность рассуждений, а аргументативный потенциал лексической единицы. Это мнение убедительно доказывают результаты исследований языковой аргументации (см., работы А. В. Колмогоровой, Т. В. Нешевой, О. В. Ситосановой [7, с. 93–168, с. 390–480, с. 482–536]). В этом заключается коренное отличие лингвистического подхода к аргументации от логического и философского. Такой взгляд на аргументацию позволяет оставить в стороне малопригодные для лингвистики логические и философские корни теории аргументации и сосредоточиться на исследовании естественно-языковой аргументации.

Базовыми в определении аргументативного потенциала лексических единиц являются понятия аргументативной ориентации, аргументативной силы и градуальности, которые дают представление о механизме аргументации в языке как системе. Первое понятие свя-

зано с тем, что любое высказывание потенциально ссылается на некоторые классы заключений. Например, в высказываниях «Это мой родственник, но дальний» и «Это мой родственник, хотя и дальний» содержатся два противоположных заключения. В первом случае имплицитируется отдаление от родственника, а во втором – общность. Понятие аргументативной силы связано со степенью соотносительности предиката с действительностью и зависит от конкретной коммуникативной ситуации. Это дает возможность исследовать аргументативную силу с точки зрения градуальности относительно нормы.

С точки зрения поставленных целей, наиболее релевантным для нашего исследования является понятие градуальности лексических единиц относительно нормы. Исследователи, анализирующие инновационный арсенал языковых средств в описании российско-украинского конфликта сходятся во мнении, что семантическая характеристика инноваций, связанных с российско-украинской темой, включает особую экспрессивность. Номинации имеют обидный, уничижительный, оскорбительный характер, граничащий с речевой агрессией [9]. В семантике неологизмов отмечается жесткое противопоставление своего и чужого [10], ирония [11], пренебрежительно-оценочный характер [12]. Приведем некоторые примеры: неологизм *ватник* в качестве обозначения собирательного образа русского патриота, *вата* для обозначения группы людей, имеющих пророссийские взгляды, номинация *маукрап*, употребляемая в качестве прозвища, данного гражданам Украины, отстаивающим права Украины на независимость и территориальную целостность. Зафиксированы новообразования, которые обозначают некоторые явления, например, существительные *псакинг* (стиль американской дипломатии), *неомазепизм* (предательское лукавство), топонимы *Лугандаи* *Донбабве* (оскорбительные названия областей Украины), а также многочисленные производные от слова *майдан* (*отмайданить*, *алкомайдани* др.). Анализируемые лексические единицы отличаются негативно-оценочной коннотацией, некоторые из них являются примерами пейоративной лексики. Следовательно, языковые инновации можно рассматривать относительно нормы.

В определении степени градуальности мы ориентировались на следующее понятие литературно-языковой нормы: «...это истори-

чески и эстетически обусловленные средства языка, словарно кодифицированные и социально принятые, обеспечивающие речевые потребности народа. Существуют различные факторы нормы. Это литературно-художественная употребимость данной формы, применимость для большинства говорящих на этом языке как на родном, словарная кодифицированность, востребованность в повседневном общении, наконец, языковая нравственность, закрепившаяся в исторической памяти народа» [13, с. 61]. Обсуждаемые инновации представляют собой отступление от литературно-языковой нормы с точки зрения языковой нравственности и употребимости этих лексических единиц; указанные лексемы отсутствуют в словарях.

Интересным наблюдением можно считать то, что неологизмы российско-украинских отношений рассматриваемого периода не явно указывают на некоторые обобщения, которые принадлежат культурному фону определенного языкового сообщества. Более всего это заметно на примере новообразований, которые представляют собой актуализированную лексику – слова, прежде существовавшие в русском языке, но выступающие на современном этапе в ином осмыслении, например, *ватник*, *укроп*, *майдан*, а также вернувшаяся лексика, например, *тербат*, *хунта*. Тот факт, что многие авторские окказионализмы, например, глагол *кобзонить*, без труда воспринимаются пользователями языка, также подтверждает это наблюдение.

Рассмотрим теперь несколько примеров, иллюстрирующих употребление языковых инноваций в аргументативных контекстах.

Мы находимся в плену магии социальных сетей, создающих иллюзию, что у евреев нет другой темы для дискуссий, кроме российско-украинского конфликта. В Израиле на сегодняшний день проживает самая большая русско-еврейская община мира (порядка 980 тыс. чел.), и, анализируя русскоязычный сегмент израильского Facebook, может показаться, что они только и думают, кто прав – ватники и колорады или укры и жидобандеровцы. Однако данные проведенного нами среди «русских» израильтян масштабного опроса общественного мнения свидетельствуют совсем о другом¹.

¹ Гольд М. Израиль. Между «украи» и «колорадами» // Зеркало недели. Украина. 2015. 6 нояб. (Вып. 42).

В приведенном примере четко прослеживается структура аргументации. Тезис автора: *«Социальные сети создают иллюзию, что российско-украинский конфликт является основной темой обсуждения евреев»*. Для дальнейшего обоснования тезиса автор использует аргумент-допущение, относительно того, что, действительно, так может показаться. Схема аргументации, то есть связь тезиса и аргумента – симптоматическая; в данном фрагменте представлена единичная структура аргументации. В аргументе используются неолексемы для обозначения двух разных групп людей. Слова ватники, колорады, укры, жидобандеровцы, передавая эмоционально-оценочное отношение автора, являются эмфатическими неолексемами.

Мы постоянно будто бы ходим по замкнутому кругу <...>. Россия <...> почти век борется за то... что до этого сотни лет было частью нас. Было нашим. И никем не оспаривалось до 1917 г. Никто не заикался об «оккупации Эстонии или Латвии», Румыния и помыслить не могла, чтобы заявить права на Молдавию (Бессарабию). Не было и попыток натравить украинцев на русских. А предки тех, кто сегодня «бужит» на киевском майдане, были подданными вовсе не «независимой Украины». И, кстати, были вполне «евроинтегрированы» – могли без виз в Вену и Будапешт ездить. В 1913 г. Киев был русским городом¹.

Тезис автора эксплицируется следующим образом: «Россия вынуждена бороться за то, что раньше было ее частью и никем не оспаривалось». Приведены аргументы:

1. Никто не говорил, что Эстония или Латвия были оккупированы;
2. Румыния не могла помыслить о том, чтобы заявить права на Молдавию;
3. Никто не пытался натравить украинцев на русских;
4. Предки тех, кто выступает на майдане, не были подданными Украины;
- 4.1. Эти люди были «евроинтегрированы».
5. Киев был русским городом.

¹ Стариков Н. Перемены есть. Что потеряла и что приобрела Россия за последние 100 лет // АиФ. 2013. 25 дек. (№ 52).

В представленном фрагменте выявляется множественная подчинительная (аргументы 4 и 4.1) структура аргументации. Лексема *евроинтегрированы* на уровне аргумента, так же, как и в предыдущем примере, имеет семантику эмфазы, предваряя активную для восприятия выделенность последующей фактологической информации.

Киевские мечтатели, видимо, не понимают, что ЕС – это прежде всего выполнение договоров и исполнение процедур. В ходе этих процедур Украина должна не просто продемонстрировать свою состоятельность как государства, но и твёрдо обосновать своё право быть частью Европы. А именно с этим у Незалежной имеются серьёзные проблемы <...> Можно как угодно относиться к мечтам Украины о «европейском выборе». Но даже поверхностный анализ тех требований и стандартов, которые предъявляет Европа к потенциальным членам и партнёрам ЕС, приводит к неутешительному выводу, что «евровыбор» Украины – самый дешёвый способ, выбранный нынешней властью, чтобы «накормить» народ обещаниями¹.

Реконструкция фрагмента позволяет выявить следующий тезис: ««Евровыбор» Украины – самый дешёвый способ власти что-либо пообещать народу». Имеется имплицитный аргумент: «Украина не соответствует требованиям и стандартам, которые предъявляет Европа к потенциальным членам и партнерам». Данное рассуждение соответствует причинно-следственной схеме аргументации. Номина *евровыбор* содержит ироническую коннотацию.

*Порой создается впечатление, что **ватники** для украинского общества – не столько проблема, сколько психологическая отдушина, способ поднять нашу самооценку. Пускай мы живём скверно, пускай страна разорена <...>, но зато по соседству обитают миллионы **ватников**, которые заведомо глупее нас. Среди этих непроходимых дураков – актеры и бизнесмены, работяги и студенты, домохозяйки и научные сотрудники. Они деградируют на глазах. Они верят Дмитрию Киселеву и размахивают советскими фетишами. Они обсуждают безумные конспирологические теории и радуются самоизоляции. Они*

¹ Самодуров В. Украина обманывает Европу // АиФ. 2016. 1 апр. URL: <http://www.aif.ru/politics/world/ukraine> (дата обращения: 22. 06. 2016).

убеждены, будто весь цивилизованный мир заблуждается или лжет, и только скрепоносная Россия отстаивает правду. На них не действуют никакие логические аргументы. Вера в коллективное интеллектуальное превосходство над соседями, безусловно, ободряет. Но насколько она обоснована¹?

В данном фрагменте содержится тезис всей статьи, который заключен в риторическом вопросе: «Насколько обоснована вера в интеллектуальное превосходство над соседями?». Автор создает некоторую базу для дальнейшей аргументации, представив ряд аргументов относительно того, как украинское общество представляет себе русских, при этом неолексема *ватник* используется для противопоставления в рамках оппозиции «свой-чужой».

Интерпретация результатов. Метод аргументативной реконструкции показывает, что инновации, в том числе неологизмы анализируемой тематики, представлены в текстах газетных публикаций на уровне тезиса и аргумента. Неолексемы в составе аргументов и тезиса отличаются значительной экспрессивностью. С точки зрения диалектических стандартов аргументации указанные элементы показывают переход к риторическому измерению аргументации. Это означает, что авторы представляют свою аргументацию в наиболее выгодном для себя свете не посредством логических элементов, а с помощью языковых средств. По примерам видно, что авторам недостаточно использовать нейтральные номинации, для усиления воздействия используются как окказиональные неолексемы (примеры 2 и 3), так и неологизмы, уже распространенные в обществе (примеры 1 и 4). Категория эмоциональной оценки, которая присуща неологизмам, используемым в аргументативном контексте, дает основания исследовать аргументативный статус последних в рамках теории О. Дюкро. Семантическая характеристика неологизмов содержит эмфазу, значение которой, как известно, включает представление о норме. Все неологизмы в аргументативных контекстах содержат или негативное, или ироничное коннотативное значение, а будучи употребленными в указанном контексте, становятся наделенными аргументативной силой.

¹ Дубинянский М. День ватника // Украинская Правда. 2016. 1 апр. URL: <http://www.pravda.com.ua/rus/articles/2016/04/1/7104020/> (дата обращения: 27.06.2016).

Так как аргументация как коммуникативное действие направлена на то, чтобы посредством тезисов и аргументов, убедить адресата принять некоторую точку зрения, то неологизмы, используемые в составе ключевых элементов аргументации, усиливают воздействие на адресата. В этом состоит аргументативный потенциал лексических инноваций. Рассмотренные неологизмы и инновации позволяют выявить такой признак, как интенсивность в аргументативном контексте.

Выводы. В исследовании осуществлялась попытка рассмотреть процессы неологизации, происходящие под влиянием политического фактора, в преломлении к аргументационной проблематике. Результаты показывают, что неологизмы и инновации в аргументативном контексте обладают признаком интенсивности, оказывая влияние на соотношенность предиката с действительностью. В целом, можно утверждать, что неологизмы обладают аргументативным потенциалом. Это проявляется в том, что данные языковые единицы, будучи употреблены в контексте аргументативного сообщения, которое само по себе обладает персуазивным эффектом, придают дополнительную аргументативную силу всему сообщению. Исследование проблемы аргументативного функционирования неологизмов в языке, учитывая роль СМИ в обществе, является весьма актуальным и с точки зрения влияния последних на развитие культуры речи, и с позиций возможных изменений качеств языкового сообщества в целом.

Список использованной литературы

1. Свечников Н.И. Политико-правовой анализ государственно-го переворота на Украине / Н.И. Свечников, А.Р. Филюков // Вестник Пенз. гос. ун-та. – 2014. – № 3 (4). – С. 23–27.
2. Сенько Е.В. Теоретические основы неологии / Е.В. Сенько. – Владикавказ : Изд-во Северо-Осетинского гос. ун-т им. К.Л. Хетагурова, 2001. – 107 с.
3. Попова Т.В. Неология и неография современного русского языка : учеб. пособие / Т.В. Попова, Л.В. Рацибурская, Д.В. Гугунава. – М. : Флинта, 2005. – 168 с.

4. Зырянова А.В. Функционирование неологизмов-лексем в современном русском языке в семантико-коммуникативном и прагматическом аспектах на материале средств массовой информации: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / А. В. Зырянова. – Челябинск, 2006. – 203 с.

5. Шалина Л.В. К Вопросу о сущности неологизма в современной лингвистике / Л. В. Шалина // Известия Пенз. госпед. ун-та. – 2007. – № 8. – С. 73–77.

6. Сальникова В.В. Семантический и словообразовательный аспекты изучения окказиональных и потенциальных неологизмов / В.В. Сальникова, Т. Р. Шейхутдинова // ScienceTime. – 2014. – № 7. – С. 380–383.

7. Концептуальная систематика аргументации / под ред. Г. М. Костюшкиной. – М. : Флинта : Наука, 2016. – 588 с.

8. Ducrot O. Les modificateurs déréalisants / O. Ducrot // Journal of Pragmatics. – 1995. – № 24. – P. 145–165. – DOI: 10.1016/0378-2166(94)00112-R.

9. Рацибурская Л.В. Медийные новообразования как средство отражения современной украинской действительности / Л.В. Рацибурская, Е.А. Жданюк // Филология и культура. – 2015. – № 2 (40). – С. 46–52.

10. Шуленкова С.Г. Публицистический арсенал современных общественных движений (гражданская война на Украине в российских СМИ) / С. Г. Шуленкова, Н. В. Позднякова // Вестник Кемеров. гос. ун-та. – 2015. – № 4-4 (64). – С. 260–265.

11. Синельникова Л.Н. Роль риторического перформанса в превращении референтного события в медиасобытие / Л.Н. Синельникова // Политическая лингвистика. – 2015. – № 4. – С. 54–58.

12. Строкова Ю.А. Военно-политический конфликт на Украине в новостях ТВ: лингвоэтический аспект / Ю.А. Строкова // Вестник электронных и печатных СМИ. – 2015. – № 1 (23). – С. 101–123.

13. Сущепко Е.А. Словарь-справочник лингвоэкологических терминов и понятий / Е. А. Сущепко ; под ред. Л.Г. Татарниковой. – СПб. : Петрополис, 2011. – 424 с.

References

1. Svechnikov N. I., Filyukov A. R. Political and legal analysis of the riot in the Ukraine. *Vestnik Penzenskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Penza State University*, 2014, no. 3 (4), pp. 23–27. (In Russian).
2. Senko E. V. *Teoreticheskie osnovy neologii* [Theoretical bases of neology]. Vladikavkaz, Severo-Osetinskii gosudarstvennyi universitetim. K.L. Khetagurova Publ., 2001. 107 p.
3. Popova T. V., Ratsiburskaya L. V., Gugunava D. V. *Neologiya i neografiya sovremennogo russkogo yazyka* [Neology and neography of the modern Russian language]. Moscow, Flinta Publ., 2005. 168p.
4. Zyryanova A. V. *Funktsionirovanie neologizmov-leksem v sovremennom russkom yazyke v semantiko-kommunikativnom i pragmaticheskom aspektakh na material sredstv massovoi informatsii. Kand. Diss.* [Functioning of linguoecological terms and concepts. Functioning of lexemes-neologisms in the modern Russian language in semantic-communicative and pragmatic aspects exemplified in Mass Media. Cand. Diss.]. Chelyabinsk, 2006. 203 p.
5. Shalina L. V. On the issue of the neologism nature in the modern linguistics. *Izvestiya Penzenskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta = Bulletin of Penza State Pedagogical University*, 2007, no. 8, pp. 73–77. (In Russian).
6. Salnikova V.V., Sheikhtudinova T. R. Semantic and word-formation aspects of occasional and potential neologisms study. *Science Time*, 2014, no 7, pp. 380–383. (In Russian).
7. Kostyushkina G. M. (ed.). *Kontseptual'naya sistematika argumentatsii* [Conceptual systematics of argumentation]. Moscow, Flinta Publ., 2016. 588p.
8. Ducrot O. Les modificateurs de réalisants. *Journal of Pragmatics*, 1995, no 24, pp. 145–165. DOI: 10.1016/0378-2166(94)00112-R.
9. Ratsiburskaya L. V., Zhdanyuk E. A. Media innovations as means of reflection of the modern Ukrainian reality. *Filologiya i kul'tura = Philology and culture*, 2015, no. 2(40), pp. 46–52. (In Russian).
10. Shulenkova S. G., Pozdnyakova N. V. Publicistic repertoire of the modern social movements (the civil war in the Ukraine in the Russian Mass Media). *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo*

universiteta = Bulletin of Kemerovo State University, 2015, no. 4-4 (64), pp. 260–265. (In Russian).

11. Sinelnikova L. N. The role of the rhetorical performance in the transformation of a referential event into a Media event. *Politicheskayalingvistika* = Political linguistics, 2015, no. 4, pp. 54–58. (In Russian).

12. Strokova Yu. A. Military and political conflict in the Ukraine in TV news: the linguoethical aspect. *Vestnik velektroannykh i pechatnykh SMI* = Bulletin of Electronic and Printed Mass Media, 2015, no. 1 (23), pp. 101–123. (In Russian).

13. Sushchepko E. A.; Tatarnikova L. G. (ed.). *Slovar'-spravochnik lingvoekologicheskikh terminov i ponyatii* [Dictionary – reference book]. St. Petersburg, Petropolis Publ., 2011. 424 p.

Информация об авторе

Баребина Наталья Сергеевна – кандидат филологических наук, доцент, кафедра иностранных языков, Байкальский государственный университет, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11, e-mail: svirel23@rambler.ru.

Author

Barebina Natalia S. – PhD in Philology, Associate professor, the Department of Foreign Languages, Baikal State University, 11 Lenin st., 664003, Irkutsk, Russian federation, e-mail: svirel23@rambler.ru.

УДК 81'373

**Н.С. Баребина,
О.Ф. Семенова**

ЯЗЫКОВЫЕ ИННОВАЦИИ В МЕДИАТЕКСТАХ ОПИСАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ БОРЬБЫ НА УКРАИНЕ

В статье рассматриваются новые языковые факты в публикациях российских и украинских газет. Выделяются как единичные, так и более частотные языковые новации. Уделено внимание критериям и классификации новообразований. Подробно описываются три группы неологизмов. Указывается метод словообразовательного и описательного анализа. Отмечаются формы заимствования (внутреннее и из других языков). Определяется роль сети Интернет в создании и распространении языковых и речевых новообразований.

Ключевые слова: языковые инновации; СМИ; классификация; словообразовательные модели

**N.S. Barebina,
O.F. Semenova**

LANGUAGE INNOVATIONS IN THE TEXTS OF DESCRIBING POLITICAL STRUGGLE IN UKRAINE

Abstract. The article considers new language facts in publications of the Russian and Ukrainian newspapers; it highlights both single and more frequent language innovations; the authors pay attention to the criteria and classification of neologisms; three groups of neologisms are described in more detail; the method of the word-formation and descriptive analysis are specified; linguistic borrowings (internal ones and those from other languages are considered); the Internet role in creation and distribution of language and speech innovations is emphasized.

Keywords: language innovations; Media, classification; word formation models.

Вступление. В данной статье анализируются новые языковые факты, использующиеся авторами материалов современных рос-

сийских и украинских СМИ, связанные с вопросами внутренней и внешней политики. Рассмотрены как единичные употребления (окказионализмы), так и более частотные языковые новации. В лингвистическом аспекте новые факты русского языка представляют интерес с точки зрения их происхождения, словообразования, пополнения и изменения словарного фонда русского языка. В этой связи возникает необходимость классификации и научного описания указанного явления с его последующим осмыслением не только в аспекте словообразования и семантики, но и в прагматическом и коммуникативном аспектах.

Материалы, методы и задачи исследования. Материал исследования представляет собой авторскую картотеку новых языковых фактов, выявленных методом сплошной выборки из публикаций российских и украинских СМИ с привлечением данных «Национального корпуса русского языка». Безусловно, что исследование неологизмов, появившихся в период обострения российско-украинских отношений представляет собой богатый материал в разных аспектах лингвистической науки. Очевидно также и то, что со временем эти языковые единицы утратят свою новизну и, возможно, не задержатся в языковой системе. Поэтому фиксация новообразований их анализ является своевременным с точки зрения выявления механизмов неологизации. Следовательно, более высокому уровню научной рефлексии всегда должен предшествовать этап описания и каталогизации языковых фактов. Исходя из вышеуказанного контекста, в статье решалась задача зафиксировать и описать новые языковые факты в текстах газет с последующей классификацией новообразований. Еще одной задачей являлось выявление способов представления новой лексики в текстах газет. Такая описательно-аналитическая работа велась с применением метода словообразовательного и структурного анализа.

Способы представления неогенной лексики в текстах газет. Особенностью инноваций в газетных публикациях является то, что, первые связаны с определенным контекстом и, как правило, можно установить их авторство. На этой основе мы выявили несколько способов представления новых языковых фактов, которые можно представить в виде четырех групп.

В материалах первой группы авторы текстов, стремясь к экспрессии и свежести подачи материала, становятся и авторами языковых инноваций, например, в виде аббревиатуры: ...*Плохо только в одночасье разорившимся фермерам Херсонской области*, – да и прочим простым украинцам, которых скоро во всем мире будут отождествлять с туповатыми укропами, разрушающими свою страну, аки ИГИЛ. Ой, простите, УГИЛ¹ или лексической единицы: Молчание «евроягнят»².

Вторая группа представлена публикациями, в которых новая лексика вводится авторами в виде цитирования. Например, цитирование речи политиков и официальных лиц: «Некоторые беркутята из местной власти создают какие-то фронты, а криминал начинает сотрудничать с силовыми структурами», – сказал Кличко³.

Приведем еще пример цитирования: «Остановили байкеров с красными тряпками <...> Их попросили снять красные флаги и не провоцировать беспорядки», – сообщает депутат Верховной Рады Андрей Левус <...> «По одному берут особо буйных “колорадов”. Уже около десятка. “Вата” периодически порывается уйти на Куликово поле. Но безуспешно. Оно заминировано», – добавил он⁴.

Следующим случаем цитирования в качестве источника новой лексики в газетах является приведение высказываний участников каких-либо событий, использующих неологизмы в речи:

«Уже можно догадаться, что сепары будут вопить, что это была диверсионная группа, – рассказывает местный житель Владимир. – Это точно никакой не миномет <...> Пусть сепары теперь доказывают, кто и откуда стреляет, а местным все стало

¹ Загатин С. Старый плут Джемилев, «блокада Крыма» и дурачки-правосеки // Журналистская правда. 2015. 13 окт.URL: <http://jrgazeta.ru> (дата обращения: 28.05.2016).

² Химендик С. Молчание «евроягнят» // Российские вести. 2015. 13–19 нояб. (№ 19).

³ Кличко думает, что конституционная реформа спасет ситуацию в стране // Украинская правда. 2014. 4 февр.URL: <http://www.pravda.com>. (дата обращения: 15.05.2016).

⁴ Левит А. День Победы в Одессе: красные флаги, георгиевские ленты и антиукраинские лозунги // Факты и комментарии. 2016. 9 мая.URL: <http://fakty.ua/216510> (дата обращения: 25.06.2016).

ясно <...> пострадала та часть, которая стоит «лицом» к сепарам, а вот со стороны Нацгвардии ничего не прилетало»¹;

А вот комментарий с другой стороны баррикад: «Ждём с нетерпением!!! Сама с Донбасса – буду мёрзнуть, но терпеть. Лишь бы посмотреть, как эти “*майдауны*” перезимуют!»².

Еще одним случаем представления новой лексики на основе цитирования является использование новообразований с пояснением их значений:

Наблюдатели отмечают, что украинские военнослужащие, участвующие в маневрах, между собой воображаемого противника называют «сепарами» (то есть сепаратистами)³;

На Украине не думают о том, как врачевать раны, – там думают о том, как перевооружить армию для нового похода на «Луганду» и «Донбавве». *Это не мной придуманные названия – так воспринимают и так относятся к жителям Восточной Украины «правильные украинцы»*⁴.

Следует отметить и такой способ представления новой лексики, когда авторы используют в речи неологизмы, уже получившие распространение в том или ином лингвокультурном сообществе. Большая часть этих лексических единиц, по результатам исследования Е.В. Вагановой [1], является интернет-мемами. Например: Был «титишкой» – стал «укропом»⁵; Тем временем власти Крыма арестовали имущество координатора блокады Крыма Ленура Ислямова. Об этом заявила ТАСС «няша-

¹ Зайцев В. Житель Донецка: «27-ю больницу обстреляли из города» // Сегодня.ua. 2015. 4 февр.URL: <http://www.segodnya.ua/589704.html>. (дата обращения: 22.06.2016).

² Пироженко Л. «Хто помывся – той москаль!» Киевляне о жизни без горячей воды // АиФ. 2014.18 сент.

³ Мухин В. На SeaBreeze-2015 сфантазировали гибридную войну // Независимая газета. 2015. 9 сент.URL: http://www.ng.ru/armies_seabreeze.html (дата обращения: 12.06.2016).

⁴ Сидорчик А. Воспитание ненависти по-украински // АиФ. 2014. 25 сент.

⁵ Самодуров В. Власть виннических «титишек» // АиФ. 2016. 14 апр.

прокурор» Наталья Поклонская¹; «День ватника»²; Аккурат в шаббат, под покровом ночи, был арестован один из главных жидобандеровцев, *правая рука Игоря Коломойского...*³; Потом был Майдан, «Крымнаш», *российское вторжение в Донбасс и проч.*⁴

Классификация инноваций в текстах газет. Классификация неологизмов – задача часто обсуждаемая, вклад в ее решение сделан Н.З. Котеловой [2], Т.Н. Поповцевой [3], Е.В. Сенько [4]. В работе мы опирались на классификацию новообразований, представленную с учетом указанных работ в пособии «Неология и неография русского языка» [5]. Согласно этой классификации, новые языковые факты подразделяются по виду языковой единицы, по степени новизны языковой единицы, по виду обозначаемой реалии, по способу образования.

По виду языковой единицы неогенная лексика в текстах газет представлена тремя группами:

– неолексемы, например, *правосек, ленинопад, алкомайдан, майданутый*;

– неофраземы, например: *зеленые человечки, черные человечки, диванные патриоты, постмайданное государство, антипутинский агитатор*;

– неосемемы, представляющие собой новые значения старых слов, например: *майдан, ватник, вата, укроп*.

С точки зрения степени новизны языковой единицы в публикациях выявлены абсолютные неологизмы, которые представляют собой ранее отсутствовавшие в языке единицы, например, *уковолк, антимайдан, Донбабве*.

Относительные неологизмы в научной литературе принято разделять на две группы: 1) вернувшаяся лексика – это малоупотре-

¹ Курган С., Гавриш А. Чтобы обеспечить Крым электроэнергией из России, потребуется не меньше трех лет // Факты и комментарии. 2015. 30 дек. URL: <http://fakty.ua/209579> (дата обращения: 10. 06. 2016).

² Дубинянский М. День ватника // Украинская правда. 2016. 1 апр. URL: <http://www.pravda.com.ua/rus/articles/2016/04/1/7104020/> (дата обращения: 27.06.2016).

³ Макрин И. Петрушка против Укропа. Кто кого? // Русская газета. 2015. 1 нояб. URL: <http://rus-gazeta.ru/1731-petrushka-protiv-ukropa.-kto-kogo-.html> (дата обращения: 26.06.2016).

⁴ Маскалевич И. ЕІТІ – прозорочність «до востребования» // Зеркало недели. Украина. 2016.29 янв. (№3).

бительные или устаревшие слова, которые «актуализировались, сохраняя в своей «новой жизни» прежнее смысловое и функционально-стилистическое содержание» [5, с. 90] и 2) *актуализированная лексика* – слова, прежде существовавшие в русском языке, но выступающие на современном этапе в ином осмыслении.

К неологизмам вернувшейся лексики по анализируемой тематике можно условно отнести лексему майдан, если считать случаи, когда она используется в значении «площадь, место» [6, с. 290]. Эта же лексема относится к группе актуализированной лексики (подробно об отражении семантики слова майдан в толковых словарях см. работу В.В. Химик [7])

Академические словари не отражают значение слова «майдан», появившегося в связи с последним событиями на Украине. Как отмечают исследователи, лексема майдан приобрела следующие значения:

- (бессрочная) акция протеста;
- социальный бунт, противостояние с властью;
- борьба за смену режима;
- участники акции протеста;
- лагерь, объединение людей, осуществляющих протестную акцию [8, с. 174];
- толпа людей, целенаправленно выводимых на улицу для достижения политических целей;
- средство достижения каких-то политических целей [9, с. 67].

Другие примеры актуализированной лексики – это неологизм *ватник* в качестве обозначения собирательного образа русского патриота, *вата* со значением «группа людей, имеющих пророссийские взгляды», номинема *укроп*, употребляемая в качестве прозвища, данного гражданам Украины, отстаивающим права Украины на независимость, самоопределение и территориальную целостность.

Следующая категория классификации инноваций – вид обозначаемой реалии. Зафиксированы новообразования, которые обозначают как старые реалии, например, *тербат*, *нацик*, *хунта*, *ба(е)ндеровцы*, *русня*, *фашик*, так и новые реалии, например, су-

ществительные *креакл, псакинг, неомазепизм*, топонимы *ЛНР и ДНР*, глаголы *отмайданить, кобзонить*.

По способу образования неологизмы делятся на заимствованные, словообразовательные и семантические. В материалах газет наиболее часто встречаются словообразовательные инновации и неологизмы, образованные по моделям русского словообразования.

Так, новообразования, актуализирующие российско-украинские отношения создаются посредством суффиксации, префиксации, словосложения. В качестве основы выступают названия понятий, организаций, имена политиков и иных деятелей. Суффиксальным способом образованы инновации, принадлежащие к существительным, например, *путинизм, майданик, прилагательным, майданутый*. Активно задействуются префиксы в глаголах, например, *помайданить, отмайданить*, прилагательных, например, *полуевропейский, постмайданный*, причастиях, например, *обмайданенный*, существительных, например, *евротройка, евроскептик*, глаголах, например, *евроинтегрировать*. Активно задействованным оказывается словосложение: *алкомайдан, укроволк, укрохохол, майданофашисты, няша-прокурор, Ватостан*. Посредством усечения производящей основы образованы такие неолексемы, как *сепар, колорад, русня, вата* (от *ватник*).

В текстах публикаций реализуются и неузусальные способы словообразования, такие, как контаминация в виде междусловного наложения с усечением финали первого и/или начала второго слова, например, *майдаун, креакл, вышиватник, Лугандон, Даунбасс, Бандерлогово, гумконвой*. Также в текстах газетных публикаций зафиксированы новообразования, созданные посредством голофразиса, когда новые лексические единицы образуются на базе предложения: например, *крымнаш, онижедети*, гендиадиса, при котором компоненты сложного слова рифмуются, например, *майдан-балаган*.

Помимо словообразовательных инноваций в текстах российских газет зарегистрированы и заимствования из украинского языка. К таковым относится популярный неологизм *титушки* (от укр. *тітушки*; термин происходит от фамилии спортсмена *В.С. Титушко* (укр. *Вадим Сергійович Тітушко*), который участво-

вал в потасовках против оппозиции) и лексема незалежная (от укр. незалежна – независимая). Неолексема свідомые и ее производное свідомиты (укр. свідомі от польск. świadomi «сознательные») также используется в языке публикаций, но уже с измененным смыслом в значении «глупые, фанатичные люди».

Отмечаются и внутренние заимствования из терминосистемы юриспруденции. К этой группе относятся часто используемые лексемы *люстрация* (лат. lustratio – очищение), и *аннексия* (от лат. Annexus – присоединенный).

Группа семантических инноваций представлена рассмотренными выше неосемемами.

Как видим, неогенная лексика, актуализирующая российско-украинскую тему рассматриваемого периода, представлена во всех категориях выбранной нами классификации.

Интерпретация результатов. Обобщив результаты, полученные в ходе исследования неогенной лексики в текстах газет по тематике российско-украинских отношений, мы пришли к выводу о том, что 10 % инноваций представляют собой примеры авторских окказионализмов, которые не принадлежат системе языка, являясь одноразовой лексической или фразеологической единицей.

В большинстве случаев авторы публикаций используют новации в виде дословного цитирования или перефразирования фрагментов речи, где новые языковые факты используются цитируемыми авторами высказываний независимо от их социального статуса. В текстах публикаций обсуждаемой тематики частотными являются случаи употребления речевых инноваций, представляющих собой сетевое описание некоторых понятий в виде интернет-мемов. Журналисты употребляют эти слова как активно используемые и узнаваемые в лингвокультурной среде номинации. Следовательно, можно констатировать, что эти языковые единицы перешли в разряд неологизмов российско-украинского кризиса. Очевидно, что особая роль в создании и распространении языковых и речевых новообразований принадлежит сети Интернет.

Представленная в статье классификация показывает, что самую многочисленную группу инноваций в текстах газет составляют словообразовательные неологизмы, в том числе и

образованные с отклонением от узуальных словообразовательных норм русского языка. Нетрудно заметить, что почти все инновации передают отношение автора к описываемому событию. Это говорит о том, что присущая анализируемым инновациям экспрессивность по большей части достигается посредством словообразовательных форм языка.

Помимо словообразовательных инноваций в текстах российских газет, публикующих материалы по российско-украинской теме, зарегистрированы заимствования из украинского языка. На фоне масштабной англизации русского языка [10] этот факт является редким явлением.

Список использованной литературы

1. Ваганова Е.В. Неологизмы Майдана в текстах интернет-мемов / Е. В. Ваганова // Наука ЮУрГУ. Секции социально-гуманитарных наук: материалы 67 науч. конф. / под ред. С. Д. Ваулина. – Челябинск : Изд-во ЮУрГУ, 2015. – С. 946–951.
2. Котелова Н. З. Первый опыт лексикографического описания русских неологизмов / Н. З. Котелова // Новые слова и словари новых слов / под ред. Н.З. Котеловой. – Л. : Наука, 1978. – С. 8–9.
3. Поповцева Т.Н. Относительные неологизмы / Т. Н. Поповцева // Новые слова и словари новых слов / под ред. Н. З. Котеловой. – Л. : Наука, 1990. – С. 90–95.
4. Сенько Е.В. Новое в лексике современного русского литературного языка (70-е годы XX века) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Е. В. Сенько. – М., 1980. – 23 с.
5. Попова Т.В. Неология и неография современного русского языка : учеб. пособие / Т.В. Попова, Л.В. Рацибурская, Д.В. Гугунава. – М. : Флинта, 2005. – 168 с.
6. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. / В. Даль. – М. : Русский язык, 1999. – Т. 2 : И-О. – 779 с.
7. Химик В.В. Майдан как феномен русской и восточнославянской языковой действительности / В. В. Химик // Политическая лингвистика. – 2015. № 3 (53). – С. 57–64.

8. Полякова Т.М. Функционирование украинизма Майдан в русском политическом медиадискурсе / Т. М. Полякова // Политическая лингвистика. – 2014. – № 4. – С. 173–179.

9. Аття А.М. Лексико-семантическое поле «Майдан» в русском языке / А. М.Аття // Наука и мир. – 2014. – № 4 (8). – С. 65–69.

10. Бойко С.А. Когнитивный анализ англицизмов с точки зрения ориентирующей функции языка : автореф. дис. ... канд. филол. наук :10.02.01 / С. А. Бойко. – Улан-Удэ, 2016. – 21 с.

References

1. Vaganova E. V. Maidan neologisms in the texts of the Internet-memes. *Nauka Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Materialy 67 nauchnoi konferentsii, Chelyabinsk, 2015 g.* [Science of the South-Ural State University. Papers of 67th Research Conference, Chelyabinsk, 2015 g.]. Chelyabinsk, South Ural State University Publ., 2015, pp. 946–951. (In Russian).

2. Kotelova N. Z. The first experience of lexicographical description of Russian neologisms. In Kotelova N. Z. (ed.). *Novye slova i slovari novykh slov* [New words and dictionaries of new words]. Leningrad, Nauka Publ., 1978, pp. 8–9. (In Russian).

3. Popovtseva T. N. Relative neologisms. In Kotelova N. Z. (ed.). *Novye slova i slovari novykh slov* [New words and dictionaries of new words]. Leningrad, Nauka Publ., 1990, pp. 90–95. (In Russian).

4. Senko E. V. *Novoe v leksike sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka (70-e gody XX veka)*. Avtoref. Kand. Diss. [New phenomena in the lexis of the modern standard Russian language (the 70-s)]. Cand. Diss. Thesis]. Moscow, 1980. 23 p.

5. Popova T. V., Ratsiburskaya L. V., Gugunava D. V. *Neologiya i neografiya sovremennogo russkogo yazyka* [Neology and neography of the modern Russian language]. Moscow, Flinta Publ., 2005. 168 p.

6. Dal V. *Tolkovyiy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka* [The Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language]. Moscow, Russkii yazyk Publ., 1999, vol. 2. 779 p.

7. Khimik V. V. Maidan as a phenomenon of the Russian and Eastern-Slavic language reality. *Politicheskaya lingvistika= Political Linguistics Journal*, 2015, no. 3 (53), pp. 57–64. (In Russian).

8. Polyakova T. M. Functioning of the Ukrainism *Maidan* in the Russian political Media discourse. *Politicheskaya lingvistika = Political Linguistics Journal*, 2014, no. 4, pp. 173–179. (In Russian).

9. Attiya A. M. Lexical-semantic field “Maidan” in the Russian language. *Nauka i mir = Science and world*, 2014, no. 4 (8), pp. 65–69. (In Russian).

10. Boiko S. A. *Kognitivnyi analiz anglitsizmov s tochki zreniya orientiruyushchei funktsii yazyka. Avtoref. Kand. Diss.* [Cognitive analyses of anglicisms from the point of view of the orienting language function. Cand. Diss. Thesis]. Ulan-Ude, 2016. 21 p.

Информация об авторах

Барбина Наталья Сергеевна – кандидат филологических наук, доцент, кафедра иностранных языков, Байкальский государственный университет, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11, svirel23@rambler.ru.

Семенова Ольга Фиофановна – аспирант кафедры иностранных языков, Байкальский государственный университет, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11, e-mail: SemOlg1971@rambler.ru.

Authors

Barebina Natalia S. – PhD in Philology, Associate professor, the Department of Foreign Languages, Baikal State University, 11 Lenin st., 664003, Irkutsk, Russian federation, e-mail: svire23@rambler.ru.

Semenova Olga F. – a postgraduate in Philology, the Department of Foreign Language, Baikal State University, 11 Lenin st., 664003, Irkutsk, Russian federation, e-mail: SemOlg1971@rambler.ru.

УДК 316.4

Е.П. Немировская

ИННОВАЦИОННАЯ МЕДИАСРЕДА В ЭПОХУ ЦИФРОВЫХ ХИППИ И ГЛОБАЛИЗАЦИИ

В статье рассматриваются особенности индустрии 4.0 и ее влияние на современную медиасреду. Инновационная медиасреда зависит от целевой аудитории – современных потребителей СМИ. Автор дает характеристику социальным группам инновационной медиасреды – цифровым кочевникам, цифровым аборигенам, цифровым иммигрантам и цифровым ковбоям. В заключение предлагается перечисленные социальные группы объединить под общим понятием «цифровых хиппи».

Ключевые слова: инновационный; медиасреда; цифровые хиппи; глобализация.

Е.Р. Nemirovskaya

INNOVATIVE MEDIA ENVIRONMENT IN THE ERA OF DIGITAL HIPPIES AND GLOBALIZATION

The article discusses the features of industry 4.0 and its impact on the modern media environment. Innovative media environment depends on the target audience – modern media consumers. The author characterizes social groups of the innovative media environment – digital nomads, digital natives, digital immigrants and digital cowboys. Finally, the author suggests to unite these social groups under the common concept of “digital hippies”.

Keywords: innovation; media; digital hippies; globalization.

Беспрецедентное развитие технологий определяет новые тенденции общественных изменений и их глобальный характер.

Цифровая эпоха – это устоявшийся феномен. Все коммуникации – межличностные, деловые, политические осуществляются через электронные устройства. В связи с этим изменяется скорость и

характер потребления информации, где бы мы не находились: в Сибири или на другом континенте.

Сейчас эксперты провозглашают наступление индустрии 4.0 (Четвертой промышленной революции) [1]. Так, по заявлению известного экономиста К. Шваба, чертами новой промышленной революции станет:

1. Изменение работы, стиля жизни людей и отношения друг к другу.

2. Возможности людей будут умножаться за счет прорывов в технологических областях – искусственном интеллекте, робототехнике, нано технологиях, биотехнологиях, BigData и др.

3. Откроются возможности для тех, кто обеспечивает интеллектуальный капитал – инвесторов, изобретателей, акционеров и др.

4. Появление глобальных платформ и новых бизнес-моделей приведет к переоценке индивидуальных способностей людей, культуры общества и организационных форм.

5. Переход от цифровых технологий к инновациям и их комбинации¹.

К. Шваб отмечает и важную тенденцию в связи с описанными чертами – постоянное развитие и умение видеть изменяющуюся среду и встраиваться в нее.

Реагирует на новые вызовы индустрии 4.0 и современная медиасреда. Так WAN-IFRA (Всемирная газетная ассоциация) провела исследования «Инновации в медиа», в которые с 2010 года было вовлечено более 1800 респондентов от Америки до Зимбабве. В процессе исследования обнаружили стойкую связь между развитием инновационной культуры в медиа-компаниях и их финансовой успешностью. Эксперты связывают это с таким драйвером изменений как инновационная корпоративная культура.

20 % опрошенных медиа менеджеров назвали в качестве наибольшего риска для своих компаний медленный поворот к внедрению инноваций и неспособность быстро перестраиваться и отвечать на технологические вызовы.

¹ Четвертая промышленная революция: интернет вещей, циркулярная экономика и блокчейн. URL: <http://www.furfur.me/furfur/changes/changes/216447-4-aya-promyshlennaya-revolutsiya>. (3.09.2017).

Руководители медиа признают необходимость радикальных преобразований бизнес-моделей в ближайшем будущем. Для реализации этих планов, несомненно, потребуются новые лидеры, которые должны понимать современные технологические тренды и быстро отзываться на новые возможности.

В отчете Всемирной газетной ассоциации заключают: «Наибольшие риски для успеха компаний связаны не с бизнес-моделями, падениями доходов от рекламы или политической нестабильностью – они связаны, прежде всего, с нежеланием компаний инвестировать в инновации. Компании, для которых инновационность является приоритетом, декларируют организационные и финансовые успех, более чем в 9 раз превышающий показатели компаний, которые этого не делают»¹.

Таким образом, руководители СМИ отмечают, что необходимо предпринимать следующие шаги, чтобы соответствовать инновационным изменениям:

- инвестировать в технологии как для наращивания аудитории, так и для коммерческих целей;
- развивать конвергенцию не только информационных каналов (принт, онлайн, видео), но и функций внутри компаний (технологии, журналистика, продажи);
- оптимизировать и повышать эффективность;
- монетизировать через новые бизнес-модели;
- работать с социальными медиа.

Такое качество, как инновационность медиасреды также зависит от целевой аудитории, иными словами от современных потребителей СМИ, конечного звена в коммуникативной цепочке.

Первое понятие цифровой эпохи – «digitalnomad», так называемые «цифровые кочевники». Термин ввели еще в конце 1990-х гг. ЦугиоМакимото и Дэвид Мэннерс.

Позже появились и новые разновидности – «цифровые ковбои», «цифровые иммигранты», «цифровые аборигены» [2]. Не смотря на сходство понятий, это разные социальные группы,

¹ «Инновации в медиа». Резюме WAN-IFRA по итогам исследования // Планета СМИ. URL: <http://planetasmi.ru/izdatelskij-biznes/52831-innovatsii-v-media-rezyume-wan-ifra-po-itogam-issledovaniya> (12.09.2017).

обладающие отличительными чертами. Мы собрали основную информацию по основным социальным группам цифровой эпохи в виде таблицы (табл.).

Социальные группы цифровой эпохи

Название группы	Авторы термина	Определение	Признаки группы
Цифровые кочевники (цифровые номады) Цугио Макимото, Дэвид Маннер		Особая социальная категория людей, которая использует цифровые телекоммуникационные технологии для выполнения своих профессиональных обязанностей и ведёт мобильный образ жизни	Мобильный образ жизни, постоянная подключенность к сети, стирание национальной идентичности
Цифровые аборигены	Марк Пренски	Люди, которые родились в период цифровой революции и с самого рождения находятся под воздействием цифровых технологий	Носители цифровых технологий, владение цифровым языком, быстро и хаотично получают информацию, усваивают информацию в форме игры, работают в условиях многозадачности, лучше функционируют в сети, предпочитают визуализировать
Цифровые иммигранты	Марк Пренски	Люди, рожденные в доцифровую эпоху, они адаптируются к постоянным ее изменениям	Вынуждены адаптироваться к цифровой среде, говорят на языке «доцифровой» эпохи
Цифровые ковбои	ПеккаА. Вильякайнен и Марк Мюллер-Эберстайн	Цифровые аборигены сферы предпринимательства	Стремление к риску и свободе выбора, сложным задачам, внедрение в свою деятельность инноваций, приверженность к инновациям

Все представленные социальные группы – новые определения, которые требуют, как теоретического осмысления, так и эмпирических исследований. Ясно одно, это продукты цифровой эпохи и сетевого общества.

Современных потребителей медиа мы называем «цифровые хиппи». Предложенная группа может быть рассмотрена применительно ко всей медиа среде: и медиа менеджерам, и целевой аудитории. Их отличает отсутствие приверженности к одному виду СМИ, случайность получения информации, приверженность электронным вариантам медиа с оригинальной подачей и отсутствием политической информации. Медиа менеджеры-хиппи – это приверженцы инновационного подхода к организации медиа структуры и управления ей (например, Медуза), организация удаленных команд нового формата, способность управлять удаленно, связь с новейшими технологиями.

Таким образом, в современном технологически мире, появляются новые социальные группы, которые зависят от инноваций и меняют все сферы общества, включая и медиа среду.

Список использованной литературы

1. Немировская Е.П. Технологии как фактор инновационного развития: теоретический анализ [Электронный ресурс] / Е.П. Немировская// BaikalResearchJournal. – 2016. – Т. 7, № 5. – Режим доступа: <http://brj-bgupe.ru/reader/article.aspx?id=20919>. Nemirovskaya E. P. Crowdsourcing technology as a factor of innovative development: a theoretical analysis. Baikal Research Journal, 2016, vol. 7, no. 5. DOI : 10.17150/2411-6262.2016.7(5).10. (In Russian).

2. Prensky M. Digital Natives, Digital Immigrants [Электронный ресурс]. URL:<http://www.marcprensky.com/writing/Prensky%20%20Digital%20Natives,%20Digital%20Immigrants%20-%20Part1.pdf> (12.09.2017).

3. Галажинский Э. Цифровые кочевники: они уже среди нас / Э. Галажинский // Слово ректору. – Режим доступа: http://www.tsu.ru/university/rector_page/tsifrovye-kochevniki-oni-uzhe-sredi-nas/ (11.09.2017).

References

1. Nemirovskaya E. P. Crowdsourcing technology as a factor of innovative development: theoretical analysis. Baikal Research Journal, 2016, vol. 7, no. 5. DOI : 10.17150/2411-6262.2016.7(5).10. (In Russian).
2. Prensky M. Digital Natives, Digital Immigrants. Available at: <http://www.marcprensky.com/writing/Prensky%20%20Digital%20Natives,%20Digital%20Immigrants%20-%20Part1.pdf> (12.09.2017).
3. Galazhinskii E. Digital nomads: they are already among us. *Slovo rektoru* = *Call on Rector to speak*. Available at: http://www.tsu.ru/university/rector_page/tsifrovye-kochevniki-oni-uzhe-sredi-nas/ (11.09.2017).

Информация об авторе

Немировская Елена Павловна – кандидат социологических наук, доцент кафедры языковой подготовки, Байкальский государственный университет, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина 11, leo@levgroup.ru.

Author

Elena P. Nemirovskaya – PhD in Sociology, Associate Professor of Department of Language Training, Baikal State University 664003, Russia, Irkutsk, Lenina Street, 11, leo@levgroup.ru.

УДК 070(470+510)

**В.М. Ягодкина,
Д.О. Чикиркина**

ВЛИЯНИЕ РОССИЙСКИХ И КИТАЙСКИХ СМИ НА ВЗАИМООТНОШЕНИЯ РОССИИ И КИТАЯ

В данной статье идет речь о российских и китайских средствах массовой информации, их влиянии на взаимоотношения этих стран. Рассматривается краткая история появления китайских СМИ. Освещается тема цензуры в китайских средствах массовой информации и её значение в международных СМИ Китая. Приведена краткая история появления китайских СМИ на иностранных языках и возникновения совместных российско-китайских СМИ. Раскрываются причины активного проникновения китайских СМИ в СМИ всех стран мира. Произведен обзор интернет-ресурсов Китая на русском языке.

Ключевые слова: средства массовой информации; российско-китайские отношения; необходимость диалога; международное сотрудничество.

**V.M. Yagodkina,
D.O. Chigirkina**

THE INFLUENCE OF RUSSIAN AND CHINESE MEDIA ON THE RELATIONSHIP BETWEEN RUSSIA AND CHINA

This article deals with Russian and Chinese media, their impact on the relationship between these countries. A brief history of the appearance of Chinese media is being considered. The topic of censorship in Chinese media and its significance for the international media of China are covered. A brief history of the appearance of Chinese media in foreign languages and the emergence of joint Russian-Chinese media is given. The reasons for the active penetration of Chinese media into the media of all countries of the world are revealed. An overview of China's Internet resources in Russian has been made.

Keywords: mass media; Russian-Chinese relations; need for a dialogue; international cooperation.

История российско-китайских отношений начинается в семнадцатом веке и продолжается около четырех столетий. Первые коммуникации русских и китайцев начались к периоду Монгольского нашествия на Русь. С распадом Монгольской империи контакты прекратились. Общение возобновилось в начале семнадцатого века, когда началось освоение Сибири и русские приблизились к границам Китая [1].

В настоящий момент российско-китайские отношения достигли высокого уровня. Россия и Китай понимают необходимость продемонстрировать всему миру современные, дружеские отношения, которые рассчитаны на века.

Первое упоминание Китая в российских СМИ тоже произошло в семнадцатом веке в газете «Ведомости». Информация о Российской империи эпизодически освещалась в официальной газете Китая «Цзин бао».

Первые взаимная попытка диалога в средствах массовой информации была предпринята в середине девятнадцатого века. Был эксперимент выпуска газеты «Друг маньчжур». Она должна была стать совместным проектом русских и китайцев, заселивших амурские земли. [1]

Первым современным (2000 г.) двуязычным изданием стала рекламно-информационная газета «Коммерческий компас». Для китайцев газета была ориентиром по ведению бизнеса с русскими. Русским она помогала понять культуру и быт китайского населения. В 2002 году появился первый российско-китайский деловой журнал «Партнёр». Его издает пресс-канцелярия Народного правительства провинции Хэйлунцзян. Журнал распространяется по всему Китаю и Дальневосточному региону России. В основном все направление средств массовой информации, адресовано туристам, студентам, политикам и бизнесменам. [1]

В 2009 году китайское правительство выделило 6,5 миллиона долларов на развитие китайских СМИ на иностранных языках. Их целью было увеличение с 2 до 186 зарубежных корреспондентских пунктов и расширения сферы вещания спутниковых и интернет-СМИ государственного информационного агентства «Синьхуань». Это официальное информационное агентство Китая,

крупнейший центр информации и пресс-конференций КНР. Входит в министерство государственной безопасности Китая. Трансляция была распространена на множество стран Азии, Ближнего Востока, Латинской Америки и Африки. Появление таких СМИ создает эффект плюрализма в Китае. [2]

На данный момент поток российско-китайских средств массовой информации идёт с двух сторон. Китайские СМИ активно сотрудничают с российскими. Начали появляться совместные средства массовой информации, телевидение, радио, газеты, интернет – СМИ. Многообразие информационного потока подтверждается обзором Интернет-ресурсов, который произведен в данной статье [2].

В 1949 году в Китае пришла к власти Коммунистическая партия Китая (КНР). В те годы, из-за постоянных войн, грамотность и развитие СМИ в Китае оставляло желать лучшего. Развитие экономики с 1980-х годов повлекло за собой рост средств массовой информации. На данный момент в Китае идет бурное развитие СМИ. На данный период в Китае издается более 2 тыс. газет и свыше 8 периодических журналов, вещают 282 радиостанции и 320 телевизионных станций¹. Также в Китае больше половины населения читают новости в интернете². Но в КНР существует жесткий, государственный надзор над СМИ. Она осуществляется под контролем коммунистической партии страны. Основными объектами и темами, подпадающими под цензуру, выступают внутренние политические темы (Например, события на площади Тяньаньмэнь в 1989 году), сообщения о деятельности организации Фалуньгун (Это учение в основе которой лежит традиционная китайская гимнастика «цыгун» с элементами буддизма, даосизма, конфуцианства и китайских народных верований. Из-за череды скандалов организация в КНР запрещена как «еретическое движение»), движениях за национальную независимость в Синьцзяне и Тибете, коррупция, сплетни и пропаганда и так далее. Также полностью запрещена эротика и порнография. В фильмах и сериалах сцены сексуального характера вырезаны.

¹ Газета «Жэньминь жибао» онлайн. URL:<http://russian.people.com.cn/31857/37880/38924/2804414.html>.

² Культура и искусство // Газета «Жэньминь Жибао». URL: <http://russian.people.com.cn/2345935.html>.

Чтобы контролировать СМИ и интернет в стране китайское правительство использует программу «Золотой Щит». Эта программа работает как система фильтрации в интернете. Более двух миллионов сотрудников следят за цензурой в интернете. В Китае под запретом находятся такие популярные, всемирные социальные сети как Facebook, Twitter и YouTube. По данным исследования Гарвардского университета попадают под цензуру в китайском Интернет-сегменте сообщения, содержащие обсуждение массовых протестов, и пропаганде к массовым выступлениям¹. Также цензура касается международных СМИ Китая, которые представлены в данной статье.

Международное радио Китая (<http://russian.cri.cn/>) – это китайская международная государственная радиоккомпания. Вещать радиостанция начала 3 декабря 1941 г. В настоящее время это одна из крупнейших в мире медиаструктур, которая не только готовит радиопрограммы, но и занимается выпуском видеороликов с новостями и культуре Китая, ведёт мобильное и Интернет-вещание. Вещание идет на 62-х языках мира. Помимо носителей языка радиозэфир ведут китайские радиоведущие на языке слушателя. Есть русскоязычный сайт станции².

На сайте можно увидеть все эфиры радиопередач. В эфире представлены такие передачи: «Новости», «Текущие события», «Культурное обозрение», «Мы все говорим по-китайски», «Путешествия по Китаю», «В многонациональной семье Китая», «Китай и китайцы», «Встреча с миром», «Добро пожаловать в Синьцзян», «Из жизни общества».

В передаче «Новости» слушателей знакомят с международными новостями. Например, «Лидеры США и РК подтвердили желание мирным путем добиваться отказа КНДР от ядерного оружия». В программе «Текущие события» рассказывают о новостях внутри страны. Пример: «В городе Нинбо провинции Чжэцзян открылся 15-й фестиваль искусств Азии». В передачах «Культурное обозрение» и «Путешествие по Китаю» слушателям рассказывают о культурной жизни Поднебесной и достопримечательностях: «Город

¹ Цензура в интернете – мировая практика // Сайт Русская община Камчатки. URL: <http://rok41.ru/cenzura-v-internete-mirovaya-praktika>.

² Международное радио Китая. URL: // <http://russian.cri.cn>.

Дуньхуан – жемчужина на Северо-Западе Китая». Программы «В многонациональной семье Китая» и «Китай и китайцы» посвящены китайской национальности. В них рассматриваются особенности китайского менталитета. В передаче «Встреча с миром» анализируются самые яркие мировые события. Например, последняя передача была посвящена сложным отношениям Северной Кореи и США. В передаче ««Добро пожаловать в Синьцзян» рассказывается о Синьцзянском-Уйгурском автономном районе. Этот регион был присоединён к Китаю в 1949 году. Он является самой большой по территории единицей Китая. Главная религия этого региона – это ислам. Он значительно отличается от Китая не только в плане культуры и религии, но и в целом это другой мир на территории КНР. В передаче «Из жизни общества» рассказывается об интересных людях Поднебесной. Последний эфир был посвящен китайской конькобежке Ян Ян.

На русскоязычном сайте присутствуют рубрики: «Новости», где собраны все мировые и китайские новости, «Экономика», в нем представлены экономические и аналитические статьи о мировой экономике, «Туризм», где собрана информация о китайском туризме.

Также на сайте есть отдельные вкладки. Первая называется «Стиль жизни», в ней есть четыре раздела. «Прекрасная половина», которая рассказывает о выдающихся женщинах Поднебесной, «Красота по-китайски», посвященный самым красивым местам Китая и традициям, «Ваше здоровье», где рассказывают, как следить за своим телом. И последний раздел «Многоликий Китай», посвященный китайской экономике. Вторая вкладка «Досуг» в неё также входят четыре раздела. Первый – это «Киноэкран», который рассказывает о последних новинках китайского мира кино. Второй раздел называется «Кухня поднебесной», где собраны традиционные китайские рецепты. Третий раздел – «В мире спорта», где собрана вся информация о китайском спорте и последний раздел «Музыка без границ», где каждую неделю составляется список самой популярной музыки Китая. Третья вкладка называется «Почтовой ящик» в нём представлены такие рубрики: «Блогосфера», где колумнисты пишут статьи о жизни и менталитете Китая, «Экспресс-новости», где можно посмотреть последние новости Китая. И специальный раздел «Соцопросы» на разнообразную тематику.

Последняя вкладка «Изучаем китайский язык». Здесь опубликованы новости с переводом на китайский язык. Есть раздел «Влюбиться в Пекин», он посвящен столице Поднебесной. В нём представлены последние новости города. Есть статьи посвященные истории Пекина. Также представлен раздел с фотографиями¹.

Центральное телевидение Китая – это главный телеведущий на территории Поднебесной. Первый эфир состоялся 2 сентября 1958 года. В 1992 году была запущена международная программа. Каналы делятся на три уровня: основные – это универсальный, финансовый и культура, международные – это каналы на иностранных языках и специализированные каналы – кино, спорт, военный, детский, новости, китайская опера, юридический и наука.

Телеканал «CCTV-Русский» (<http://russian.cctv.com>) — международный телеканал «Центрального телевидения Китая» (ЦТК), вещающий на русском языке. Шестой по счёту международный телеканал в вещании ЦТК. Основной аудиторией канала являются телезрители, чьим родным или вторым языком является русский язык. Запуск канала состоялся 10 сентября 2009 г. Благодаря появлению телеканала «CCTN-Русский» китайское телерадиовещание для заграницы стало абсолютным лидером в мире по количеству иностранных языков вещания и количеству отдельных телеканалов на иностранных языках. На канале работают русские и китайские телеведущие².

Телепрограммы канала посвящены Китаю и его культуре. Передача «Путь к успеху» рассказывает реальные истории, произошедшие в жизни обычных китайцев, работающих в разных. Программа о китайской музыке «Музыкальная минутка» знакомит телезрителей с современной китайской культурой. Аналитическая передача «Диалог» где иностранные и китайские гости программы откровенно и всесторонне обсуждают последние новости, рассказывают истории из жизни, делятся информацией, высказывают свою точку зрения. Кулинарное шоу «Китайская кухня» рассказывает зрителям о традиционных китайских блюдах. Передача «Есть мнение» сделана в формате ток-шоу, где гости программы обсуждают волнующие их проблемы. Передача «Очень красиво»

¹ Международное радио Китая. URL: // <http://russian.cri.cn>.

² Телеканал CCTV-Русский. URL:<http://russian.cctv.com>.

посвящена китайской опере. Есть итоговая передача «Пекинское время», где обсуждаются самые актуальные новости за неделю. Развлекательная программа «Стань победителем» рассказывает о боевых искусствах в Китае. Туристическая передача «Едем в Китай» посвящена достопримечательностям Поднебесной. «Учись вместе с нами» – это научно-познавательная программа, которая поможет при изучении китайского языка. Также на канале транслируются китайские сериалы с переводом на русский язык и документальные фильмы, посвященные культуре Китая.

Сайт русско-китайского телеканала посвящен мировым и китайским новостям. Есть дополнительные разделы «Китай», «Наука», Спорт», Общество», посвященные Китаю. Также на сайте есть разделы «Россия». В этом разделе представлены новости о международных отношениях России и «Мир», в котором освещаются международные новости. Зная любовь китайцев к пандам, на сайте появилась отдельная благотворительная рубрика, посвященная этим животным¹.

Сайт «Тянь-Шань» (<http://russian.ts.cn/>) – это новостной портал, в котором публикуются новости Китая, СНГ и других стран мира. Разделы на сайте стандартны. Это новости и экономика, также есть дополнительные разделы о культуре, кухне, здоровье и о покупках Китая. В последнем разделе находятся адреса и телефоны крупных магазинов в центре Китая. Как и на других сайтах, разделы посвящены только Китаю. Есть специальная рубрика о Синьцзянском-Уйгурском автономном районе о котором было сказано выше².

Китайский информационный Интернет-центр <http://russian.china.org.cn/>) – сайт Китайского информационного Интернет-центра, который создан при Управлении издательства литературы на иностранных языках КНР и руководит Пресс-канцелярией Государственного Совета КНР. Разделы сайта идентичны portalу «Тянь-Шань». Есть дополнительные разделы «Россия и Китай» Он посвящён российско-китайским отношениям во всех сферах, «Китай и Центральная Азия – о взаимоотношениях Китая с другими азиатскими странами и «Специальные темы» – аналитические статьи о важных событиях в Китае), «Эксклюзивные интервью» – интервью с интересными личностями России и Китая. В разделе «Кино» пре-

¹ Телеканал CCTV-Русский. URL:<http://russian.cctv.com..>

² Тянь Шань. URL:<http://russian.ts.cn>.

доставлены последние китайские киноновинки и новости местного шоу-бизнеса и «Топ-10» – это лучшие фотоотчеты за неделю. Сайт доступен на китайском, английском, французском, немецком, японском, испанском, арабском, русском языках и на эсперанто¹.

Информационный сайт «Туризм в России» (<http://www.russia-online.cn/>) – это информационный портал о России на китайском языке. В нём публикуются мировые российские новости, статьи о туризме в России, есть материалы о культуре нашей страны. Также есть раздел, который ведут российские блогеры. Они рассказывают о жизни в России. Сайт адаптирован для китайского пользователя².

На основе анализа китайских СМИ можно сделать вывод, что российско-китайские отношения становятся крепче. Стоит признать, что китайские средства массовой информации играют ведущую роль в международном диалоге со своими странами – партнёрами. Перед российскими СМИ стоит серьезная задача поиска правильных форм ответа для диалога с китайскими средствами массовой информации. Китайские медиа предпочитают держать нейтралитет от мировых новостей, в том числе, когда речь идет о России. В целом, на основе анализа интернет – СМИ Китая можно сделать вывод о том, что китайцы очень хорошо относятся к русскому народу и президенту Владимиру Путину³. А о международных новостях говорят нейтрально, не высказывая своего субъективного мнения.

Лидеры и население России и Китая заинтересованы в развитии стабильных, дружеских и равноправных отношениях. Китайцы берегут свою самобытность и стараются привлечь больше людей к своей культуре. В плане продвижения своей культуры через СМИ нашей стране стоит поучиться у китайских журналистов.

Но также существует мнение, что увеличение присутствия китайских СМИ за рубежом – это расширение пропагандистского воздействия на иностранные государства, чтобы доказать своё звание новой сверхдержавы на мировой арене⁴.

¹ Китайский информационный Интернет-центр. URL:<http://russian.china.org.cn>.

² Информационный сайт «Туризм в России».URL: <http://www.russia-online.cn>.

³ Образ России в китайских СМИ // РИА Новости. URL:<https://ria.ru/world/20170911/1499895001.html>.

⁴ Образ России в китайских СМИ // РИА Новости. URL:<https://ria.ru/world/20170911/1499895001.html>.

Список использованной литературы

1. Ареева М.В. Китайские средства массовой информации и их влияние на глобальные информационные процессы / М.В. Ареева // Актуальные проблемы современных международных отношений. – 2014. – № 4. – С. 65–69.

2. Монастырёва О.В. Русскоязычные СМИ Китая: история и перспективы развития / О.В. Монастырёва // Журналистский ежегодник. – 2012. – № 1. – С. 96–99.

References

1. Areeva M. V. Chinese Mass Media and their influence on the global information processes. *Aktual'nye problemy sovremennykh mezhdunarodnykh otnoshenii = Vital problems of modern international relations*, 2014, no. 4, pp. 65–69. (In Russian).

2. Monastyreva O. V. Russian-language Mass Media in China: history and perspectives of development. *Zhurnalistiskii ezhegodnik = Journalistic Yearbook*, 2012, no. 1, pp. 96–99. (In Russian).

Информация об авторах

Ягодкина Вера Михайловна – д-р экон. наук, доцент, профессор кафедры журналистики, Байкальский государственный университет, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11.

Чикиркина Дарья Олеговна – студентка кафедры журналистики, Байкальский государственный университет, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11.

Authors

Vera M. Yagodkina – D.Sc. in Economics, Associate Professor, Professor of the Chair of Journalism of Baikal State University, 11 Lenin St., 664003, Irkutsk.

Darya O. Chigirkina – student of the Chair of Journalism, Baikal State University, 11 Lenin St., 664003, Irkutsk.

**SECTION 2. EUROPEAN LIBERALISM
AND TRADITIONS OF THE EAST:
HISTORICAL CONSIDERATIONS
AND CONTEMPORARY ASPECTS**

УДК 94(47+44+460)(091)

А. Гийом-Алонсо

**РОССИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ
ФРАНЦУЗСКОЙ И ИСПАНСКОЙ ИМПЕРИЙ:
РАССМОТРЕНИЕ В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ**

Сближение двух империй не является свободным. Вольтер, Руссо, Дидро и их современники последовательно приводят их в пример, начиная с их концепции «цивилизации». В целом, они относятся к Испанской и Российской империям с большим снисхождением (или еще хуже) из-за стереотипов, тогда как испанцы и русские часто ищут свои модели во Франции. Ограничившись произведениями Вольтера для конкретных примеров, автор использовал анекдоты про царя Петра Великого и историю российской империи при Петре Великом.

Ключевые слова: российская империя; испанская империя; Франция просвещения; Вольтер.

A. Guillaume-Alonso

**RUSSIAN EMPIRE THROUGH THE PRISM
OF FRENCH AND SPANISH EMPIRES:
PREJUDICE, STEREOTYPES, MODELS**

The rapprochement between the two empires is not free. Voltaire, Rousseau, Diderot and their contemporaries successively hold them up as an example starting from their concept of «civilization». On the whole, they treat the Spanish and Russian empires with a big condescension (or still worse) because of the stereotypes, whereas Spaniards and Russians often seek their models in France. Limiting me to Voltaire for the concrete examples, I will use *Anecdotes sur le Czar Pierre Le Grand* and *l'Histoire de l'Empire de Russie sous Pierre Le Grand* (Voltaire, *Œuvres historiques*, Paris, Gallimard, 1957, Bibliothèque de la Pléiade NRF).

Keywords: Russian empire; Spanish empire; France of Enlightenment; Voltaire.

La France des Lumières face aux empires russe et espagnol. Modèles et stéréotypes

(Approche)

Le rapprochement entre les deux empires n'est pas gratuit. Voltaire, Rousseau, Diderot et leurs contemporains les prennent en exemple successivement – avec des nuances – et ne sont tendres ni avec l'un ni avec l'autre, toujours à partir de leur concept de «civilisation». En somme, ils traitent les empires espagnol et russe avec beaucoup de condescendance (ou pire encore), à partir de stéréotypes à l'emporte-pièce, alors qu'Espagnols et Russes cherchent souvent leurs modèles en France.

Me limitant à Voltaire pour les exemples concrets, j'utiliserai les *Anecdotes sur le Czar Pierre Le Grand* et l'*Histoire de l'Empire de Russie sous Pierre Le Grand* (Voltaire, Œuvres historiques, Paris, Galimard, 1957, Bibliothèque de la Pléiade NRF).

La France des Lumières face aux empires russe et espagnol. Modèles et stéréotypes

En 1682, alors que Pierre I, qui sera appelé *Le Grand*, devient csar, la Russie à un extrême de l'Europe et l'Espagne à l'autre – si nous laissons de côté le Portugal – sont à la tête des plus grands empires du monde, respectivement de 24 et 20 millions de Km², environ. L'empire russe s'étend vers l'Asie sans solution de continuité et occupe des territoires immenses. L'espagnol, quant à lui, il comprend, outre l'Espagne et une bonne partie de l'Italie en Europe, l'archipel des Philippines en Asie du sud-est et, surtout, les vice-royautés et colonies d'Amérique du sud, centrale et du nord; la différence notable entre les deux plus grands empires du monde de l'époque étant que le territoire russe était continu et l'espagnol en grande partie discontinu.

Au cours du XVIIIe siècle, les possessions russes connaissent quelques fluctuations mais l'essentiel reste, alors que l'Espagne, après sa guerre de Succession, perd par le traité d'Utrecht de 1713, les possessions italiennes récupérées par l'Autriche, et Gibraltar et l'île de Minorque passés à l'Angleterre. En revanche, ses territoires américains et les îles Philippines restent sous sa domination jusqu'à leur indépendance au XIXe siècle.

La France, quant à elle, elle possède sous Louis XIV et jusqu'au milieu du XVIIIe siècle la Nouvelle-France, des colonies en Amérique du Nord qui vont du golfe du Saint-Laurent, aux montagnes Rocheuses, à l'ouest, et au golfe du Mexique au sud, en plus de quelques îles dans les Caraïbes et d'un comptoir commercial en Amérique du sud, qui deviendra la Guyane. En 1763, à l'issue de la guerre des Sept ans, la France perd toutes ses terres en Amérique du nord, au profit de l'Angleterre. De cet empire américain en voie de formation, bien moins étendu que ceux cités précédemment de la Russie ou de l'Espagne, elle ne garde que les îles des Caraïbes et la Guyane. Le traumatisme provoqué par la perte des colonies américaines, après une guerre coûteuse, semble avoir laissé moins de traces dans l'imaginaire collectif français que d'autres événements de son Histoire. Il a, néanmoins, fortement marqué les esprits des contemporains. La France ne redeviendra une puissance coloniale qu'au cours du XIXe siècle et cela n'a sans doute pas été sans conséquence pour les hommes des Lumières et pour le regard qu'ils ont porté sur les empires espagnol et le russe¹.

Des travaux récents, sur la mondialisation et sur les origines de la globalisation abordent sous un angle nouveau la question des empires et du regard qui a été porté sur eux. Après les travaux de Serge Gruzinski et d'autres auteurs sur les empires chinois et espagnol, bien connus des hispanistes, des analyses récentes mettent l'accent sur l'*empirophobie* et sur les légendes noires qu'elle a produites: ce serait une constante dans l'Histoire des hommes depuis l'Antiquité, en particulier depuis l'empire romain². Le regard souvent condescendant et le jugement parfois sévère que les Français des Lumières ont porté sur les peuples russe et espagnol s'expliquent alors, selon cette hypothèse, par une sorte de reflexe d'opposition radicale aux empires et de rejet des peuples qui les ont portés.

Nous allons poser, dans le cadre de cet exposé oral bref, très rapidement et très schématiquement, quelques jalons sur les cas de la Russie et de l'Espagne. Nous allons nous pencher sur la connaissance

¹ L'empire britannique a des caractéristiques différentes et il échappe à notre analyse d'aujourd'hui.

² Barea Maria Elvira Roca Imperofobia y leyenda negra : Roma, Rusia, Estados Unidos y el Imperio español, Madrid, Siruela, 2016. 460 p.

que ces deux puissances de la périphérie de l'Europe avaient l'une de l'autre et des relations qu'elles entretenaient, avant de porter notre regard sur Voltaire et sur sa vision historique des deux empires en particulier de celui de Russie.

Информация об авторе

Гийом-Алонсо Арасели – профессор, экс-вице-президент по международной деятельности университета Париж-Сорбонна.

Author

Guillaume-Alonso Araceli – professor, former Vice-President for International Activities of the University Paris-Sorbonne. (France, Paris).

УДК 130.2

Ж.-К. Билье

**ЛИБЕРАЛИЗМ И МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМ:
КАКОВА ЦЕННОСТЬ КУЛЬТУР?**

Имеет ли культура ценность? Эта проблема возникает, когда страна сталкивается с мультикультурной идентичностью. Это наиболее очевидно в странах с федеративным устройством государства, наделенных сложным и богатым культурным наследием, таких как Российская Федерация. Мультикультурализм означает сохранение и предубеждение культурной самобытности. Однако право на культурную самобытность должно оцениваться в свете других основополагающих прав.

Ключевые слова: культурная идентичность; мультикультурализм; либерализм; федеральное государство; община; язык; религия.

J.-C. Billier

**LIBERALISM AND MULTICULTURALISM:
WHAT IS THE VALUE OF CULTURES?**

Does the culture have a value? This issue arises when a country faces the multicultural identity. This is most evident in countries with a federal system of government endowed with a complex and rich cultural heritage, such as the Russian Federation. Multiculturalism means preservation and protection of the cultural identity. Yet, the right for cultural originality must be assessed in the light of other fundamental rights.

Keywords: Cultural identity; multiculturalism; liberalism; federal state; community; language; religion.

Tenter de réfléchir à l'articulation au libéralisme politique et du multiculturalisme et se poser la question de la valeur que nous devrions reconnaître aux cultures prend un sens tout particulier à Irkoutsk, au sein d'une conférence consacrée à la coopération eurasiatique.

Ceci pour deux raisons.

La première est que nous sommes ici aux confins de la république de Bouriatie, qui est elle-même, au sein de la Fédération de Russie, un monde culturel complexe issu d'un brassage de populations indigènes chamanistes et nomades mongoles. Quant à Irkoutsk, comptoir qui devint officiellement une ville à la fin du XVIIème siècle, c'est une ville qui illustre elle-même fort bien la complexe question des identités multiculturelles: ville russe au cœur de l'Asie, ville russe qui conserve la mémoire de la culture francophile des décabristes qui y furent déportés au XIXème siècle, ville occidentale et slave si proche de la Mongolie et de la Chine.

La seconde est que si le multiculturalisme a été considérablement théorisé au sein du libéralisme politique, et tout particulièrement sous l'impulsion de penseurs nord-américains, il a aussi partie liée avec l'histoire de la Russie moderne et avec des théorisations récentes en Russie même, pays dont la capitale, Moscou, a quelque chose d'une New York du vieux continent, avec sa superposition d'une forte identité « russe » et de multiples identités nationales-culturelles issues de tous les coins de l'immense Fédération russe. Je songe ici aux travaux du Professeur Valery Tishkov, membre du Praesidium de l'Académie des Sciences de Russie, qui fut le Directeur de l'Institut d'ethnologie et d'anthropologie, puis ministre des affaires de nationalités de la Fédération de Russie en 1992-1993. Valery Tishkov s'est inspiré, à ma connaissance, de travaux nord-américains sur le multiculturalisme pour développer une critique du système des nationalités construit par l'Union soviétique et une critique de l'essentialisme de l'ethnicité qui lui était lié. L'approche constructiviste de Tishkov défend l'idée selon laquelle l'ethnicité est construite par les acteurs politiques et sociaux. Penser et gérer les minorités culturelles et les multiples identités culturelles suppose peut-être aussi, a suggéré Tishkov, de rompre non seulement avec l'essentialisme culturel, mais aussi avec le principe de la territorialisation des nationalités, qui remonte aux débuts de l'Union soviétique et a légué à la Fédération de Russie d'aujourd'hui 85 sujets, répartis en républiques, krais (« territoires »), oblasts et districts. Tishkov a plaidé pour sa part pour un principe d'autonomie nationale et/ou culturelle extra-territoriale. Il y a donc bien sûr une longue et complexe expérience proprement russe du multiculturalisme, qui remonte à l'histoire de l'empire, puis à l'Union soviétique. Cette expérience a été accompagnée d'une théorisation, par

exemple avec la création de l'Institut d'anthropologie en 1934. Dans un long entretien publié en français, le Pr. Tishkov soutient qu'« aucune langue, aucune culture n'a disparu pendant la période soviétique, alors que l'assimilation linguistique s'est réalisée dans d'autres régions du monde », même si, dans certaines républiques (par exemple la Biélorussie), il y eut à partir des années 1930 une politique de russification qui se traduisit par l'éradication des langues nationales comme langues prioritaires d'enseignement. La création et le développement de l'Etat soviétique, sur les racines de l'empire russe, réalisa, estime aussi le Pr. Tishkov, un « peuple soviétique ». En quelques formules frappantes, il affirme, dans le même entretien, que « Les ressemblances entre les citoyens soviétiques étaient plus importantes que les divergences: il y avait plus de points communs entre les Ouzbeks et les Estoniens qu'entre les Ouzbeks et les Pakistanais ». L'existence du « peuple soviétique » est à comparer, dit-il encore, à celle du « peuple indien »: les Indiens, eux, ne peuvent même pas parler une seule langue mais il existe chez eux un sentiment d'appartenance à un peuple indien, à une indian nation. Je ne suis pas un spécialiste de la Russie et je me garderai donc de juger des importances respectives des identités soviétiques et des identités ethno-culturelles à l'époque soviétique et de la proportion de l'une et des autres dans le sentiment d'appartenance à un peuple politique et dans le même temps à des peuples ethno-culturels. Ce qui retient en revanche mon attention, c'est cette expérience de la superposition, du mélange et donc de la complexités des identités.

Penser le multiculturalisme, en ce sens, c'est penser des processus complexes de construction sociale des identités: russe, soviétique, « rossiskii » et non pas forcément « russiskii », avec des formes mixtes, des identités partielles données par des langues et des sédimentations culturelles.

Le Pr Tishkov plaide, à ma connaissance, en faveur de la « désabsolutisation » et la déterritorialisation de l'ethnicité, bref en faveur d'une forme d'autonomie nationale-culturelle extra-territoriale, jusqu'à proposer de favoriser des émissions de radio et de télévision qui ne soient pas uniquement en langue russe, en créant un centre multiculturel à Moscou.

La question qui est au centre des réflexions du Pr Tishkov est celle dont je souhaite me saisir et revêt la forme d'un paradoxe: défendre les

identités culturelles d'une façon tout à la fois juste et efface n'exige-t-il pas de « déabsolutiser » au préalable les cultures, autrement dit de ne pas leur accorder une valeur absolue?

Imaginons un instant que nous considérions les cultures comme des entités homogènes, fixes, closes sur elles-mêmes et dotés par nous d'une valeur supérieure à toute autre valeur. Il résulterait de cette position plusieurs conséquences à mon sens hautement problématiques: il faudrait, pour commencer, nier tout concept d'individu comme porteur de valeurs et de droits qu'il pourrait opposer à la communauté culturelle dans laquelle il serait né de façon parfaitement contingente: il n'y aurait donc pas de « droit de sortie » hors d'une culture pour un individu; il faudrait ensuite assumer le risque considérable de détruire la culture que l'on entend protéger par sacralisation, puisqu'un fixisme culturel devrait sans doute finir par interdire la moindre évolution intra-culturelle produite par la communauté elle-même: la culture deviendrait un conservatoire ou un musée, identifiant de façon troublante les critères de définition d'une culture vivante selon la conception fixiste et ceux d'une culture morte parce que disparue et simplement conservée par des reliques dans un musée; il faudrait, enfin, soit imaginer qu'une société politique doive correspondre très exactement à une communauté culturelle à jamais fixée et close sur elle-même, soit concevoir une société multiculturelle comme un archipel de groupes à jamais distincts. Le philosophe australien d'origine malaysienne Chandran Kukathas¹ a désigné sous le nom d'anarcho-multiculturalisme cette perspective d'un archipel de groupes distincts qui devraient être tous tolérés, même ceux qui ne tolèrent pas la tolérance, puisque rien ne pourrait être placé au dessus d'un absolu représenté par la supposé identité parfaite et homogène d'une communauté culturelle. On aboutirait donc à une forme profondément relativiste de multiculturalisme, dénoncée par nombre de penseurs libéraux. Il suffit de penser ici aux travaux de la philosophie féministe américaine Susan Moller Okin, qui pose la question de savoir si le multiculturalisme ne nuit pas aux femmes puisque nombre de cultures sont patriarcales: faudrait-il interdire toute

¹ Kukathas C. *The Liberal Archipelago : A Theory of Diversity and Freedom*. Oxford University Press, 2003, 281 p.

promotion du statut des femmes vers une égalité avec les hommes au nom de la défense des cultures?

L'hypothèse générale des cultures homogènes, closes et tenues pour des absolus, que je viens de formuler, correspond à deux conceptions de la culture qui me paraissent erronées en tant que telles et par ailleurs incompatibles avec une appréhension libérale du multiculturalisme que je souhaite défendre.

Le libéralisme politique lui-même est bien sûr un continent intellectuel dont il n'est pas aisé de donner les caractéristiques en quelques phrases. Je ne retiendrai donc ici qu'un trait, mais qui est central, du libéralisme politique: le fait que celui-ci estime que le désaccord axiologique est une chance pour la liberté, et qu'il faut donc tout faire pour le préserver comme notre plus inestimable richesse. En d'autres termes, le libéralisme est la pensée et la pratique par excellence du désaccord moral. C'est là sans doute l'identité profonde du libéralisme politique, comme l'a fait remarquer le philosophe américain Charles Larmore¹. Le libéralisme politique a donc un double point de départ moral. D'un point de vue méta-éthique, il endosse la thèse selon laquelle il ne peut y avoir de rationalité pratique sans désaccord premier. D'un point de vue normatif, il soutient la thèse selon laquelle ce désaccord doit simplement être organisé, puisque prétendre le supprimer serait ruineux pour la morale elle-même. Cette thèse est liée à une croyance en la fécondité de l'antagonisme, du moins lorsque celui-ci est organisé afin d'être pacifié. Elle est également liée à la conviction selon laquelle plus nous approfondissons nos convictions sur le sens ultime à donner à l'existence humaine, tant au plan individuel qu'au plan collectif, plus nous divergeons, ou risquons de diverger, bref plus nous sommes ou pouvons être en désaccord entre nous, et aussi chacun d'entre nous en lui-même à des moments différents de sa vie, ou même simultanément puisque le déchirement entre des affiliations ou des convictions morales concurrentes n'est pas rare. Il peut même être constitutif d'une forme d'identité.

Cette valorisation du désaccord axiologique par le libéralisme n'est en rien exclusive d'une promotion d'un accord sur ce que Rawls nomme une théorie étroite du bien, sur un ensemble valeurs et normes permettant la constitution d'une société politique et assumant un

¹ Larmore Ch. The Moral Basis of Political Liberalism // The Journal of Philosophy. 1999. Vol. 96, no.12. P. 600.

choix axiologique limité mais fondamental. Il en découle une identité complexe, qui naît de la reconnaissance du caractère positif de l'accord fondamental et limité et dans le même temps de la possibilité d'une valorisation des désaccords et des différences.

Ce dernier trait mérite d'être commenté un instant. En effet, l'appréhension de l'identité personnelle et collective qui est celle du libéralisme politique s'oppose diamétralement à une autre façon de penser le multiculturalisme en fondant celui-ci sur un différentialisme radical et sur un essentialisme culturel.

Le différentialisme consisterait à soutenir qu'il n'existe que des différences irréductibles entre les communautés culturelles, et que de telles différences découragent donc l'ambition de critères politiques et moraux universalistes. Or le libéralisme est incompatible avec un tel différentialisme, puisqu'il entend promouvoir par delà les identités culturelles un ensemble restreint mais robuste de valeurs, comme celle de la tolérance, et de principes, comme celui de l'égal respect dû aux individus, indépendamment de leur inscription dans quelque communauté que ce soit.

Quant à l'essentialisme culturel, il consiste à soutenir que les cultures possèdent une identité en quelque manière chimiquement pure et homogène, qui ferait d'elles des entités irréductibles, s'imposant aux individus de façon mécanique comme les classes sociales, telles du moins que ces dernières ont pu être présentées dans la théorie marxiste.

La théorie de l'identité libérale s'oppose à cette idée selon laquelle existeraient des identités d'essence pour les communautés ou pour les groupes d'appartenance: en ce sens, il n'y a pas une culture « arabe », pas plus qu'une culture « européenne », pas plus encore, cette fois du point de vue du genre, qu'une culture « féminine ». Tout simplement parce que de telles entités sont bien trop complexes pour pouvoir être rapportées à une essence. La théorie de l'identité libérale s'oppose donc frontalement aux revendications dites identitaires, dont la forme politique récente la plus extrême en France est donnée par le mouvement politique d'extrême-droit nommé « Les identitaires » (anciennement « Le bloc identitaire », créé en 2003, après la dissolution du mouvement nommé « Unité radicale » suite à la tentative d'assassinat du président Chirac par un de ses membres le 14 juillet 2002), ennemi juré autoproclamé du multiculturalisme: les revendications dites identitaires

de ce type reposent sur le postulat d'une culture homogène et close sur elle-même, et d'une identité elle-même homogène et unilatérale des individus qui en font partie. Cette méconnaissance et ce rejet de la complexité de chaque culture et de chaque processus d'identité sont, au regard d'une appréhension libérale, profondément erronés.

Il découle de ces rejets par le libéralisme du différentialisme comme de l'essentialisme une désabsolutisation proprement libérale de l'idée de culture: ce qu'il importe de valoriser au sein du multiculturalisme n'est pas la communauté de valeurs supposée en tant qu'elle serait donnée par une culture dont on supposerait à son tour l'homogénéité et la cohérence, mais la liberté possible d'affiliation ou de désaffiliation, et la possibilité d'une coexistence pacifiée et juste des multiples archipels communautaires.

Certes, les penseurs que l'on a appelés communautariens ont souligné à l'envie la nécessité, selon eux, de continuer de penser en terme de communautés, affirmant que la liberté politique individuelle n'a de sens que dans la relation à des communautés protégées comme telles. Assurément, certains biens, comme une langue, une religion, une culture, sont des biens qui ne peuvent, par définition, être poursuivis qu'en commun, comme le souligne le penseur communautaire Charles Taylor. L'importance de ce processus de poursuite collective d'un bien, et celle du processus d'identification, au moins partielle, de l'individu à une entité collective, est réelle.

Mais contre le communautarisme, on peut objecter que ce qu'il faut défendre doit être avant tout centré sur la valeur de l'individu, à savoir sur la garantie du désaccord moral possible avec un milieu d'appartenance première qui est pour nous tous le fruit d'une simple contingence: je n'ai pas choisi de naître en France. Le principe de l'égal respect attaché aux cultures n'a de sens libéral possible que secondairement, parce que ce respect est d'abord attaché aux individus: l'égal respect des cultures ne saurait jamais primer sur le respect égal dû aux individus.

La formulation la plus aboutie d'un multiculturalisme libéral est sans doute celle qu'en a donné le philosophe canadien Will Kymlicka, en défendant tout d'abord deux principes fondamentaux d'appréhension du multiculturalisme: le premier consiste à poser que l'appartenance culturelle est affaire de choix, et non de sang ou de race, ou même de lien avec un territoire; le second consiste à souligner que la question de la justice entre

les groupes ethnoculturels ne peut jamais être plus importante que celle de la justice au sein des groupes ethnoculturels: en d'autres termes, il s'agit d'un engagement libéral en faveur de droits fondamentaux des individus qui doit pouvoir primer sur les traditions ethnoculturelles. Une fois les principes posés, il faut prendre en considération la grande différence entre deux types d'Etats: d'une part les Etats multinationaux, dont la diversité culturelle de la présence en leur sein de groupes culturels qui furent autrefois des groupes culturels autoproclamés et territorialement concentrés, autrement dit des minorités nationales; d'autre part les Etats polyethniques, dont la diversité résulte essentiellement de l'immigration. Ces deux cas distincts ne peuvent conduire à la formulation de revendications et de droits identiques: on peut accorder certains droits à des minorités nationales qu'on n'accorde pas à des groupes issus de l'immigration sans que cela ne soit une violation du libéralisme.

Ce qui importe le plus au final, c'est d'accepter de ne pas accorder une valeur absolue aux cultures si l'on veut les défendre de façon efficace et juste: le multiculturalisme doit reposer sur l'idée d'identités personnelles et communautaires complexes, et défendre cette thèse contre toutes les revendications dites identitaires. Mais cela ne signifie pas l'abandon de l'idée d'identité: avoir une identité complexe, c'est bien avoir une identité; construire une identité complexe, c'est bien contruire une identité. On se souvient du titre fameux du grand livre de philosophie politique de Karl Popper: *The Open Society*, La société ouverte. On peut dire dans le prolongement de ce titre qu'une « société ouverte » ne peut que construire une identité culturelle ouverte.

Информация об авторе

Билье Жан-Касьен – заместитель вице-президента по международной деятельности университета Париж-Сорбонна, д-р философ. наук, доцент этики и политической философии (Франция, г. Париж).

Author

Biller Jean-Cassien – deputy Vice-President for International Activities of University Paris-Sorbonne, Doctor of Philosophy, Associate Professor in Ethics and Political Philosophy (France, Paris).

УДК 378.014.24(470+44)

Е.В. Пономаренко

**РОССИЯ И ФРАНЦИЯ
В МИРОВОМ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ –
СОТРУДНИЧЕСТВО И КОНКУРЕНЦИЯ**

Статья посвящена сравнительному анализу позиций Франции и России на мировом рынке услуг высшего образования, вызовам конкурентной борьбы в условиях интернационализации, а также анализу современных форм инновационного образования. Особое внимание уделено развитию наиболее конкурентоспособных форм международного высшего образования: программ двойного дипломирования, сетевых университетов, совместных научно-исследовательских проектов и формированию новой модели национального университета на основе кластерного подхода как образовательного, научного центра и ядра регионального развития.

Ключевые слова: экономические модели образовательного рынка; иностранные студенты; конкурентоспособные формы высшего образования; совместные образовательные программы (СОП); сетевой университет; опорный университет.

E.V. Ponomarenko

**FRANCE AND RUSSIA IN THE WORLD EDUCATIONAL
SPACE – COOPERATION AND COMPETITION**

The article is devoted to the comparative analysis of positions of France and Russia in the global market of higher education services, challenges of competition in terms of internationalization, as well as analysis of contemporary forms of innovative education. Special attention is paid to the development of the most competitive forms of international higher education: the double diploma programs, network universities, joint research projects and the formation of a new national University based on the cluster approach as an educational scientific centre and the core of regional development.

Keywords: economic model of the educational market; foreign students; competitive forms of higher education; joint educational program (JEP); network University; basic University.

Экономические модели мирового рынка образовательных услуг высшего образования. Очевидной тенденцией на мировом рынке образовательных услуг стала следующая: несмотря на колебания в темпах роста мирового ВВП последнего десятилетия: при замедлении темпов его общего роста, изменении доли сферы услуг в целом, общим трендом стал устойчивый рост сегмента образовательных услуг высшего образования.

Причин этого явления несколько. На наш взгляд, это связано с тем, что если в XX веке получение высшего образования давало потенциальным получателям возможности кардинального изменения социального статуса, носило преимущественно элитарный, ограниченный характер, то в XXI веке высшее профессиональное образование стало массовым, более доступным, а наличие нескольких университетских дипломов и знание иностранных языков становится реальным конкурентным преимуществом на весьма динамичном рынке труда, предъявляющим все более высокие требования к работнику. Другая причина обусловлена процессами интернационализации образования в мире и связана с ростом числа иностранных студентов, развитием новых форм высшего образования, современных моделей университетов. При том, что мировой рынок образовательных услуг динамично развивается, на нем идет весьма жесткая конкурентная борьба.

Приведем некоторые цифры. с 2000 по 2012 г. общее число иностранных студентов, стажеров, аспирантов, поступающих в вузы за пределами своей страны, увеличилось вдвое – с 2,1 до 4,53 млн человек. По прогнозу ЮНЕСКО, к 2025 г. численность иностранных студентов может достигнуть 7,2 млн человек

В настоящее время доли стран на этом рынке определяются по числу обучающихся иностранных студентов. Если 30–35 лет назад очевидными лидерами были США и Советский Союз, то в 2014 г. первое место с долей в 16 % занимали США, второе место с 13 % – Великобритания, а третье место с долей в 6 % сразу три

страны – Франция, Германия, Австралия, затем – Канада с 5 %, Россия – с 4 %, Япония, Италия, Китай, ЮАР, Австрия, Испания, Новая Зеландия с долей в 2 %, 29 % разделил весь остальной мир.

Международный рынок образовательных услуг оперирует миллиардными объемами продаж, растущими объемами экспорта услуг, потоков академической мобильности. Наиболее динамичный его сегмент, как уже отмечалось, представлен услугами высшего образования. По оценкам ОЭСР, в настоящее время в мире обучается около 140 млн студентов в 36000 высших учебных заведениях [1, с. 3].

Американская высшая школа зарабатывает на иностранных студентах в 15 раз больше, чем тратит на нее Правительство США. Образование – пятая по значимости статья экспорта американской экономики. Ежегодные расходы Франции на иностранных студентов составляют около 3 млрд евро. Однако ежегодные поступления в национальную казну от иностранных студентов в полтора раза больше и достигают 4,65 млрд евро, в т.ч.:

- 3 250 млн евро – на ежедневные потребительские расходы иностранных студентов;
- 563 млн евро – на оплату за обучение;
- 364 млн евро – на доходы национальных авиакомпаний;
- 466 млн евро – на посещения Франции родственниками иностранных студентов.

На мировом образовательном рынке высшего образования активно конкурируют две экономические образовательные модели: *англо-саксонская*, составляющие которой – высокая цена самого обучения в университете (несколько десятков тысяч долларов, фунтов стерлингов), мощные маркетинговые стратегии, основанные на обязательности участия в мировых рейтингах образования (чем выше место, например, в мировом рейтинге QS, тем престижней вуз и выше плата за обучение в нем), и *континентальная модель* Франции, Германии, суть которой в предоставлении и своим, и иностранным студентам практически бесплатного обучения в государственных университетах (студент оплачивает право зачисления в университет и медицинскую страховку), наличие мощной инфраструктуры привлечения иностранных студентов (Кампус Франс, Альянс Франсез и т.п. структуры во Франции), развитых

грантовых программ правительств стран, а также надциональных структур Евросоюза. Остальные страны-участницы мирового образовательного рынка высшего образования выбирают для себя приемлемые черты либо первой, либо второй модели, используя их сочетание.

Стратегии привлечения иностранных студентов во Францию.

Общее число студентов во французских вузах за последние 50 лет возросло более чем в 8 раз. В 2014 г. их количество составило 2 466 500 чел, из них доля иностранных студентов – 12,1 % (295,08 тыс. чел), а доля иностранных аспирантов существенно выше – 41,4 %.

Географическое представительство иностранных студентов Франции выглядит следующим образом: 43 % – представители Африки, 26 % – Европы, 19 % – Азии, 8 % – Америки и 4 % – Ближнего Восток.

Интересны изменения в предпочтениях студентов за последние 35 лет. Наиболее востребованными с во французских вузах в 1990 г. были медицинские специальности, с 1998 г. – экономические направления и бизнес-образование, а в 2013/14 гг. – бизнес и управление – 40,6 %, гуманитарные дисциплины и искусство – 20,7 %, точные и естественные науки – 15,4 % и инженерные науки – 11,5 %. Все большую популярность получают программы двойных дипломов, которые предусматривают одновременное обучение сразу в двух вузах – в своей стране и во Франции, экономят транзакционные издержки для студентов и существенно повышают их конкурентоспособность на рынке труда.

Главным источником финансирования системы образования Франции является государство, бюджетные ресурсы. В 2015 г. в бюджете на развитие образования было предусмотрено 65,02 млрд евро, из которых 23,05 млрд евро были направлены в сферу высшего образования с приростом к предыдущему году в 45 млн евро¹.

В среднем госрасходы на одного студента во Франции составляют 11 740 евро. Сумма варьируется в зависимости от типа высшего учебного заведения: от 10 940 евро в год в государственных

¹ Ministère de l'Enseignement supérieur, de la Recherche et de l'Innovation. URL: <http://www.enseignementsup-recherche.gouv.fr/>

университетах до 15 020 евро в рамках двухлетних специализированных подготовительных отделений высших школ.

В 2015 году во Франции было выделено 75 000 бюджетных мест для обучения во французских вузах с ежемесячным пособием 1000 евро. (в 2013 г. – 56 000 бюдж.мест) для малоимущих студентов предусмотрено 1000 стипендий в размере от 4000 до 5000 евро. С 2008 года от одного месяца до одного года присуждается социальная стипендия студентам, оказавшимся в сложной финансовой ситуации.

Франция располагает обширной инфраструктурой поддержки высшего образования. Для продвижения французского высшего образования в России активно действует образовательная инфраструктура КампусФранс, Альянс Франсез, система стипендиальной и грантовой поддержки образовательной мобильности. Ведущая роль принадлежит государственному агентству КампусФранс (CampusFrance). Его 136 зарубежных представительств играют активную роль в развитии студенческой и преподавательской мобильности, содействии двойных и совместных программ обучения¹.

Во Франции широко используются собственные стипендиальные программы поддержки иностранных студентов [2], а также – средства европейских фондов для развития докторских и совместных магистерских программ с другими европейскими институтами. В 2012–2013, 97 из 131 программы Эразмус Мундус (Эразмус + с 2015 г.) свыше 74 % координировались или осуществлялись французскими вузами.

Россия на мировом рынке образовательных услуг –глобальные вызовы. Траектория и динамика привлечения иностранных студентов в вузы России довольно изменчивы. В 1990 г. СССР занимал третье место в мире по числу иностранных студентов (126,5 тыс. чел) после США и Франции, в последующее десятилетие Россия существенно утратила лидирующие позиции, отступив на 8–9 место в двухтысячных, однако в настоящее время усиленно наращивает свои позиции на мировом рынке услуг высшего образования. В 2013\14 гг. в РФ из 4,76 млн студентов 205,7 тыс.человек составляли иностранные студенты, в том числе 40 тыс. чел

¹ Campus France Vous Accompagne. URL: <http://www.campusfrance.org>.

обучались за счет российских бюджетных средств. За последние десять лет (с 2004 по 2014 г.) доходы от экспорта образовательных услуг выросли вдвое.

Географическое представительство иностранных студентов, обучающихся в России в 2013 г, было следующим: 50 % – из стран СНГ, 28 % – из Азии, 7 % – из Европы, 6 % – стран Ближнего Востока и Северной Африки, 6 % – из Африки, 2 % Северной Америки и Океании, 1 % – из Латинской Америки.

На современном этапе развития мирового образовательного рынка, где присутствует жесточайшая конкуренция, Россия сталкивается с целым рядом глобальных вызовов. В их числе:

1) сокращение числа людей в мире, говорящих на русском языке;

2) жесткая конкуренция в сфере образования, особенно высшего, гонка за инновациями;

3) формирование новых форм международной кооперации в сфере образования на основе объединения вузов стран-партнеров по коалиции (ЕС, СНГ, ЕАЭС, ШОС, БРИКС и т.п.), некое новое международное разделение труда в сфере образовательных услуг;

4) «цифровое неравенство», рост влияния «мягкой силы» и т.п.

Важнейший из вызовов – стремительное сокращение числа людей в мире, владеющих русским языком – речь идет о ежегодном сокращении этого числа на 2,5 млн.чел. Если в 1990 г. в мире 312 млн чел. говорили на русском языке, то к 2010 г. их количество сократилось до 260 млн чел, а по прогнозу до 2050 г.: в оптимистичном варианте число владеющих русским языком составит 290 млн чел, а в пессимистичном – всего 130 млн.чел. [3]

Ответы на этот глобальный вызов пока скромны – для поддержки русского языка за рубежом созданы портал для изучения языка в дистанционном формате Государственным институтом русского языка им. А.С. Пушкина, оператором государственных программ продвижения русского языка и образования на русском в 2014 г., центры изучения русского языка Фонда «Русский мир», российских вузов, пункты сдачи единого государственного экзамена (ЕГЭ) за рубежом.

Принципиальным для выживания в конкурентной борьбе становятся, на наш взгляд, во-первых, адекватные ответы на глобальные вызовы международного рынка образовательных услуг, во-вторых, выбор наиболее эффективной институциональной и экономической модели привлечения иностранных студентов в университеты России, включающей наличие разветвленной инфраструктуры поддержки государством экспорта образовательных услуг, и в третьих, внедрение наиболее конкурентоспособных образовательных продуктов.

В этой связи огромную актуальность приобретает понимание путей разрешения новых задач, характерных для нового этапа интенсивного развития образовательных технологий. Ответами на глобальные вызовы становится необходимость модернизации образовательных программ в целом, внедрение инновационных методов и подходов. Способы разрешения конкурентных противоречий на международном образовательном рынке для стран-лидеров становятся весьма похожими.

Основными направлениями в ответ на глобальные вызовы международного рынка образовательных услуг становится поддержание конкурентоспособности российского образования на основе использования *современных инновационных образовательных продуктов*.

Инновационные продукты в сфере международного высшего образования, весьма востребованны на мировом образовательном рынке, мы отнесли бы к ним несколько типов:

1) рост числа и популярности совместных образовательных программ (СОП) университетов-партнеров в разных странах на основе системы зачета образовательных кредитов, реализуемых в каждом университете, развитие программ академической мобильности;

2) расширение программ двойного дипломирования, как наиболее продвинутой формы СОП, когда результатом обучения становится получение двух (нескольких) дипломов, подтверждающих полученную квалификацию;

3) активное развитие сетевых университетов – совместных межстранновых университетов, объединяющих несколько вузов

в каждой из стран, либо ряд крупных вузов целой группы стран (Французско-немецкий, французско-китайский, французско-вьетнамский и другие университеты, Университет ШОС, Университет СНГ, Университет БРИКС);

4) реализация совместных научно-исследовательских проектов, конференций, форумов с совместными публикациями в международных базах цитирования;

5) формирование новой модели национального университета на основе кластерного подхода как образовательного, научного центра и центра регионального развития.

Согласно европейскому подходу к обеспечению качества обучения, совместная программа (СОП) представляет собой интегрированный учебный план, совместно скоординированный и предлагаемый различными вузами-партнерами, по завершении которого присваивается двойная (множественная) или совместная степень. Развитие таких программ ведет к росту мобильности студентов и преподавателей, способствует координации взаимного обучения, созданию самых востребованных образовательных программ, использованию передового опыта, а также содействует трудовой миграции, особенно для высококвалифицированных специалистов.

Университеты, которые предлагают совместные программы, должны быть признаны компетентными органами своих стран и иметь право участвовать в совместных программах и присваивать совместную степень.

Положения по совместной программе формулируются в *соглашении о сотрудничестве*, которое включает:

1. Наименование степени (-ей), присвоенной по завершению программы.

2. Координацию и обязанности партнеров, связанных с управлением и финансовой организацией (включая финансирование, разделение затрат и дохода и т.д.).

3. Прием и отбор студентов.

4. Мобильность студентов и преподавателей.

5. Правила проведения аттестации, способы оценки студентов, процедуры признания кредитов и присуждения диплома в ВУ-Зах-партнерах.

СОПы реализуются, как правило, в сетевой форме.

Сетевая форма реализации образовательных программ, согласно закона «Об образовании», это возможность освоения обучающимся образовательной программы с использованием ресурсов нескольких организаций, осуществляющих образовательную деятельность, в том числе иностранных¹.

В 2015 г. в России реализовывалось свыше 300 совместных образовательных программ, большинство из которых – с французскими университетами-партнерами (27 %), с университетами Германии – 25 %, Финляндии – 12 %, Великобритании – 11 % [4]. Около половины СОП реализуются по направлениям подготовки – социальные науки, бизнес и право, 23 % – инженерия, производство и конструирование, 10 % – гуманитарные науки и искусство, 9 % – естественные науки, 6 % – сфера услуг, 5 % – по другим направлениям.

Если в 2007/08 учебном году из 215 вузов России, развивающих программы с зарубежными партнерами, лишь 40 университетов реализовывали программы совместно с зарубежными вузами с получением двух дипломов по 92 программам, то в 2014 г. уже 73 вуза активно работали по 238 программам двойного дипломирования, из них наибольшее количество совместных программ реализуется между вузами России и Франции [5]. К концу 2015 г. между российскими и французскими университетами подписано свыше 170 соглашений по программам двойных дипломов, одной из наиболее популярных и интересных форм совместных образовательных университетских программ. По этим направлениям французские вузы опережают и немецкие, и университеты Великобритании [6; 7].

Как уже отмечалось выше, к числу новых тенденций относится создание *совместных университетов*, как правило, сетевых, в организационно-правовой форме консорциума. К числу наиболее известных, совместных с французскими университетами относятся:

- Французско-немецкий университет. В него входят более 65 университетов-партнеров Германии и Франции, В 2015 г. учеб-

¹ Об образовании в Российской Федерации : федер. закон РФ от 29 дек. 2017 г. № 273 : (в ред. от 29 дек. 2017) // СПС «КонсультантПлюс».

ном году он предлагал 130 комплексных программ, более 5 000 студентов обучаются по его программам. Университет успешно функционирует при активной финансовой поддержке Правительств Франции и Германии.

- Французско-итальянский университет – менее успешный, без государственной поддержки.

- Французско-египетский университет (преподавание на арабском, французском и английском)/

- Совместный французско-турецкий университет действует в Турции (Галатасарай).

- Вьетнамско-французский университет (не менее 50 % дисциплин читают французские преподаватели, цели этого университета достаточно амбициозны – вхождение в ТОП-200 вузов Шанхайского рейтинга в 2025–2030 г.)

- Французско-китайский университет (действует более 10 лет, наиболее крупный зарубежный в КНР).

Еще пример – строительство «оффшорных кампусов» Университета Сорбонны в Абу-Даби, Центральной школы (L'ecole centrale) в Пекине и Бейруте.

Аналогичной формой продвижения российского образования за рубеж также становится создание новых институциональных форм – сетевых университетов, причем объединяющих целый ряд вузов в странах-партнерах. Российское образование за рубежом представлено как действующим сетевым Университетами Шанхайской организации сотрудничества (УШОС), Университетом СНГ, так и вновь создаваемыми новыми университетами – в рамках БРИКС, ЕАЭС. Также за рубежом действует 4 Славянских университета, строится Российско-китайский университет в г. Шэньчжэнь (совместный проект МГУ и Пекинского политехнического института). В мае 2015 г. создана Ассоциация университетов России и Индии. В июне 2016 г. провозглашено создание Российско-французского университета.

Помимо университетов, за рубежом действуют: российские и совместные школы (на 2013 г: более 7400 русских школ, 3882 совместных школ, в которых обучалось более 5 125 тыс. учеников); локальные центры проведения комплексного экзамена в России и

за рубежом (722); филиалы российских вузов за рубежом (36); ассоциации вузов и выпускников.

Институты государственной поддержки экспортной образовательной деятельности в РФ также в настоящее время существенно трансформируются.

Существенно выросло число структур Россотрудничества за рубежом, создаются Ресурсные центры образования и науки по группам стран. Важным инструментом государственной поддержки является ежегодное выделение бюджетных квот для иностранных студентов, а также меры их социальной поддержки. Развитие системы признания образования, полученного в зарубежных странах, становится серьезным институциональным фактором для рынка труда, который предъявляет высокие требования к качеству рабочей силы.

Квоты приема за счет бюджета РФ на 2015 г. были предусмотрены для 15 000 человек, представителей 179 стран. В том числе: Китай и Вьетнам по 800 мест на каждую страну, 140 бюджетных мест для студентов из Германии, 20 мест – для студентов Бразилии. При этом, в настоящее время в РФ уже обучается свыше 18 тысяч китайских студентов. На 16-м совместном заседании российско-китайской комиссии по гуманитарному сотрудничеству принято решение к 2020 г. довести объем двусторонней академической мобильности до 100 тыс. человек.

К мерам социальной поддержки иностранных студентов относятся; предоставление государственной академической стипендии вне зависимости от успехов в учебе; предоставление мест в общежитии на равных условиях с гражданами РФ; государственная социальная стипендия, материальная помощь (по решению вуза), стипендиальное обеспечение в соответствии с постановлениями Правительства РФ от 18.11.2011 № 945, 2.06.2012 № 679.

Признание образования, полученного за рубежом, – важный элемент формирования единого образовательного пространства, международного рынка труда. Задача – сближение позиций по признанию иностранных квалификаций, а также разработка универсальных подходов к оценке качества образования, борьбы с плагиатом, учет лучших мировых практик.

На 2015 г. в РФ имеется более 70 действующих соглашений о взаимном признании образования, дипломов, степеней, В середине 2015 г. подписано такое соглашение с Францией, первой из развитых европейских стран. В работе находится еще 35 соглашений (по Европе – 7, Азии – 14, Америке – 7). Важный элемент в признании образования – мероприятия по проведению тестирования для подтверждения наличия квалификации.

Новая модель университетов в мире – общие тенденции. В 2012–2013 гг. в целом ряде европейских стран – Швейцарии, Норвегии, Финляндии, Германии, Франции были приняты международные стратегии для высшего образования в ответ на вызовы мирового развития. Новый закон во Франции от 22 июля 2013 г. предусматривает постоянную модернизацию (пересмотр каждые пять лет) Национальной стратегии высшего образования Франции с определением приоритетов развития на ближайшие 10 лет, а также способов их достижения.

Национальная стратегия Франции в сфере образования предполагает опору на пять стратегических приоритетов:

1. Постоянное развитие человеческого потенциала с помощью образования как ключевого фактора прогресса и рычага экономического роста;

2. Европейскую интеграцию в сфере образования и интернационализацию высшего образования.

3. Доступность образования для всех социальных слоев населения.

4. Ответ на вызовы XXI века в сфере образования: в условиях ИТ-революции исчезают многие профессии, люди вынуждены менять работу и специальности. Рынок труда подвержен серьезным изменениям: исчезают многие привычные профессии, появляется спрос на абсолютно новые, многие люди вынуждены менять работу, переобучаться. В этих условиях выходом становится всеобщее высшее образование и научная деятельность, они выходят за рамки страновой специализации.

5. Удовлетворение потребностей молодежи в качественном и доступном современном образовании.

Во Франции основная часть реформы высшего образования и науки, принятой в 2013 г., направлена на формирование образовательных кластеров в рамках программы Инициативы Превосходства (Initiatives d'Excellence-Idex). В рамках программы в стране планируется сокращение общего числа университетов (на 2007 г. во Франции было 87 университетов и 225 других высших учебных заведений).

В рамках образовательных кластеров Idex объединяются финансируемые государством университеты с другими вузами на территории, а также центрами научных исследований и инноваций. Около половины запланированных на реформу средств – 11 млрд евро – должны пойти на организацию новых программ подготовки студентов, из них 7,7 млрд евро – в укрупненных университетах. Еще 5 млрд евро тратится на создание 12 новых университетских комплексов в Париже и регионах, на организацию и стимулирование научно-исследовательской деятельности выделяется 7,9 млрд евро. Организационный этап формирования кластеров Idex продлился до 2015 гг., после этого оценка деятельности университетов начинается осуществляться по количеству публикаций преподавателей, количеству выпускников, получивших дипломы и устроившихся на работу, а университеты с низкой оценкой будут получать меньше дотаций [8]. К 2015 г. во Франции было выбрано 25 территорий, в том числе – Лазурный берег для формирования университетов нового типа. В новой системе основной для университета становится работа на уровне территории, привлечение частных структур и регионального управления к трансферу технологий, решению вопросов научно-технического и регионального развития, созданию инфраструктуры для новых технополисов. Университеты становятся мультидисциплинарными центрами исследований, несут ответственность за внедрения их результатов в практику развития территории. Таким образом формируется новая модель современного университета, происходит превращение университета в инновационный центр научного, образовательного и регионального развития.

В Российской Федерации, в 2012 г., практически одновременно с европейскими странами, был принят новый закон «Об образовании в РФ». Еще ранее, с 2006 г. наряду с созданием региональных

университетов, в результате объединения нескольких вузов и филиалов, приступили к формированию более крупных учебно-научных комплексов – Федеральных университетов.

Располагая значительным потенциалом, такие учебные заведения должны стать лидерами не только отечественной, но и мировой системы образования. В 2006 году были открыты Сибирский в Красноярске (36,5 тыс. студентов в 2012 г.) и Южный в Ростовской области (46 тыс. студентов в 2010 г.) университеты. В последующие годы федеральные университеты были образованы в Казани, Екатеринбурге, Владивостоке, Архангельске, Якутске, Калининграде и Ставрополе. Федеральные университеты рассматривались как «локомотивы» регионального развития, как центры притяжения региональных и локальных научных сообществ. В 2013 г. четыре из них – Уральский, Дальневосточный, Приволжский и Южный попали в число ведущих университетов в мировом рейтинге QS World University Ranking [9].

Параллельно, согласно Указа Президента РФ от 7 мая 2012 г (№ 599) была сформулирована задача о необходимости вхождения к 2020 г. не менее пяти российских университетов в первую сотню ведущих мировых университетов. Эта задача конкретизируется в проектах Министерства образования и науки РФ «5-100», «15-200», а также в открытии в 2015 г. не менее 80 новых совместных программ между ведущими российскими и зарубежными университетами и исследовательскими центрами.

В 2015 г. Министерство образования и науки России приступило к дальнейшей реализации реформы высшего образования в регионах, предполагающей объединение региональных вузов в многопрофильные опорные университеты. Количественные критерии для опорного университета – наличие более 10 тысяч студентов, доходы вуза должны превышать 2 млрд.руб, а сам университет представлять многопрофильный вуз региона. Цель новшества – превращение университета в инновационный центр научного, образовательного и регионального развития. К концу 2016 г. опорных университетов будет 11, а к 2020 г. планируется увеличить их число свыше 40 вузов.

Заключение. Переходя к выводам, отметим, что анализ вызовов мирового образовательного рынка, демонстрирует рост кон-

курении во всех его сегментах, следствием которой становится принуждение основных участников рынка к принятию серьезных усилий для сохранения позиций. Большинство европейских стран и Россия, занимающие места в первой десятке стран-лидеров, приступили к реализации масштабных реформ образования, ядром которых становится развитие международных образовательных программ, мобильности студентов и преподавателей, совместных университетов, внедрение новой модели вуза как центра научного, образовательного и территориального развития.

Список использованной литературы

1. Галичин В.А. Международный рынок образовательных услуг: основные характеристики и тенденции развития / В. А. Галичин. – М. : Дело, 2015. – 60 с.

2. Тагирова Ш.В. Высшее образование Франции: состояние и перспективы / Ш. В. Тагирова // Партнерство Франции и России: интернационализация образования, науки, экономики / под общ. ред. Г.А. Красновой, Е.В. Пономаренко. – М. : Дело, 2015. – С. 11–23.

3. Каганов В.Ш. Актуальные проблемы российского образования и науки в глобальном мире [Электронный ресурс] / В.Ш. Каганов. – Режим доступа: <file/news/2575/Kaganov.pdf>.

4. Кравцов С.С. Актуальные вопросы совершенствования развития высшего образования в Российской Федерации [Электронный ресурс] / С.С. Кравцов. – Режим доступа: <conf/vice-rector-2015...Kravtsova.pdf>.

5. Буркель Н. Инновации и изменения в транснациональном образовании [Электронный ресурс] : совместные программы между европейскими и российскими вузами / Н. Буркель, С. Творогова, С. Шендерова. – Режим доступа: <sites...media...catalog...JOINT-PROGRAMMES>.

6. Пономаренко Е.В. Модернизация международных образовательных программ двойного дипломирования российских и французских университетов: проблемы и пути решения / Е.В. Пономаренко // Партнерство Франции и России: интернационализация образования, науки, экономики / под общ. ред. Г.А. Красновой, Е.В. Пономаренко. – М. : Дело, 2015. – С. 75–84.

7. Ponomarenko E. An Innovative Form Of Inter-University Cooperation, Teaching And Learning / E. Ponomarenko, S. Ngo-Mai, V. Oddo // Государственная служба. – 2015. – № 5 (97). – С. 78–81.

8. Горшкова Л.Ю. Франция на мировом рынке образовательных услуг / Л.Ю. Горшкова // Партнерство Франции и России: интернационализация образования, науки, экономики / под общ. ред. Г.А. Красновой, Е.В. Пономаренко. – М. : Дело, 2015. – С. 39–45.

9. Катровский А.П. Тенденции и особенности территориального развития высшей школы на постсоветском образовательном пространстве / А.П. Катровский, В.П. Губа // Мир психологии. – 2016. – № 1. – С. 220–229.

References

1. Galichin V. A. *Mezhdunarodnyi rynek obrazovatel'nykh uslug: osnovnye kharakteristiki i tendentsii razvitiya* [International market of educational services: main characteristics and trends of development]. Moscow, Delo Publ., 2015. 60 p.

2. Tagirova Sh. V. Higher education in France: state and perspectives In Krasnova G. A., Ponomarenko E. V. (eds). *Partnerstvo Frantsii i Rossii: internatsionalizatsiya obrazovaniya, nauki, ekonomiki* [Partnership of France and Russia: internationalization of education, science, economy,]. Moscow, Delo Publ., pp. 11–23. (In Russian).

3. Kaganov V. Sh. Vital problems of Russian education and science in the global world. Available at: <file/news/2575/Kaganov.pdf>. (In Russian).

4. Kravtsov S. S. Essential issues of improving the development of higher education in the Russian Federation. Available at: <conf/vice-rector-2015...Kravtsova.pdf>. (In Russian).

5. Burkel' N., Tvorogova S., Shenderova S. Innovations and changes in transnational education: joint educational programs of European and Russian universities. Available at: <sites...media...catalog...JOINT-PROGRAMMES>. (In Russian).

6. Ponomarenko E. V. Modernization of international educational double diploma programs of Russian and French universities: problems and solutions. In Krasnova G. A., Ponomarenko E. V. (eds). *Partnerstvo Frantsii i Rossii: internatsionalizatsiya obrazovaniya, nauki, ekonomiki*

[Partnership of France and Russia: internationalization of education, science, economy]. Moscow, Delo Publ. pp. 75–84. (In Russian).

7. Ponomarenko E., Ngo-Mai S., Oddo V. An Innovative Form Of Inter-University Cooperation, Teaching And Learning. *Gosudarstvennaya sluzhba = Public Administration*, 2015, no. 5 (97), pp. 78–81. (In Russian).

8. Gorshkova L. Yu. France in the global market of educational services. In Krasnova G. A., Ponomarenko E. V. (eds). *Partnerstvo Frantsii i Rossii: internatsionalizatsiya obrazovaniya, nauki, ekonomiki* [Partnership of France and Russia: internationalization of education, science, economy]. Moscow, Delo Publ., pp. 39–45. (In Russian).

9. Katrovsky A. P., Guba V. P. Tendencies and features of the territorial development of the higher education in the former Soviet educational space. *Mir psikhologii = World of psychology*, 2016, no. 1. pp. 220–229. (In Russian).

Информация об авторе

Пономаренко Елена Васильевна – д-р экон. наук, профессор, заведующая кафедрой политической экономии экономического факультета, Российский университет дружбы народов. Российско-французский центр ИГСУ Российской академии народного хозяйства и государственной службы elponomarenko@yandex.ru.

Author

Elena V. Ponomarenko – ScD in Economics, full professor, Head of Political Economy Chair of Economics Department, Peoples' Friendship University Russian-French Centre of State Service and Public Management Institute of Russian Academy of National Economy and State Service , Moscow, Russia, elponomarenko@yandex.ru.

УДК 331.5(470)

А.Я. Быстряков

ПОЛОЖЕНИЕ ВЫСОКОКВАЛИФИЦИРОВАННОЙ ИММИГРАЦИИ НА РЫНКЕ ТРУДА В РОССИИ

В условиях поиска эффективных источников роста национальных экономических систем одним из основных ресурсов становится высококвалифицированная рабочая сила. Необходимость создания привлекательных условий для обеспечения притока квалифицированных мигрантов заставляет глубоко изучать причины, условия и последствия таких процессов. Цель настоящего исследования – изучение положения высококвалифицированных мигрантов на российском рынке труда и формирование предложений, позволяющих оптимизировать регулирование миграционных процессов в высококвалифицированных отраслях экономики.

В работе проведён анализ исследований интеллектуальной миграции в контексте проблем «человеческого капитала», «циркуляции умов», «образовательной миграции», «социокультурной адаптации». В работе использованы метод интервьюирования, основной методологией выбрана классическая субъективистская теория девиантного поведения и способов адаптации Р.Мертона. Исследование показало, что высококвалифицированные мигранты в нашей стране реализуют разные стратегии адаптации, а от этого зависит их положительный настрой и работоспособность в различных сферах российской экономики.

Ключевые слова: высококвалифицированные мигранты; миграция; рынок труда; человеческий капитал.

A.Y. Bystryakov

POSITION OF HIGHLY SKILLED IMMIGRATION ON THE LABOR MARKET IN RUSSIA

In terms of finding effective sources of growth for national economic systems a highly skilled workforce becomes one of the main

resources. The necessity of creation of attractive conditions for inflow of skilled migrants requires a thorough study of the causes, conditions and consequences of such processes. The purpose of this research was to study the situation of highly skilled migrants on the Russian labour market and preparation of proposals to optimize the regulation of migration processes in highly skilled sectors of the economy. Analysis of the research of the intellectual migration in the context of such issues as “human capital”, “brain circulation”, “educational migration”, “socio-cultural adaptation” was carried out by the author.

The method of interviewing was used, the classical subjectivist theory of deviant behavior and ways of adaptation of R. Merton were selected as the main methodological basis. The study showed that highly-skilled migrants in our country are implementing different adaptation strategies, and it depends on their positive attitude and performance in various sectors of the Russian economy.

Keywords: highly-skilled migrants; migration; labour market; human capital.

Введение. В последние годы в сфере труда и занятости актуальность научных исследований смещается в сторону вопросов повышения экономической активности населения, эффективного использования трудовых ресурсов. Одним из глобальных процессов, который влияет на качественное изменение рабочей силы, предстает миграция¹. Существует два основных направления решения проблемы нехватки рабочей силы на национальном, региональных и локальных рынках труда – внутренняя и внешняя миграция. Происходит изменения в количественном составе мигрантов в регионах, в отдельных отраслях экономики, изменения профессионально-квалификационных характеристик мигрантов. Изучение данных факторов позволяет оптимизировать регулирование миграционных процессов и функционирование российского рынка труда.

В основном изучение миграции на рынке труда связано с анализом деятельности внешних низкоквалифицированных мигрантов. Однако немаловажную роль в социально-экономических процессах играют высококвалифицированные мигранты. Статистика показы-

¹ Morris L. Managing migration: civic stratification and migrants' rights. London, 178 p.

вает, что массовых потоков этой категории мигрантов в Россию нет, поэтому, нам представляется возможным изучение точечного влияния высококвалифицированных мигрантов на рынок труда.

Изучение проблем высококвалифицированных специалистов актуально в научном и социально-практическом плане. Объектом нашего исследования являются высококвалифицированные специалисты, прибывающие на работу в Российскую Федерацию. Высококвалифицированные специалисты в отличие от низкоквалифицированных имеют конкурентные преимущества перед другими категориями мигрантов. В этой среде мало кто будет работать без соцпакета, а если таковые найдутся, это, скорее всего, будет итогом их сознательного выбора.

Обзор литературы. В современных исследованиях проблемы высококвалифицированной миграции, влияния миграции на экономическое развитие и социальную систему в странах иммиграции, свободного перемещения рабочей силы и др. представлены в основном западными учеными. Среди них можно выделить исследования таких авторов, как Р.Г. Адамс (Adams R.H.), Р. Бол (Ball R.), Т. Бэсок (Basok T.), В.Р. Бенинг (Bohning W.R.), Волс (Walz U.), Г. Вернер (Werner H.), С. Вейерброк (Weyerbrock S.), Д.Р. Дейвис (Davis D.R.), Г. Деллас (Dellas H.), В.Б. Джонстон (Johnston W.B.), Р.К. Джоунс (Jones R.C.), Р.Г. Еренберг (Ehrenberg R.G.), С. Кастл (Castles S.), Г.Р. Кларк (Clarke H.R.), Д.А. Колеман (Coleman D.A.), Д. Массей (Massey D. S.), А.М. Мессина (Messina A.M.), Дж. Пейксото (Peixoto J.), Г.Рот (Roth H.), А. Сави (Sauvy A.), П. Стокер (Stalker P.), Т. Страубхар (Straubhaar T.), М. Тодаро (Todaro M.Y.), Н. Харрис (Harris N.), Дж. Хартог (Hartog J.), Л. Хендрикс (Hendricks L.), Р.Т. Эпплеярд (Appleyard R.T.) и др.

Анализ научных публикаций в библиографических и реферативных базах данных, таких как Scopus и Web of Science показывает, что интерес к данной проблеме с каждым годом только возрастает, т.к. реализация научного и технического потенциала любого государства для обеспечения высоких темпов качественного экономического роста возможна не только за счет увеличения собственных интеллектуальных ресурсов, но и за счет привлечения в страну высококвалифицированных специалистов.

Авторы С. Садовски-Смит, В.Ю. Х. Ван, В. Ли анализируют процессы циркуляции умов. По их мнению, гонка за поиском талантов и умов приобретает глобальные масштабы и становится беспрецедентной, увеличиваются темпы высококвалифицированной международной миграции. В своей статье интеллектуальную миграцию они рассматривают с точки зрения студенческой образовательной миграции и в качестве аналитической основы изучают опыт студентов и высококвалифицированных мигрантов, прибывающих в Соединенные Штаты из Бразилии, России, Индии и Китая (страны БРИКС). Структурные изменения в студенческой среде не только объединяют студентов из разных стран, но и создает сложные отношения между этими мигрантами, их карьерными устремлениями, расширениями родственных связей, что в итоге приводит к радикализации отношений в Соединенных Штатах, а также к экономическим и геополитическим изменения в своих странах¹.

Китайский ученый В.Мяо раскрывает гендерные парадигмы китайской интеллектуальной миграции в Соединенные Штаты в период открытости границ и общества. Автор анализирует опыт интеллектуальной миграции как гендерный опыт, проблемы адаптации мужчин и женщин в новых условиях, как отражается на творческом поиске потеря привязанности к дому. Автор утверждает, что формируется гендерная составляющая высококвалифицированной миграции, что требует особого изучения, т.к. гендерная политика отстает от ранее выявленных факторов миграции².

Методы. В работе использован метод обобщения, с помощью которого проанализированы данные МВД и Министерства экономического развития России о положении высококвалифицированных мигрантов в 2015–2016 году. Применяя метод наблюдения, проведено интервью среди высококвалифицированных мигрантов для определения предпосылок к формированию стратегии их адаптации к новой среде. С позиции исторического подхода в ра-

¹ Sadowski-Smith Cl., Wan Yu, Hao Wang, Wei Li Intellectual migration and brain circulation: Conceptual framework and empirical evidence // Journal of Chinese Overseas. 2015. Vol. 11, no. 16. P. 43–58.

² Miao W. Gender and the representation of Chinese Intellectual migration to the United States in China's reform and opening-up Era // Journal of Chinese Overseas. 2015. May.

боте приведен анализ опыта реализации внутренней миграционной политики в Советском союзе.

Результат. Результаты проведенных исследований показали, что высококвалифицированные мигранты формируют миграционные предпочтения на основе уже имеющихся связей в качестве знакомых и родственников. В России помощь в материальном обеспечении и организации среды проживания они также получают от родственников и знакомых, уже проживающих в России. Образование мигрантских связей происходит в течение достаточно длительного периода за неимением свободного времени у высококвалифицированных мигрантов.

Благоприятные условия привлечения высококвалифицированной рабочей силы формируются институтами – потребителями кадров. Стандартизированный подход к труду способствует минимизации расходов по формированию предпочтений направлений интеллектуальной миграции. Также институциональный аспект реализации миграционной политики реализуется образовательными учреждениями в формате обязательного трудоустройства выпускников.

Основная часть. Отечественные социологи в последнее время уделяют данной тематике достаточно внимания. Более того фокус существующих исследований в этой области направлен на экономическую, финансовую и политическую сторону вопроса. Проблемы интеллектуальной миграции рассматриваются с точки зрения накопления и увеличения «человеческого капитала». В современных условиях, когда каждая страна имеет очевидное понимание значимости своих природных ресурсов и материальных ограничений капитала, общество требует развития собственных людских ресурсов, поскольку именно образованные граждане становятся одним из основных факторов экономического роста и конкурентоспособности в мировой экономике. Многомерность категории человеческого «капитала», как приобретенных ценностей человека, способствуют достижению в будущем особых экономических и социальных преимуществ. Накопление человеческого капитала происходит не только через повышение образования, формирование самосохранительного поведения, здорового образа жизни, профессиональной подготовки, но также при оптимальном

использовании интеллектуальных миграционных ресурсов. Авторами разрабатываются критерии и показатели оценки развития человеческого капитала для предприятий разных регионов России и их дифференциация в зависимости от уровня развития человеческого капитала. По мнению авторов, будущее российских регионов состоит в формировании новых интеллектуальных экономик, где основным ресурсом будут являться не природные ресурсы и энергия, а высокообразованный человек. Такое преобразование тесно связано с вопросами социальной ответственности бизнеса, власти и общества, гуманизации экономических изменений, демографической и миграционной политики, решением проблем в сфере образования. Таким образом, комплексный подход к изучению интеллектуальных ресурсов имеет важное значение для развития человеческого капитала на региональном, национальном и международном уровнях.

Однако не только экономическая составляющая, но и социокультурные аспекты высококвалифицированной миграции являются центральной темой анализа данной статьи. С практической точки зрения необходимость исследования обусловлена и тем, что именно миграция иностранных специалистов высокой квалификации, как носителей новейших знаний и уникального опыта, определяет дальнейшее развитие обществ, как экономическое, так и социокультурное¹. Реализация данного исследования, в первую очередь, обращена на практику выработки общих тенденций в международных процессах перемещения специалистов и рекомендаций к работе организаций, ориентированных на развитие международного сотрудничества.

По данным МВД РФ в 2016 г. на территорию Российской Федерации въехало 26 995 чел. высококвалифицированным мигрантов, это почти на 16 500 чел. меньше, чем в 2015 г.²

Иностранные высококвалифицированные специалисты получают разрешения на работу в России вне ежегодной квоты, и срок действия разрешения может быть увеличен, в зависимости

¹ Aref'ev, A.L., Sheregi F.E. Migration structure of Russian intellectuals within the academic and industry environment // *Mediterranean Journal of Social Sciences*. 2015. Vol. 6, № 4. P. 39–48.

² URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/Deljatelnost/statistics/migracionnaya/item/9266550/>

от срока контракта, до трех лет (а не ограничен одним годом, как для всех остальных категорий мигрантов), с возможностью неограниченного числа продлений, каждое из которых – еще на три года. ВКС могут работать на территории нескольких субъектов Федерации, им не надо для этого получать несколько отдельных разрешений на работу для каждого субъекта (как обычным категориям иностранцев), а информация о всех субъектах сразу вносится в одно выдаваемое им разрешение на работу. Для ВКС создан особый налоговый режим, приравнивающий их к гражданам РФ, – ставка подоходного налога составляет 13 % независимо от того, являются ли ВКС резидентами или нерезидентами РФ (для всех остальных категорий мигрантов – 30 % первые 180 дней, и только потом, когда они становятся резидентами, – 13 %). Льготы по пребыванию и трудоустройству в России получают не только сами высококвалифицированные специалисты, но и члены их семей: они могут по желанию оформить вид на жительство (на срок действия разрешения на работу); они освобождены от постановки на учет по месту пребывания в течение 90 суток со дня их въезда в Российскую Федерацию (для остальных мигрантов этот срок составляет 7 рабочих дней) и в течение 30 дней после прибытия к новому месту пребывания при передвижении по территории Российской Федерации и т. д¹. В основном высококвалифицированные мигранты прибывают из визовых стран, также основная доля данной категории работает в Москве и Московской области.

На наш взгляд, представляется необходимым проанализировать проблему создания условий для комфортного пребывания и адаптации высококвалифицированных мигрантов с целью выделения и классификации наиболее часто используемых механизмов миграции, а также вынесения заключения о возможности осуществления контроля над данным социальным феноменом и о дальнейших перспективах в области высококвалифицированной миграции.

В качестве пилотажного исследования было проведено и проанализировано 18 интервью с высококвалифицированными иностранными специалистами на примере формирования необходимых

¹ Флоринская Ю.Ф., Мкртчян Н. В., Малева Т. М., Кириллова М. К. Миграция и рынок труда. М., 2015. 108 с.

условий в Москве как принимающей стороне миграции. Основная цель пилотного исследования заключалась в определении предпосылок к формированию условных стратегий миграции и адаптации.

Руководящей методологией исследования выбрана классическая субъективистская теория девиантного поведения и способов адаптации Р. Мертона. Изучая социальные и культурные источники отклоняющегося поведения, американский социолог сосредоточил внимание на типах приспособления (адаптации) к культурным целям и институционализированным средствам (нормам) людей. Выбор методологии обусловлен существующей, по мнению авторов, необходимостью социологизировать категорию миграции и адаптации. Конструкт Мертона позволяет очертить строгие рамки предполагаемых механизмов и способов адаптации, при этом предоставляя возможность анализировать индивидуальное и групповое социальное поведение с точки зрения типологии способов индивидуальной адаптации.

Важно очертить пространственно-временные рамки миграции и адаптации иностранных специалистов. На основании анализа интервью можно сделать вывод о том, что фактически сам процесс миграции, берет начало с момента принятия решения о миграции, то есть субъективного построения мотивационной модели. Таким образом, анализ основан на изучении всех этапов – от принятия решения о переезде в Россию до момента адаптации, и далее интеграции в принимающую среду. Как правило, высококвалифицированные мигранты обладают устойчивым и высоким экономическим статусом и в большинстве своем ориентированы на построение карьеры, реализации своих материальных и научных амбиций. В таком случае, можно предположить, что определяющими их адаптивное поведение стратегиями будут адаптационная и ассимиляционная.

Проведенные интервью показали, что 11 из 18 опрошенных основывают свое адаптивное поведение на следующих мнении об окружающей среде и социокультурной ситуации: взгляды о Москве как об экономической и культурной столице России, ожидание от общества среднего образовательного уровня, в том числе владение иностранными языками, отсутствие со стороны принимающего населения отношение к себе как «чужаку», и так далее. Вполне

вероятно, что многие прибывающие в столицу специалисты руководствуются целью получения опыта в построении своей карьеры. Также при формулировке цели миграции и адаптации немаловажными оказываются и индивидуальные характеристики индивида: владение английским языком, подготовленность к определенным коммуникативным проблемам, опыт международного общения и сотрудничества, ориентация на получение нового опыта в межкультурном взаимодействии. Однако данная категория специалистов, нацеленная на скорейшую адаптацию, реализует конформистское поведение, что означает полную солидарность с общественными установками и целями, средствами их достижения¹.

Более того, интервью показали, что такая стратегия вызывает наиболее предсказуемую реакцию социокультурной среды города, а значит, и обуславливает меньшее количество проблем социального, культурного, коммуникативного характера.

Вторая наиболее «популярная» стратегия адаптивного поведения (5 из 18) – это инновационный способ адаптации, который предполагает согласие с общественно одобряемыми целями и в то же время поиск новых средств их достижения. В отличие от исключительно позитивной характеристики инновационного типа поведения, этот тип поведения трактуется более широко и многообразно, включая явно выраженные негативные средства достижения цели. Такие мигранты стремятся не просто следовать формально определенным обязанностям и условиям. Но и внедрять в свою и производственную деятельность инновационные методы. «Культурное акцентирование денежного успеха для всех и социальная структура, слишком сильно ограничивающая практическое использование одобряемых средств большинством, вызывают побуждение к инновационной деятельности, отступающей от институциональных норм»².

Стратегия отклонения от общепринятых ценностей в принимающем обществе (2 из 18 респондентов) часто обуславливается сильным культурным шоком и неподготовленностью индивида.

¹ Merton R.K. Social Theory and Social Structure. N.Y., 1957. pp. 140.

² Merton R.K. The Travels and Adventures of Serendipity: A Study in Sociological Semantics and the Sociology of Science. N.Y., 2004. 352 p.

Такая миграция чаще всего спонтанна и ведет к ряду проблем в межкультурной коммуникации и социальном взаимодействии со средой. В высококвалифицированной миграции такая стратегия встречается редко и не может быть рассмотрена как показательная. Однако все обозначенные способы адаптации высококвалифицированных мигрантов, и есть основные пути поиска равновесия между личностью и обществом. Причем важно отметить, что ищет их, прежде всего не общество, а индивид. Своим положением в обществе озабочен в первую очередь он сам.

Высококвалифицированные мигранты стараются приезжать в Россию всей семьей (чаще всего сначала муж, а потом через неделю-месяц жена с детьми). Они стремятся дать образование своим детям, интегрироваться всей семьей в российское общество. Все возникающие проблемы с переездом семьи решают самостоятельно (с возможным привлечением друзей и родственников, имеющих связи или прошедших через поиск детсадов, школ, медицинских услуг), за собственный счет. Как правило, при наличии необходимых финансовых средств устройство детей в сады и школы решается¹.

Суммируя ответы участников пилотажного исследования по поводу мигрантских связей можно отметить следующее.

– Во-первых, формирование мигрантских сетей среди высококвалифицированных трудовых мигрантов происходит естественным образом через уже имеющиеся в государстве исхода знакомства (городские, сельские связи) и через семью.

– Во-вторых, при переезде в Россию мигрантские связи не увеличиваются, то есть никто или не стремится, или не имеет времени общаться со сторонним мигрантским кругом, вступать в мигрантские сообщества или диаспору.

– В случае необходимости (переезд, жилье, поиск работы, адаптация в России), обращаются за помощью к родственникам и/или друзьям.

¹ Выхованец О.Д., Прохорова А.В., Савинкова Ю.К. Трансформация идентичности трудовых мигрантов как одна из составляющих становления гражданского общества в России. М., 2014. С.131–132.

– Набор мигрантов на работу в Россию в независимости от квалификации происходит также чаще всего через друзей, родственников и знакомых.

– Высококвалифицированные мигранты больше рассчитывают на себя лично, чем на помощь извне.

Задача современных развитых социальных систем – пойти ему навстречу, облегчить поиск взаимопонимания, своеобразного «консенсуса», создать благоприятные условия деятельности, которые снизили бы до минимальных пределов возможности социальных отклонений в поведении.

Необходимо отметить, что данный пилотажный анализ является лишь основой для более полного социологического исследования, направленного на выявление качественных показателей социальной адаптации иностранных высококвалифицированных специалистов. Итогом такого исследования будет не только определение социологического подхода к высококвалифицированной миграции, но и анализ экономических последствий от привлечения высококвалифицированных специалистов в Российскую Федерацию.

По оценкам Министерства экономического развития Российской Федерации, для осуществления модернизационного рывка в экономике России, необходимо ежегодно приглашать около 40–60 тыс. высококвалифицированных зарубежных научных кадров, в то время как всего за 2011–2014 гг. разрешение на работу в России по категории высококвалифицированных специалистов получили не более 80 тыс. иностранных граждан¹. Объективная реальность такова, что миграционная привлекательность нашей страны по сравнению с другими принимающими государствами, невысока и распространяется преимущественно на граждан СНГ и Китая.

Одна из причин либерализации миграционного законодательства в отношении кадров высокой квалификации, о чем было сказано выше – осознание того, что данный вопрос напрямую связан с *инвестиционной привлекательностью Российской Федерации*. Так, миграция высококвалифицированных кадров, скажем, в рамках ТНК, зачастую обуславливает приток инвестиций в страну.

¹ Ивахнюк И.В. Высококвалифицированные мигранты на российском рынке труда : лекция 5 // Миграция в России: экономические аспекты. М., 2015. С. 15–16.

Кроме того, считается, что приток мигрантов-специалистов поможет существенно *снизить число российских кадров, стремящихся уехать за границу*. Иностранные инвестиции позволяют создавать современные рабочие места для наших соотечественников; в то же время создание международных научных коллективов в рамках страны привлекает российские научные кадры; работа с иностранными специалистами по ведению бизнеса нередко ассоциируется с профессиональным ростом для высшего звена российских бизнесменов.

Кроме того, существенную роль играют институты, выступающие потребителями высококвалифицированной рабочей силы. ТНК являясь такими институтами, представляет собой комплекс норм и правил, отражающих потребности общества, выдвигают стандартизированные требования к специалистам, которых готовит, в том числе и система образования разных стран. Стандартизированный подход к труду (квалификации и набору личных качеств) создаёт условия для конкуренции среди трудовых мигрантов. В постиндустриальной экономике только уникальный продукт бывает конкурентоспособен. Это утверждение относится и к трудовому мигранту как продукту социальной системы. Уникальность отдельной личности – трудового мигранта, с определённым необходимым набором качеств, потребностей, навыков и знаний является продуктом на рынке миграционной высококвалифицированной рабочей силы.

В вопросах перемещения высококвалифицированных специалистов сохраняется большое количество проблем, которые могут не решаться даже при условии реализации самых льготных законов по интеллектуальной миграции.

Приведём пример из недавнего прошлого. В Советском Союзе существовали законы, при которых каждый законченный Высшее или среднее учебное заведение должен был отработать определённый срок в установленном регионе страны на определённой должности. На основании этих законов происходило перемещение специалистов из развитых центров страны где были сосредоточены учебные заведения во все без исключения регионы. Таким образом государством решалась проблема целого комплекса экономических и социальных проблем, а отдаленные и некомфортные

территории обеспечивались врачами, учителями, специалистами всех отраслей национальной экономики.

То есть по факту проводилась государственная миграционная политика по перемещению высококвалифицированных специалистов (подготовка большинство профессиональных кадров была в Советском Союзе на достаточно высоком качественном уровне), но решалась и задача выравнивания регионов по стабильному жизненному уровню.

В начале девяностых годов прошлого века эти законы были подвергнуты резкой критики, как нарушающие права человека в собственном выборе применения профессиональных знаний и свобод в выборе места проживания. Они были отменены. Естественно с их отменой прекратилась и практика обязательного представления первого рабочего места после получения профессионального образования.

Такие изменения конечно повлияли на перемещения как внутри страны, так и на количество выехавших за рубеж молодых специалистов достаточно высокой профессиональной квалификации. Фактически произошёл структурный сдвиг в государственной миграционной политики в сфере интеллектуального капитала, который самым негативным образом отразился на экономическом и социальном уровне развития большинства субъектов Российской Федерации. Косвенно это стимулировало стремление молодых и перспективных специалистов к поиску работы за рубежом, то есть увеличило внешнюю миграцию интеллектуального человеческого капитала.

В последние годы в сфере образования наблюдается возвращение к требованиям обязательного трудоустройства выпускников высших учебных заведений. Показатель трудоустройства выпускников уже является одним из рейтинговых в оценки эффективности конкретного ВУЗа. То есть можно с большой долей уверенности говорить о возможности возвращения практики обязательно трудоустройства после завершения учебы и получения документа о присвоении определённой квалификации.

Особенностью этого процесса сегодня является то, что эта функции может оказаться возложенной на учебные заведения. Что заставит ВУЗы изучать на постоянной основе потребности реги-

офов страны в высококвалифицированных специалистах. То есть именно ВУЗы могут стать активным участником процессов миграции на рынке высококвалифицированных специалистов.

Это только один из примеров не решённых проблем и вопросов, переходящих из одного государства в фактически другую по своему юридическому и социальному устройству страну, от решения которых нельзя отказываться, ссылаясь на изменения государственного строя.

Завершая наше исследование, сделаем основной вывод: эффективное использование высококвалифицированных специалистов возможно при условии комплексного государственного регулирования условий проживания и трудовой деятельности данной категории мигрантов. Исследование показало, что мигрантами реализуются разные стратегии адаптации, а от этого зависит их положительный настрой и работоспособность в различных сферах российской экономики. Анализ и сопоставление различных моделей миграционных политик зарубежных стран-потребителей высококвалифицированной рабочей силы с миграционной политикой России позволит в перспективе решить следующие основные задачи:

- выделение общих принципов организации эффективной политики по привлечению, закреплению и адаптации данного сегмента трудовых мигрантов;
- выявление ключевых факторов (в том числе и проблемных точек), влияющих на интенсивность каналов миграции высококвалифицированных кадров, а также определение направления этого влияния;
- создание механизмов и условий привлечения востребованных российской экономикой высококвалифицированных специалистов разного профиля, инвесторов и предпринимателей на долгосрочной основе;
- разработка специальных программ для привлечения высококвалифицированных специалистов (с льготами при получении вида на жительство, с возможностями заключения долгосрочных контрактов, с преференциями для получения документов для членов семьи такого квалифицированного специалиста и т. д.).

Список использованной литературы

1. Aref'ev A.L. Migration structure of Russian intellectuals within the academic and industry environment / A. L. Aref'ev, F. E. Sheregi // *Mediterranean Journal of Social Sciences*. – 2015. – Vol. 6, № 4. – P. 39–48.
2. Chudnovskaya M. Educational Expansion and Intergenerational Proximity in Sweden Population / M. Chudnovskaya, M. Kolk // *Space and Place*. – 2017. – Vol. 23, iss. 1. – DOI: 10.1002/psp.1973.
3. Lu M. International migration and social pain responses / M. Lu, T. Hamamura, Y. P. Chan // *Personality and Individual Differences*. – 2017. – DOI: 10.1016/j.paid.2016.12.040.
4. Merton R.K. *Social Theory and Social Structure* / R.K. Merton. – New York : The Free Press; 1957. – 198 p.
5. Merton R.K. *The Travels and Adventures of Serendipity: A Study in Sociological Semantics and the Sociology of Science* / R.K. Merton. – New York : Princeton University Press, 2004. – 352 p.
6. Miao W. Gender and the representation of Chinese Intellectual migration to the United States in China's reform and opening-up Era / W. Miao // *Journal of Chinese Overseas*. – 2015. – May. – DOI: 10.1163/17932548-12341293.
7. Morris L. *Managing migration: civic stratification and migrants' rights* / L Morris. – London : Routledge, 2004. – 178 p.
8. Sadowski-Smith Cl. Intellectual migration and brain circulation: Conceptual framework and empirical evidence / Sadowski-Smith Cl. [et al] // *Journal of Chinese Overseas*. – 2015. – Vol. 11, № 16. – P. 43–58.
9. Shakirova J.A. The migration of Russian universities graduates: Trends and reasons / J. A. Shakirova, E. V. Smolnikova // *Journal of Economics and Economic Education Research*. – 2016. – Vol. 17. – P. 87–92.
10. Walmsley T. Labour Migration and Economic Growth in East and South-East Asia / T. Walmsley, A. Aguiar, S. A. Ahmed // *World Economy*. – 2017. – Vol. 40, iss. 1. – P. 116–139.
11. Трансформация идентичности трудовых мигрантов как одна из составляющих становления гражданского общества в России / О.Д. Выхованец [и др.]. – М. : Наследие Евразии, 2014. – 143 с.

12. Ивахнюк И.В. Высококвалифицированные мигранты на российском рынке труда : лекция 5 / И.В. Ивахнюк // Миграция в России: экономические аспекты. – М.: Спецкнига, 2015. – 56 с.

13. Миграция и рынок труда / Ю.Ф. Флоринская[и др.]. – М.: Дело, 2015. – 108 с.

References

1. Aref'ev A.L., Sheregi F. E. Migration structure of Russian intellectuals within the academic and industry environment. *Mediterranean Journal of Social Sciences*, 2015, vol. 6, no. 4, pp. 39–48.

2. Chudnovskaya M., Kolk M. Educational Expansion and Intergenerational Proximity in Sweden Population. *Space and Place*, 2017, vol. 23, iss. 1. DOI: 10.1002/psp.1973.

3. Lu M., Hamamura T., Chan Y. P. International migration and social pain responses. *Personality and Individual Differences*, 2017. DOI: 10.1016/j.paid.2016.12.040

4. Merton R.K. *Social Theory and Social Structure* /R.K. Merton. New-York, The Free Press; 1957.198 p.

5. Merton R.K. *The Travels and Adventures of Serendipity: A Study in Sociological Semantics and the Sociology of Science*. New York, Princeton University Press, 2004. 352 p.

6. Miao W. Gender and the representation of Chinese Intellectual migration to the United States in China's reform and opening-up Era. *Journal of Chinese Overseas*, 2015, May. DOI: 10.1163/17932548-12341293.

7. Morris L. *Managing migration: civic stratification and migrants' rights*. London, Routledge, 2004. 178 p.

8. Sadowski-Smith Cl., Wan Yu, Hao Wang, Wei Li Intellectual migration and brain circulation: Conceptual framework and empirical evidence. *Journal of Chinese Overseas*, 2015, vol. 11, no. 16. pp. 43–58.

9. Shakirova J.A., Smolnikova E.V. The migration of Russian universities graduates: Trends and reasons. *Journal of Economics and Economic Education Research*, 2016, vol. 17, pp. 87–92.

10. Walmsley T., Aguiar A., Ahmed S. A. Labour Migration and Economic Growth in East and South-East Asia. *World Economy*, 2017, vol. 40, iss. 1, pp. 116–139.

11. Vykhovanets O. D., Prokhorova A. V., Savinkova Yu. K., Starchak M. V., Yatsenko E. B. *Transformatsiya identichnosti trudovykh migrantov kak odna iz sostavlyayushchikh stanovleniya grazhdanskogo obshchestva v Rossii* [Transformation of labour migrants' identity as one of the constituents of civil society rise in Russia]. Moscow, Nasledie Evrazii, 2014. 143 p.

12. Ivakhnyuk I. V. Highly-skilled migrants on Russian labour market: Lecture 5 *Migratsiya v Rossii: ekonomicheskie aspekty* [Migration in Russia: economic aspects]. Moscow, Spetskniga, 2015. 56 p.

13. Florinskaya Yu. F., Mkrtchyan N. V., Maleva, T. M., Kirillova, M. K. *Migratsiya i rynek truda* [Migration and labour market]. Moscow, 2015. 108 p.

Информация об авторе

Быстряков Александр Яковлевич – доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой «Финансы и кредит» ФГАОУВО «Российский университет дружбы народов». 117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д.6, e-mail: bstal@yandex.ru.

Author

A.Y. Bystryakov – D.Sc. in Economics, Professor, Head of Finance and Credit Department of People's Friendship University of Russia, 117198, Moscow, Miklukho-Maklay St., 6, e-mail: bstal@yandex.ru.

УДК 811.161.1'27

**Т.Л. Музычук,
О.Н. Баклашкина**

МЕЖКУЛЬТУРНЫЙ ДИАЛОГ И СОХРАНЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В РОССИИ

В условиях глобализации и растворения мононациональных государств вопросы сохранения национальной идентичности многократно обостряются. При этом наибольшее давление испытывает национальный язык, который все сильнее размывается из-за заимствований иностранных слов. При этом чем активнее развивается национальная экономика, тем все менее национальным становится язык. Утрата национального, уникального языка идентична утрате национальной идентичности в целом.

Ключевые слова: национальная идентичность; язык; межкультурный диалог.

**T.L. Muzychuk,
O.N. Baklashkina**

INTERCULTURAL DIALOGUE AND THE PRESERVATION OF NATIONAL IDENTITY IN RUSSIA

In the context of globalization and the dissolution of mono-ethnic states the issues of preservation of national identity are becoming more and more sensitive. The national language is exposed to the greatest pressure and diluted by foreign borrowings. Thus the more actively the national economy develops, the less national the language becomes. The loss of the unique the national language is equal to the loss of the national identity in general.

Keywords: national identity; language; intercultural dialogue.

Культурно-языковая идентичность сегодня размывается под действием глобализации. В России эта проблема стоит очень остро и выражается в том, что русский язык утрачивает свои позиции

как средство коммуникации внутри страны. Каков язык – таков и человек, таково и общество. Через язык выражается вся сущность человека: мысли, чувства, воля, дела. Стиль жизни формируется стилем речи. Стиль речи создает общественный настрой.

Язык как стержень или скелет информационного пространства имеет ряд особенностей:

1. Он в высшей степени ёмок с точки зрения объема передаваемой информации: всего одно слово может содержать гигантский массив информации, «спрессованный» в нескольких буквах. При этом кроме чисто логических аспектов слово передает целый букет эмоциональных, духовных и эстетических элементов. Особенно сильно это видно в наиболее древних словах: «Мама», «Отец», «Родина», «Любовь»...

2. Высокая емкость языка становится способом координации любой совместной деятельности людей. Вне единого языкового и смыслового пространства невозможна никакая более-менее развитая общая работа. Как говорил Л.Н. Толстой: «Язык – это орудие мышления».

3. Чем сложнее совместная деятельность людей, тем большая точность требуется от языка: «Обращаться с языком кое-как – значит мыслить кое-как: неточно, приблизительно, неверно»¹. Единственный способ справиться с этими проблемами состоит в изменении отношения к языку, в нахождении способа выработать в людях способность пользоваться всем богатством языка, тем самым подняв на другой уровень и их сознание.

4. Язык является средством накопления исторической памяти народа. Через язык идет передача социального, культурного опыта, норм и традиций, осуществляется преемственность поколений, воплощенных в идентичности языковой личности.

5. Уровень развития языка в точности соответствует уровню развития культурной, технологической и экономической жизни общества. Нации, наиболее преуспевшие в экономике, кроме товаров и услуг «экспортируют» в другие страны и свой язык. В античности это проявлялось в широком распространении греческого языка в период наивысшего развития древнегреческой культуры. Позд-

¹ Толстой А. Н. Полн.собр.соч. В 15 т. Т.12. М., 1947–1951.

нее эта роль переходила к латинскому, испанскому, французскому и другим языкам. И наоборот, преобладание примитивного, агрессивного, грубого языка говорит о соответствующей деградации сознания нации. Дополнительные возможности для более широкого распространения национальный язык получает в том случае, если он не слишком сложен по грамматике, фонетике и лексической структуре, и, если культура носителя языка открыта и обладает хорошими адаптивными свойствами.

Язык любого народа не живет изолированной жизнью. Заимствование слов является естественным процессом языкового развития, и нет такого языка, который был бы совершенно свободен от иноязычных влияний. На протяжении всей истории своего существования лексикон русского языка периодически, с той или иной интенсивностью, пополнялся за счет иностранных слов. Языковая деятельность является основным видом взаимодействий людей друг с другом. Поскольку языковые взаимодействия происходят не только в рамках одного социума, но и на межкультурном уровне, то языковые заимствования являются естественной и неотъемлемой частью практически любого языка мира. В истории развития русского языка лингвистами насчитывается несколько эпох заимствований, связанных с определенными историческими событиями. Часть из заимствованных слов ушла из русского языка со временем, часть ассимилировалась и «прижилась» в русской культуре; многие современные носители русского языка могут и не догадываться, что такие слова, как сахар (греч.), математика (греч.), грамматика (греч.), богатырь (тюрк.), телега (тюрк.), доктор (лат.), армия (немец.), катер (англ.), бульон (франц.), пальто (франц.), макарон (итал.), гитара (итал.), были когда-то иностранными.

Безусловно, в лексическую базу русского языка в разное время вливается определенное количество заимствованных слов, однако в эпоху всеобщей глобализации и информатизации этот процесс «вливания» стал угрожающим.

Распад Советского Союза активизировал связи с зарубежными странами на уровне деловых, научных, культурных, торговых, туристических, виртуальных контактов. В русский язык, профессионально-деловой, общепотребительный, разговорный, буквально

хлынула иноязычная лексика, преимущественно английского происхождения. В пору вспомнить послание Петра I Рудаковскому, переводчику при русском посольстве в Варшаве: «В реляциях твоих употребляешь ты зело многие польские и другие иностранные слова и термины, за которыми самого дела выразуметь невозможно...».

Основной причиной интенсивного проникновения англицизмов и иностранных слов в русский язык, по мнению многих ученых, является изменение внутривнутриполитической обстановки в стране [см., напр.: Крысин 2002; Дьяков 2003; Криворучко, Адильбаева 2006; Кронгауз 2007; Verbitskaya 2013 и др.]. В российском обществе сработал «эффект маятника». Все, что касалось «гнилой» западной культуры и активно запрещалось, и порицалось официальной государственной идеологией, за очень короткое время стало доступным, престижным и даже эталонным. Социально-политические изменения современного российского общества являются предпосылками для протекающих языковых процессов, в том числе и растущего числа англицизмов.

В то же время, внешние по отношению к российскому обществу факторы (экономическая и политическая глобализация, всемирная популяризация американской культуры) также оказывают на него влияние, в том числе и в лингвистическом плане.

Состояние национального языка наглядно и объективно отражается в топонимическом и рекламном пространстве города. Безусловно, планируемое рекламное воздействие опирается на существующую в той или иной социальной группе систему ценностей, однако реклама способна и задавать новые ценностные ориентиры. Высокая воспроизводимость используемых в рекламе языковых средств и высокий суггестивный потенциал определяют ее как один из факторов, влияющих на формирование системы ценностей в определенной социальной группе. Поскольку действия любого человека мотивированы системой ценностей, которую он разделяет (делает то, что для него значимо, следовательно, ценно), то задача рекламодателей при создании рекламного текста заключается в определении релевантных ценностных ориентиров. Рекламные тексты являются результатом специально организованных (не спонтанных) действий, следовательно, используемые вырази-

тельные средства осознанно выбираются и отбираются. Англицизмы, заимствования и другие языковые средства, используемые в рекламных текстах, представляют собой ценностные ориентиры, выбранные рекламодателями с целью создать у читателя определенный образ и побудить его к желаемым действиям.

Анализ примеров рекламных текстов на улицах Иркутска показал, что процесс латинизации затрагивает строевые элементы русского языка, в результате чего нарушается его единство как системного вида деятельности. Использование отдельных иностранных языковых элементов (букв латинского алфавита, лексем, словообразовательных, грамматических и орфографических моделей) носит рекурсивный характер, что подтверждает положение биокогнитивной лингвистики об опытной природе языка. Таким образом, иностранные языковые модели становятся продуктивными в современном русском языке. Современный процесс заимствования вышел за рамки заполнения так называемых понятийных лакун, использование латинизмов в рекламных текстах имеет психоэмоциональные предпосылки. Рекламные тексты, содержащие слова на латинице, выполняют аттрактивную функцию, они позволяют вызвать у читателя ассоциации с иной культурой (отличной от российской), что, по мнению рекламодателя, способствует созданию более престижного образа компании или товара. Активное использование латинизмов в рекламе на фоне низкого уровня владения иностранным языком и общей лингвистической безграмотности приводит к созданию текстов, которые не принадлежат ни иностранной, ни русской культуре, и в совокупности создают новую экологическую языковую среду на территории России.

Русское слово активно вытесняется из топонимического и рекламного пространства Иркутска. Например, соотношение иностранной лексики к русской в названиях заведений на ул. Ленина составляет 77 к 23 %.

Анализ языкового пространства города дает основание говорить, что в практике оформления вывесок заведений активно используются некоторые идеи НЛП. Среди них:

1. Использование механизмов блокировки опыта в языке.

А) Искажение графического образа русского слова (КонфеКты, Боржч, Россвет (окна, лоджии), 100ловая, Закусicity (кафе), КОМ-СОМОЛЛ (торгово-развлекательный центр), бистро Ам, Бар).

Б) Дискредитация как речевая стратегия – это «способ обработки информации в памяти»: новое знание вводится в модель мира адресата таким образом, чтобы он, соотнеся его с известным общепринятым, принял это новое знание, как свое, личное: SiBEERia, BeerЛога и др.

2. Формировании состояния сознания, которое облегчает внедрение необходимых установок.

А) Затуманивание смысла, внесение осознанной путаницы, подмена понятий (ресторан «House Mafia», бар Killfish Discount Bar).

Б) Исключение смысла. Живой и трепетный язык в городском коммуникативном пространстве Сибири уже превратился в мертвый, в «чатлано-пацакский» язык. Языковое пространство городской вывески сужается до междометия, аббревиатуры, цифры, предлагая иркутянину вообще не мыслить: Вах (парикмахерская), «Ням-ням», ИПС – Сервис, BBQ (барбекю), Sosoroco (кафетерий), ГОСТ (продуктовый магазин),

В) Несовпадение слухового образа слова («мыслительная стагнация» или «мыслительная лакуна»). Написание русских слов латиницей, а иностранных слов кириллицей приводит к мыслительному сбою и торможению, внося немалую языковую путаницу. Например, VELVET (?). Если это английское слово, то графический образ – верный, однако слуховой образ не равен графическому: VELVET читается как [velvit]. Кроме того, переводится слово как «бархат». А если это русское слово «вельвет», обозначенное латиницей, то при чтении будет искажен его слуховой образ: ВЕЛВЕТ.

3. Идея модальностей – представлений, основанных на пяти перцептивных системах (органах чувств)

А) Неблагозвучие. Многие иностранные названия характеризуются неблагозвучием, что вносит в языковую среду города элемент «речевой агрессивности»: SPAR (супермаркет), SUB CLAB (салаты, ролы), York Style (парикмахерская для животных), а также приводит к смешению двух фонетических систем: MYWAY (Lapsha), Jubba, SUB WAY, YOGA LOFT, WINELAND (напитки),

Ромпа, Сропп, Меусси. Трудно произносимые сочетания, неприятно задевая слух, нарушают благозвучие слова (эвфонию), придавая ему негативный эмоциональный фон».

Б) Трудноразличимое графическое письмо. Стоит обратить внимание на оформление наименований: некоторые из них приходится долго и внимательно рассматривать, чтобы прочитать. «Трудноразличимость» букв нарушает графическую гармонию слова, вызывая чувство досады и раздражения. Не всякому взрослому человеку удастся с первого раза прочитать вывеску и понять направление деятельности заведения, а что говорить о детях: NOGI v RUKI (магазин детских игрушек), О,Жён (студия красоты), oRRRo (ювелирная кондитерская), Сропп (магазин одежды), AVAYА (компания современных корпоративных систем и связей), Youla, PEREPOLOH, MBarGo, «MENDELSON», El, Pomidorra».

На улицах родного города иркутяне находятся в постоянном коммуникативном напряжении, прилагая массу усилий, чтобы прочитать слово-название. Не всякому взрослому человеку удастся с первого раза прочитать вывеску и понять направление деятельности заведения, а что говорить о детях: NOGI v RUKI (магазин детских игрушек), О,Жён (студия красоты), ПикаБуМ (развлекательный центр и игровое кафе), oRRRo (ювелирная кондитерская), Пронто (салон-красоты), Сропп (магазин одежды), NEWFORM (одежда для беременных), AVAYА (компания современных корпоративных систем и связей), Youla, PEREPOLOH, MBarGo, «MENDELSON», El'Pomidorra, Байс, KAYA, GO Shooes».

Создавая и меняя языковую среду своего бытия, мы не задумываемся над возможными последствиями своих действий, «невинного» словотворчества и безграничной распаханности для всего иностранного. А создаваемая нами среда на пике своей сформированности, полностью выместив прежнюю среду, становится явно зримой и агрессивно активной. И только в этот момент мы придем к осознанию потери культурной идентичности и национального самосознания и, несомненно, будем стремиться вернуть утраченное, но только в условиях критического уровня социального напряжения в обществе.

Информация об авторах

Музычук Татьяна Леонидовна – доктор филологических наук, проректор по научной работе, Байкальский государственный университет, 664003, Российская Федерация, г. Иркутск, ул. Ленина, 11, muzychuk@rambler.ru

Баклашкина Олеся Николаевна – кандидат филологических наук, доцент, кафедра иностранных языков, Байкальский государственный университет, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11, e-mail: olesyanb@yandex.ru

Authors

Tatiana L. Muzychuk – DSc. in Philology, Vice-Rector for Research, Baikal State University, Lenin St., 664003, Irkutsk, Russian Federation, muzychuk@rambler.ru

Olesya N. Baklashkina – PhD in Philology, Associate Professor, Department of Foreign Languages, Baikal State University, 11 Lenin St., 664003, Irkutsk, Russian Federation, e-mail: olesyanb@yandex.ru.

**ФОРМИРОВАНИЕ ОБРАЗА РОССИИ
ВО ФРАНЦУЗСКОЙ ПРЕССЕ
(ОРИЕНТИРУЮЩАЯ ФУНКЦИЯ ЯЗЫКА)**

В статье уделяется внимание ориентирующей функции языка, которая лежит в основе формирования языковой среды. Процесс формирования сознания человека и общества в целом зависит тесным образом от этой языковой среды, в которой находится индивид. Средства массовой информации играют немаловажную роль в создании этой среды и оказывают своего рода воздействующую функцию на сознание человека. В статье делается попытка проанализировать тексты французских общественно-политических изданий с целью выявления характерных языковых средств, которые формируют образ России.

Ключевые слова: ориентирующая функция языка; когнитивная лингвистика; языковая среда; консенсуальная область взаимодействий; языковое воздействие.

O.N. Baklashkina

**FORMATION OF THE IMAGE OF RUSSIA
IN THE FRENCH PRESS
(THE ORIENTING FUNCTION OF THE LANGUAGE)**

The article focuses on the orienting function of the language, which determines the language environment. The process of formation of the consciousness of man and society as a whole depends closely on this language environment in which the individual exists. The mass media play an important role in the creation of this environment and have a kind of impact on human consciousness. The article attempts to analyze the texts of French socio-political publications in order to identify the characteristic language tools that form the image of Russia.

Keywords: orienting function of the language; cognitive linguistics; language environment; consensual domain of interactions; language influence.

Введение

Вопрос о важности и значимости языка для человека и общества в целом является одним из самых насущных. Его роль в жизни человека и общества изучаются не только лингвистами, но и философами, психологами, антропологами, социологами, культурологами с разных методологических позиций и в разных аспектах. Но при многочисленных исследованиях о языке ни объективизм традиционной лингвистики, ни субъективизм «воплощенной», корпоральной лингвистики не могут объяснить сущность языка и его функцию, так как упускают из виду межсубъектный (диалогический) характер языковой деятельности [23]. Процесс формирования и развития человека, его сознания и общества в целом напрямую зависит от языковой среды. Язык является неотъемлемой частью жизнедеятельности человека и способствует его приспособлению к окружающей биологической и социальной среде.

Ориентирующая функция языка

Стремление получить более-менее полные ответы на вопросы о природе и функции языка привело к появлению когнитивной науки третьего поколения, которая подходит к изучению человеческой когниции и языка как свойств, укорененных в биологии человека как живого организма.

Любая картина мира является совокупностью представлений о мире, полученной в результате когнитивной деятельности, где когниция – это собирательное понятие, указывающее на процесс, включающий в себя восприятие, познание, мышление, представление, суждение и т.п. Как подчеркивает В.З. Демьянков, когниция – это не просто «знание» или «познание», а, скорее, «процедуры получения и использования «предзнаний» <...> разновидности мыслительных операций, обслуживающих и сопровождающих восприятие (в частности, обработку) и продуцирование как знаний, так и языковых выражений для этих знаний» [5, с. 5]. Когнитивные процессы не являются чем-то внешним по отношению к человеку

и не протекают исключительно в сознании отдельного человека, но «распределены в нашем мозге, телах, и, в некоторых случаях, социальном и физическом мирах» [6, с. 134]. П. Линелл в краткой характеристике когнитивной науки третьего поколения указывает, что когниция «осуществляется во взаимодействии между воплощенным сознанием индивида и миром; когниция характеризуется распределенностью (Э. Хатчинс), расширенностью (Э. Кларк), она инактивирована, воплощена, ситуативно и социально привязана (неовыготскианство) и экологична (неогибсонизм)» [16, с. 42]. Другими словами, когниция обусловлена не только организацией самого человеческого организма, но и контекстом/окружающей средой его существования (другими людьми, социокультурными аспектами, природой, артефактами и т.д.), а также пространственно-временными отношениям.

Когнитивный процесс неразрывно связан с языком: «[Н]азначение языка и его роль в человеческом обществе обуславливаются тем, что в первую очередь он служит когниции» [15, с. 64]. Более того, как считает А.В. Кравченко [14], человеческая когниция не просто связана с языком, но в значительной мере им определяется. Языковая способность человека является определяющей в процессе жизнедеятельности человека как живого организма, обеспечивающей его выживание и сохранение как вида [13]. Подходя к языку с позиций биологии познания, А.В. Кравченко определяет языковую деятельность как «определенные структуры поведения в когнитивной области взаимодействий, носящих ориентирующий характер и служащих осуществлению биологической функции адаптации организма к среде с последующим переходом к управлению ею» [10, с. 154]. С точки зрения биологической функции, язык является своеобразным продолжением органов чувств, «когда учитываемый объект уже не должен обязательно наличествовать в восприятии» [19, с. 64]. Именно поэтому язык следует рассматривать не как что-то внешнее по отношению к человеку, но как специфический вид деятельности, присущей исключительно человеку. Вступая во взаимодействия с окружающей средой, организм приспосабливается к ее условиям за счет накопления опытного знания, которое порождается/осмысливается самим организмом, а не «перенимает-

ся» или «приобретается» от других. Процесс мышления неразрывно сопряжен с языковой деятельностью [3; 4]. А.В.Кравченко [10] подчеркивает, что мышление без языка невозможно: даже когда мы рассуждаем «про себя», мы оперируем языковыми категориями.

Как биокогнитивное явление, язык служит не только для целей упорядочивания (т.е. категоризации) мира, в котором человеку нужно ориентироваться, но и для поддержания единства сообщества, членом которого является говорящий на этом языке человек. Это значит, что язык по своей природе социален [12]. Как структурно детерминированная живая система, «в которой и с которой все, что происходит, есть следствие ее структурной динамики, и в которой ничто, что является внешним по отношению к ней, не может специфицировать происходящие в ней процессы, но может только провоцировать изменения в структуре, детерминированные ее структурой» [18], отдельный человек не может существовать (и не может рассматриваться) вне естественной среды своего функционирования – общества, которое, в свою очередь, также является живой структурно детерминированной системой более высокого порядка [18]. Живая система представляет единство взаимодействий, которые протекают в определенной среде. Круговая организация живой системы предполагает наличие процессов, поддерживающих жизнедеятельность системы, которые носят рекурсивный характер и определяют область и вид взаимодействий системы со средой. Языковые взаимодействия являются неотъемлемой частью жизни человека и одним из условий выживания и адаптации индивида в социуме, когда человек вступает во взаимодействия с себе подобными посредством речи либо находит для себя ориентиры в текстовом поле языка (термин А.В. Кравченко [8]), образованном текстами как культурными артефактами (или сам участвует в создании ориентиров как автор текстов).

В процессе языковых взаимодействий с другими в консенсусальной области говорящий при выборе определенных языковых единиц опирается (осознанно или нет) на релевантные области пересечения собственного когнитивного опыта и опыта слушающего, таким образом ориентируя последнего. Другими словами, определив общую систему координат в процессе взаимодействий,

говорящий/пишущий посредством языковых знаков устанавливает значимые для слушающего/читающего ориентиры с целью подведения последнего к определенным умозаключениям. Именно ориентирующая функция языка является основной с точки зрения биологии познания и языка [18; 7; 24].

Вступая в языковые взаимодействия, люди формируют свое поведение исходя из своей интерпретации услышанного/прочитанного. Каждый человек сам, в силу своих индивидуальных характеристик определяет релевантные для себя ориентиры.

Как правило, это происходит неосознанно и носит опытный характер, поскольку для поддержания своей жизнедеятельности человек, будучи живой системой, адаптируется к окружающей среде за счет накопления опыта определенных рекурсивных взаимодействий, не нарушающих идентичности системы.

Взаимодействуя между собой, люди создают языковую среду – специфическую когнитивную нишу, которая определяет когнитивное развитие индивида в отдельности и общества в целом [11; 22] и является жизненно необходимым условием существования человека [9]. Формирование человека как индивида, образ его мышления и поведения определяется языковой средой, которая, в свою очередь, порождается в процессе социальных взаимодействий индивидов. Такого рода взаимоотношения предстают в виде круговой системы «общество – язык – человек – общество» [7]. С одной стороны, состояние языковой среды зависит от общества, с другой стороны, языковая среда оказывает влияние на социум посредством организации образа мышления отдельного человека. Это позволяет говорить о языке как специфическом измерении экологии человека [21; 9; 11; 2].

Опыт языковых взаимодействий живого организма с социальной средой оказывает формирующее воздействие на него и обуславливает особенности его дальнейшей жизнедеятельности. Слова и выражения, которые мы слышим ежедневно, оказывают влияние не только на наше психоэмоциональное состояние, но и на физическое тоже. Ярким примером формирующего воздействия языка на общество является язык СМИ.

Роль СМИ в формировании образа страны

Вопрос воздействия на общественное сознание средствами массовой информации, прагматическое использование и модифицирование языка как инструмента социального влияния является очень актуальным в настоящее время, поскольку сейчас мы наблюдаем расширение информационного пространства за счет увеличения способов получения информации, а соответственно, и способов воздействия на сознание человека.

Еще в середине XX века американский политолог Г. Лассуэл сформулировал теорию линейной коммуникации, согласно которой воздействующая функция языка является основной функцией средств массовой информации. Позднее была разработана медиаориентированная парадигма исследования средств массовой информации, рассматривающая реципиента преимущественно как объект воздействия, а эффективность коммуникации – как результат выполнения социального заказа. Такого рода воздействие на общественное сознание проявляется в двух формах – открытой и скрытой.

Открытая форма воздействия на общественное и индивидуальное сознание подразумевает риторическое построение высказывания. Наиболее распространенным и эффективным видом скрытого воздействия на сознание является языковое манипулирование общественным сознанием как основное проявление скрытого воздействия на сознание.

На современном этапе средства массовой информации используют возможность влияния на общественное сознание настолько интенсивно, что ряд исследователей уже выделяет манипулятивное воздействие как одну из важнейших функций средств массовой информации наряду с информационной, образовательной, артикуляционной, критики и контроля.

Манипулирование сознанием осуществляется вербальными, визуальными и акустическими способами на трех уровнях: индивидуальном, групповом и массовом. Путем манипулирования в сознание внедряются идеи, образы, ассоциации, стереотипы, которые могут полностью, причем незаметно для объекта воздействия, изменить его отношение к миру или картину мира всего социума. Именно языковое манипулирование ярко реализует ориентирую-

щую функцию языка, нацеленную на формирование особой языковой картины мира, влекущей за собой изменение консенсуальной области взаимодействий, а в дальнейшем и изменение системы ценностей общества в целом.

В современном обществе СМИ выполняют основную функцию по выработке и сохранению общей ценностно-нормативной платформы: что такое хорошо, что такое плохо и как, соответственно, стоит думать и поступать. В качественной журналистике важным является четко отделять факты от мнений, предоставлять читателю, зрителю, пользователю сформировать свое мнение, самому сделать выводы. То, каким образом сложится выполнение этой функции, зависит от журналистской культуры, от редакционной политики, от способа выражения отношения к предмету описания. Все это можно пронаблюдать на примере языковых средств выражения, которые использует журналист. Благодаря языковым средствам происходит информирование и фокусирование внимания аудитории на определенных событиях и проблемах.

Формирование того или иного образа государства во многом определяется положением страны на мировой арене, её политических взглядов, уровня культуры и экономики. Этот образ государства создается, в первую очередь, СМИ. «В современном глобальном информационном обществе, где процесс обмена, получения и донесения информации вышел на качественно новый уровень, нельзя недооценивать важную роль СМИ в формировании международного образа государства» [17, с. 5]. СМИ выступают в роли некоего катализатора, ускоряющего процессы формирования положительного или отрицательного образа государства на мировой арене. При этом важно, какие роли реализует государство на международной арене. Определенный образ может сложиться, если «государство отличается своим особым статусом в системе международных отношений, который определяется членством в международных организациях, дружественными или враждебными отношениями с теми или иными странами» [20, с. 40]. Имея позитивный образ страны, проще осуществлять процесс коммуникации с другими странами, их социальными институтами и жителями. Негативный же образ затрудняет успешность такого процес-

са и мешает эффективной деятельности государства за пределами его территории. Именно СМИ могут быть генератором создания как негативного, так и позитивного образа государства.

Образ России в зарубежных средствах массовой информации может приобретать характерные черты за счет анализа образа жизни гражданина, что воссоздает портрет типичного россиянина, что в свою очередь является составляющей образа России в целом. Немаловажной особенностью формирования образа страны стереотипы, укоренившиеся в обществе. До сих пор на страницах в зарубежных средствах массовой информации Россия представлена как «дикий неуклюжий медведь», страна с суровым климатом и президентом диктатором.

Образ страны формируется и за счет образа президента. Так, личность В.В. Путина всегда вызывает интерес и притягивает внимание зарубежных средств массовой информации. «На первом этапе сложился образ сильного либерального лидера – строителя нового демократического государства. Причем на протяжении довольно долгого времени новый президент представлялся американцам человеком во многом загадочным и даже таинственным. Позднее ореол таинственности исчезает, и Путин предстает уже в образе авторитарного властителя, отказавшегося от демократических завоеваний, источника опасности и скрытой угрозы для западного мира» [1, с. 226]. Внимание журналистов сосредоточено и на политических деятелях, на конфликтах (в том числе вооруженные), в которых задействована Россия.

Важно отметить, что формирование образа страны напрямую зависит от отношений, в которых находится Россия со стороной зарубежных средств массовой информации. Благодаря длительным и тесным связям с Францией Россия всегда представляла интерес для французских СМИ. Все сферы деятельности освещаются во французской прессе: политика, экономика, культура, здравоохранение, происшествия и т.д.

Образ России в современной французской прессе

В данной части мы рассмотрим образы России, сформированные во французской прессе на материале двух французских газет *Le Figaro* и *Le Monde*.

В статьях, посвященных отношениям с США, Россия представлена в виде агрессивно настроенного государства, которое представляет угрозу не только США, но и всему миру.

Так, в статье под названием «LaRussiemenacedebloquerFacebook» («Россия угрожает заблокировать Facebook») несколько раз употреблен глагол «угрожать» и «поднимать тон». Например,

«Les autorités russes *ont menacé de bloquer le réseau social américain Facebook en 2018 s'il ne respecte pas une loi récente contraignant les sociétés internet à stocker les données personnelles de leurs utilisateurs en Russie.*» (Российские власти пригрозили заблокировать американскую социальную сеть Facebook в 2018 году, если она не будет соблюдать недавний закон, ограничивающий интернет-сообщества хранить личные данные их пользователей в России).

«Ce n'est pas la première fois que les autorités *haussent le ton* face aux géants américains de l'internet concernant l'application de cette loi qui a déjà conduit au blocage du réseau professionnel LinkedIn.» (Уже не первый раз власти поднимают голос на американских управляющих сети интернет по поводу этого закона, который привел к блокировке профессиональной сети LinkedIn) (LeFigaro 26/09/2017)¹.

В прессе не умолкают разговоры о всемогущем влиянии и вмешательстве России в президентские выборы в США, и соответственно, о попытке влияния на выборы во Франции:

«Richard Burr, chef du Renseignement du Sénat américain, chargé de diriger l'enquête sur *l'ingérence* de la Russie dans la présidentielle américaine a affirmé jeudi que les Russes étaient activement impliqués dans la campagne électorale française.» (LeFigaro 31/03/2017)².

Если речь идет об оппозиции в стране, о свободе выбора, о стиле управления страны, то Россия представлена как государство, в котором нет свободы слова, установлен тоталитарный режим, ведется слежка, существуют доносы и фабрикуются уголовные дела. Так, в статье под названием «Russie: le pouvoir *bâillonne* la

¹ URL: <http://www.lefigaro.fr/flash-eco/2017/09/26/97002-20170926FILWWW00121-la-russie-menace-de-bloquer-facebook-en-2018.php>.

² URL: <http://video.lefigaro.fr/figaro/video/selon-washington-la-russie-est-activement-impliquee-dans-la-presidentielle-francaise/5380042037001/>.

presse libre dans l'Oural» (Россия: власть затыкает рот свободной прессе на Урале) можно увидеть полную гамму лексических средств, которые представляют Россию в таком виде:

«Il leur a fallu seulement trois semaines pour boucler un volet de l'enquête qui aujourd'hui se compose de vingt-six tomes» (Им потребовалось всего три недели, чтобы сфабриковать дело, которое на сегодняшний день состоит из 26 томов),

«Autant de griefs «spécialement fabriqués», et destinés, selon elle, à sanctionner sa politique éditoriale. (Столько «специально сфабрикованных» претензий», направленных, по ее мнению, на то, чтобы санкционировать издательскую политику).

«Mouchards professionnels» (Профессиональные доносчики) (Le Figaro 24/06/2017)¹ Выбор лексических средств журналистами демонстрирует их желание показать недемократический характер действий правительства. Так, в статье, которая освещала митинг сторонников А. Навального, употребление глагола «briguer» (добиться чего-то за счет интриг) это подтверждает:

«Tout porte à croire en revanche que M. Poutine, bien que n'ayant pas encore fait officiellement acte de candidature, *briguera* un nouveau mandat, le quatrième.» (Судя по всему Путин, хотя он официально не выставил свою кандидатуру, пройдет на новый срок, четвертый, благодаря интригам свой мандат (Le Monde 08/10/2017)² [28].

Часто журналисты используют метафоры для формирования образа России. Так, использование метафоры «политическая машина Кремля» указывает на мощь существующей власти, машины, которая запущена, остается на ходу и может подмять под себя все что угодно и кого угодно:

«*La machine politique du Kremlin* n'a plus, à ce stade, qu'une seule raison d'être: assurer des élections paisibles et suffisamment crédibles en 2018, à l'issue desquelles le président russe Vladimir Poutine devrait remporter un nouveau mandat d'une durée de six ans – son second

¹ URL: <http://www.lefigaro.fr/international/2013/06/24/01003-20130624ARTFIG00523-russie-le-pouvoir-baillonne-la-presse-libre-dans-l-oural.php>.

² URL: http://www.lemonde.fr/europe/article/2017/10/07/a-saint-petersbourg-les-partisans-de-navalny-se-mobilisent-pour-une-vraie-election-presidentielle_5197829_3214.html?xtmc=russie&xtcr=4.

d'affilé, son quatrième depuis 1999 et, on peut l'imaginer, son dernier.» (LeMonde 08/10/2017)¹

Внутренний конфликт на Украине по-прежнему трактуется французскими СМИ военное вмешательство России на восток Украины, а присоединение Крыма к Российской Федерации как аннексия, а не волеизъявление граждан Крыма на присоединение к России.

«Quelques mois plus tard, *l'annexion de la Crimée* et *l'intervention militaire* dans l'est de l'Ukraine faisaient plonger ces relations au point le plus bas depuis la guerre froide.» (LeMonde 04/10/2017)²

Заклучение

Биосоциальная функция языка, в отличие от традиционно приписываемой ему функции «инструмента передачи информации», заключается в поддержании единства живой системы как единства взаимодействий в консенсуальной области – как на уровне индивида, так и на уровне общества. Создаваемая в процессе языковых взаимодействий отдельных индивидов языковая среда оказывает формирующее воздействие на мышление и сознание человека и общества в целом. Язык СМИ оказывает существенное влияние на формирование языковой среды, а соответственно и мышления общества, в котором присутствует эта среда. В ходе анализа языкового материала был выявлен образ России во французской прессе, который представляет страну как агрессора, представляющего угрозу всему миру, способного подавать любые демократические настроения подобно мощной машине, при этом используя не всегда законные методы.

Список использованной литературы

1. Баталов Э.Я. «Рычащий медведь на «диком Востоке»: Образы современной России в работах американских авторов. 1992–2007 / Э.Я. Баталов, В.Ю. Журавлева, К.В. Хозинская; Ин-т США и Канады РАН. – М. : РОССПЭН, 2009. – 384 с.

¹ URL: http://www.lemonde.fr/idees/article/2017/10/04/je-ne-peux-qu-etre-pessimiste-quant-aux-relations-entre-l-union-europeenne-et-la-russie_5196044_3232.html#KY4MGHjRILFqMHw4.99.

² URL: http://www.lemonde.fr/idees/article/2017/10/04/je-ne-peux-qu-etre-pessimiste-quant-aux-relations-entre-l-union-europeenne-et-la-russie_5196044_3232.html#KY4MGHjRILFqMHw4.99.

2. Бойко С.А. Англицизмы в современном русском языке: лингвоэкологический аспект / С. А. Бойко // Экология языка и коммуникативная практика. – 2014. – № 2. – С. 32–43.

3. Выготский Л.С. Собрание сочинений: в 6 т. / Л.С. Выготский; гл. ред. А. В. Запорожец. – М. : Педагогика, 1984. – Т. 6. – 400 с.

4. Выготский Л.С. Мышление и речь / Л.С. Выготский. – 5-е изд., испр. – М.: Лабиринт, 1999. – 352 с.

5. Демьянков В.З. Когниция и понимание текста / В.З. Демьянков // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2005. – № 3. – С. 5–10.

6. Коули С. Динамика когнитивных процессов и науки о языке / С. Коули, А.В. Кравченко // Вопросы языкознания. – 2006. – № 6. – С. 133–141.

7. Кравченко А.В. Знак, значение, знание: Очерк когнитивной философии языка. / А.В. Кравченко. – Иркутск : Иркут. обл. тип. № 1, 2001. – 261 с.

8. Кравченко А.В. К определению понятия функциональной неграмотности / А.В. Кравченко // Лингвистические парадигмы и лингводидактика : материалы 8-й Междунар. науч.-практ. конф., Иркутск, 19–20 июня 2003 г. / под ред. А. В. Кравченко. – Иркутск : Изд-во БГУЭП, 2003. – С. 7–17.

9. Кравченко А. В. Два взгляда на экологию языка и экологическую лингвистику / А.В. Кравченко // Экология языка и коммуникативная практика. – 2014. – № 2. – С. 90–99.

10. Кравченко А.В. Когнитивный горизонт языкознания / А.В. Кравченко. – Иркутск : Изд-во БГУЭП, 2008. – 320 с.

11. Кравченко А.В. Экология языка и языковая политика / А.В.Кравченко// Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2011. – № 13. – С. 24–29.

12. Кравченко А.В. Понятие социолингвистики как метаязыковой казус / А.В. Кравченко// Язык – когниция – социум : тез.докл. Междунар. науч. конф., Минск, 12–13 нояб. 2012 г. – Минск : Изд-во МГЛУ, 2012. – С. 47–48.

13. Кравченко А.В. Биологическая реальность языка / А.В. Кравченко // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2013. – № 1. – С. 55–63.

14. Кравченко А.В. Понятие языковой когнитии, или что в имени? / А.В. Кравченко // Когнитивные исследования языка. – 2013. – № 15. – С. 58–66.

15. Кубрякова Е.С. В поисках сущности языка: когнитивные исследования / Е.С. Кубрякова. – М. : Знак, 2012. – 208 с.

16. Линелл П. Два взгляда на природу языка: формальная лингвистика (с ее письменно-языковой предвзятостью) vs диалогическая лингвистика / П. Линелл // *Studialinguistic cognitive: сб. науч. тр. / под ред. А. В. Кравченко*. – М. : Флинта, 2013. – Ч. 1. – С. 41–58.

17. Малеева О.В. Роль СМИ в формировании образа России : автореф. дис. ... канд. полит. наук : 23.00.02 / О.В. Малеева. – М., 2008. – 16с.

18. Матурана У. Биология познания / У. Матурана // *Язык и интеллект / пер. с англ. Ю. М. Мешенина*. – М. : Прогресс, 1996. – С. 95–142.

19. Моррис Ч.У. Семиотика / Ч.У. Моррис; под ред. Ю.С. Степанова. – М. : Радуга, 1983. – 636 с.

20. Шестопал Е.Б. Образы государств, наций, лидеров / Е.Б. Шестопал. – М. : Аспект Пресс, 2008. – 288 с.

21. Haugen E. The Ecology of Language / E. Haugen. – Stanford Univ. Press, 1972. – 366 p.

22. Kravchenko A.V. Human autopoiesis? / A.V. Kravchenko // *Constructivist Foundations*. – 2014. – № 9 (2). – P. 177–179.

23. Linell P. Rethinking Language, Mind and World Dialogically: Interactional and contextual theories of human sense-making / P. Linell // *Journal of Multicultural Discourses*. – 2009. – № 02. – P. 197–210.

24. Love N. Cognition and the language myth / N. Love // *Language Sciences*. – 2004. – Vol. 26, №. 6. – P. 525–544.

References

1. Batalov E. Ya., Zhuravleva V. Yu., Khozinskaya K. V. «Rychashchii medved' na «dikom Vostoke»: obrazy sovremennoi Rossii v rabotakh amerikanskikh avtorov. 1992–2007 [«The roaring bear in the “Wild East”: images of modern Russia in the works of American authors. 1992–2007]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2009. 384 p.

2. Boiko S. A. Anglicisms in the modern Russian language: the linguo-ecological aspect. *Ekologiya yazyka i kommunikativnaya praktika* = Language ecology and communication practice, 2014, no. 2, pp. 32–43. (In Russian).

3. Vygotsky L. S.; Zaporozhets A. V. (ed.). *Sobranie sochinenii* [Collected works]. Moscow, Pedagogika Publ., 1984, vol. 6. 400 p.

4. Vygotsky L. S. *Myshlenie i rech'* [Cogitation and speech]. 5th ed. Moscow, Labirint Publ., 1999. 352 p.

5. Demyankov V. Z. Cognition and text comprehension. *Voprosy kognitivnoi lingvistiki* = Issues of Cognitive Linguistics, 2005, no. 3, pp. 5–10. (In Russian).

6. Kouli S., Kravchenko A. V. Dynamics of cognitive processes and language sciences. *Voprosy yazykoznaniiya* = Language Science Issues, 2006, no. 6, pp. 133–141. (In Russian).

7. Kravchenko A. V. *Znak, znachenie, znanie: ocherk kognitivnoi filosofii yazyka* [Sign, meaning, knowledge: an essay in the cognitive philosophy of language]. Irkutsk, Oblastnaya tipografiya № 1 Publ., 2001. 261 p.

8. Kravchenko A. V. Towards the definition of functional illiteracy. *Lingvisticheskie paradigmy i lingvodidaktika. Materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Irkutsk, iyunya 2003 g.* [Linguistic paradigms and language pedagogy. Papers of International Scientific Conference, Irkutsk, June 2003]. Irkutsk, Baikal State University of Economics and Law Publ., 2003, pp. 7–17. (In Russian).

9. Kravchenko A. V. Two points of view on language ecology and ecological linguistics. *Ekologiya yazyka i kommunikativnaya praktika* = Ecology of Language and Communicative Practice, 2014, no. 2, pp. 90–99. (In Russian).

10. Kravchenko A. V. *Kognitivnyi gorizont yazykoznaniiya* [Cognitive horizon of language science]. Irkutsk, Baikal State University of Economics and Law Publ., 2008. 320 p.

11. Kravchenko A. V. Language ecology and language policy. *Aktual'nye problem filologii i pedagogicheskoi lingvistiki* = Essential issues of philology and pedagogical linguistics, 2011, no. 13, pp. 24–29. (In Russian).

12. Kravchenko A. V. The notion of sociolinguistics as a metalinguistic casus. *Yazyk – kognitsiya – sotsium. Materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*, Minsk, noyabrya 2012 g. [Language – cognition – society. Papers of International Scientific Conference, Minsk, november 2012 g.]. Minsk State Linguistic University Publ., 2012, pp. 47–48. (In Russian).

13. Kravchenko A. V. Biological reality of the language. *Voprosy kognitivnoi lingvistiki = Issues of Cognitive Linguistics*, 2013, no. 1, pp. 55–63. (In Russian).

14. Kravchenko A. V. The notion of language cognition or what's there in the name? *Kognitivnye issledovaniya yazyka = Cognitive language studies*, 2013, no. 15, pp. 58–66. (In Russian).

15. Kubryakova E. S. *V poiskakh sushchnosti yazyka: kognitivnyye issledovaniya* [In search of the language essence: cognitive studies]. Moscow, Znack Publ., 2012. 208 p.

16. Linell P. Two points of view on the language nature: formal linguistics (with its written language bias) vs dialogical linguistics. In Kravchenko A. V. (ed.). *Studia linguistica cognitiva*. Moscow, Flinta Publ., 2013, part 1, pp. 41–58. (In Russian).

17. Maleeva O. V. *Rol' SMI v formirovaniy obraza Rossii. Avtoref. Kand. Diss.* [The role of Mass Media in the formation of Russia's image. Cand. Diss. Thesis]. Moscow, 2008. 16 p.

18. Maturana H. R. *Biology of Cognition*. University of Illinois, 1970. 27 p. (Russ. ed.: Maturana U. *Biologiya poznaniya*. In *Yazyki intellect*. Moscow, Progress Publ., 1996, pp. 95–142.).

19. Morris Ch. U.; Stepanov Yu. S. (ed.). *Semiotika* [Semiotics]. Moscow, Raduga Publ., 1983. 636 p.

20. Shestopal E. B. *Obrazy gosudarstv, natsii, liderov* [Images of states, nations, leaders]. Moscow, Aspekt Press Publ., 2008. 288 p.

21. Haugen E. *The Ecology of Language*. Stanford University Press, 1972. 366 p.

22. Kravchenko A. V. Human autopoiesis? *Constructivist Foundations*, 2014, no. 9(2), pp. 177–179.

23. Linell P. Rethinking Language, Mind and World Dialogically: Interactional and contextual theories of human sense-making. *Journal of Multicultural Discourses*, 2009, no. 02, pp. 197–210.

24. Love N. Cognition and the language myth. *Language Science*, 2004, vol. 26, no. 6, pp. 525–544.

Информация об авторе

Баклашкина Олеся Николаевна – кандидат филологических наук, доцент, кафедра иностранных языков, Байкальский государственный университет, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11, e-mail: olesyanb@yandex.ru.

Author

Olesya N. Baklashkina – PhD in Philology, Associate Professor, Department of Foreign Languages, Baikal State University, 11 Lenin St., 664003, Irkutsk, Russian Federation, e-mail: olesyanb@yandex.ru.

**АЛФАВИТ КАК КЛЮЧ
К НУМЕРОЛОГИЧЕСКОМУ ДЕКОДИРОВАНИЮ
ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА**

Простейший способ описания моделированной упорядоченности мира – цифровой. Текст как одна из моделей реальной действительности подчиняется естественным законам и также может быть описан с помощью чисел. Нумерологический подход к исследованию текста не является традиционным. В его основе лежит система чисел (пифагорейцы), а также таблицы буквенно-числовых соответствий.

Заглавие-дата выстраивает хронологический ряд. Хронологическое заглавие моделирует поведение персонажей. Частотность хронологических единиц предопределяет ритм произведения. Хронологический ряд задается автором. Возможно, при переводе цифрового обозначения текста в вербальную систему откроется его скрытый смысл. Ключом к его декодированию является именно алфавит.

Ключевые слова: моделированная упорядоченность мира; цифровой способ описания, буквы и числа; особый код; нумерологическая система; алфавит; художественный текст; заглавие; хронологический ряд; нумерологические функции; таблицы буквенно-числовых соответствий.

N.I. Byalous

**ALPHABET AS THE KEY TO NUMEROLOGICAL
DECODING OF FICTION**

The easiest way to describe the expediency of the world is a digital one. Text as one of its models is organized according to the natural laws. That is why it also can be described in numbers. A numerological approach to the text is not traditional. It is based on the system of numbers and special reference tables of letters and the corresponding numbers.

The date-title forms up a chronological row. A chronological title models the character's behavior. The frequency of chronological units predetermines the rhythm of the text. A chronological row is determined by the author. Turning the digital titles into a verbal system might reveal their hidden meaning. The alphabet serves as the key.

Keywords: the expediency of the world; digital way of describing; letters and numbers; specific code; numerological system; alphabet; fiction; title; chronological row; numerological functions; reference tables of numbers and the corresponding letters.

Окружающий мир воспринимается человеком через органы чувств. Простейший способ описания моделированной упорядоченности мира – цифровой. Так, еще древнегреческие математики, следуя пифагорейцам, полагали, что Вселенная приводится в движение числами. Различают целые числа: 1, 2, 3, 4, 5 и т.д. Геометрические тела могут быть описаны квадратными числами, к которым относятся 1, 4, 9, 16, 25, и треугольными – 1, 3, 6, 10, 15, 21. Именно пифагорейцы обнаружили следующую закономерность: при сложении треугольных чисел получаются квадраты: $1 + 3 = 4$; $3 + 6 = 9$; $6 + 10 = 16$; $10 + 15 = 25$. Почему это так важно? Дело в том, что окружающий нас мир геометрически пропорционален. Пропорции предполагают симметрию. Известно также, что окружающий нас мир наполнен знаками, большинство которых пока не подлежит осмыслению Человечеством.

С давних времен человечество использует для измерения натуральные числа: положительные и отрицательные. Событие – это изменение, происходящее в мире между одним моментом и следующим. Именно событийность отличает художественный текст от не художественного.

Существует пока никем не опровергнутая точка зрения, что все, что создано во Вселенной, в частях ее и в целом, определено и упорядочено в соответствии с числом по замыслу Творца всего сущего [2, с. 5]. В Библии числовые соответствия представлены в форме откровения. Числа суть символ гармонии, порядка в противовес хаосу. Подобно словам, числа выступают неотъемлемыми качествами всех существ и предметов. Числа в Библии являются

элементами особого кода, с помощью которого описывается Вселенная, человек и сама нумерологическая система мироздания. Уже со времен Пифагора известно, что буква – это то же, что и цифра, у них одинаковые вибрации. Буквенный Алфавит, по мнению О.Ф. Мирошниченко, обладает способностью к переходу смысловой, буквенной и звуковой информации в цифровую [1, с.73]. Каждая буква имеет три числовых характеристики: 1) порядковый номер; 2) числовое значение буквы или нумерологическое значение, которое не равно порядковому номеру буквы; и 3) числовой код буквы (количество углов в ее графическом символе) [1, с. 95]. Буквы языка Библии выполняют нумерологические функции, передавая в зашифрованном виде нужную информацию посвященным. Вследствие этого, каждая буква имела соответствие своему числовому эквиваленту, создавая глубоко мистическую связь между отдельными словами, предложениями, главами и целыми книгами Писания [2, с. 7].

В ходе эволюции Человек вел счет своим наблюдениям, наделял именами объекты окружающего мира, которые были по сути счетными или числовыми представлениями, растворявшимися постепенно в языке [2, с. 12].

Нумерологический символ содержит Высшую истину, представленную в зашифрованном знаковом виде [2, с. 13]. В числовом символе происходит сакральное переплетение двух реальностей: духовной и материальной, внешней и внутренней, мирской и возвышенной.

Ориентируясь на числовые соответствия Библии, можно определить свое место в мире, моделировать собственное поведение.

Само понятие числа в разных языках соотносится с миропорядком, мироустройством [2, с. 14]. Каждое библейское слово является сокровенным числом. «Современная библейская нумерология различает три вида числовых обозначений, содержащихся в Писании:

1. Примененные и понимаемые буквально, конкретно (расстояния, размеры, хронология, количество).
2. Условные, метафорические (образно-художественное значение).
3. Символические, сакральные (гематрийные) [2, с. 19].

Структурность макро- и микрокосма в их временной и пространственной последовательности подчинена числовым отношениям. В философии употребление чисел в мистико-возвышенном значении понимается как ирреально-знаменательное.

Человек познает Вселенную через чувства, но выражает свои познания с помощью речи и письма. Все сообщения, которыми мы пользуемся в языке, сопряжены со словами и числами. Современные средства коммуникации ярчайшее тому подтверждение.

Существует наука гематрия (от греческого – геометрия), которая изучает способы передачи имени или названия предметов посредством чисел.

Изначально языки, на которых была написана Библия (латынь, иврит и греческий), не использовали числовых обозначений. В качестве цифр применялись буквы алфавита, которые наделялись тем или иным нумерологическим значением. Так, до сих пор некоторые римские буквы используются для числовых обозначений: I – 1; V – 5; X – 10; L – 50; C – 100; D – 500; M – 1000. В музыке принят тройной ряд соответствий: латинская буква, обозначаемая ею нота в словесном выражении (например, C – «до»), а также графический нотный знак. Когда-то использовалась крюковая система нотных обозначений.

Существуют таблицы буквенно-числовых соответствий для языков, на которых была первоначально написана Библия, а также таблица числовых значений букв кириллицы.

Для нумерологического описания художественного текста нам необходимы числовые значения букв английского (латынь) и русского (кириллица) алфавитов.

Сюжеты многих художественных произведений выстроены хронологически. Числовые данные служат подзаголовками для глав и главок и как любые заглавия выполняют организующую роль, приводя содержание текста в систему, структурированную определенным образом.

Рассмотрим нумерологические соответствия на примере романа Дж.Твайнинга «Черное солнце» [3]. Наличие буквенно-числовых аналогов не требует доказательств. Если возможно нумерологическое прочтение Библии, почему бы не попытаться извлечь

скрытый смысл художественного текста, кроющийся за хронологическим рядом произведения?

Изначально роман был написан на английском языке. Теперь он издан и на русском. Числа универсальны. Но, возможно, их перевод в систему одного и другого языков привел бы к различным результатам. Едва ли можно установить, почему автор произведения выбрал именно это время действия: конец декабря и начало января (27 декабря, 2.59(!) – 13 января (не самое лучшее число в англоязычном мире), 15.02. Кстати сказать, новогодние праздники в данном случае никоим образом не упоминаются.

Поскольку сюжет произведения построен на декодировании зашифрованного послания, следовало ожидать, что автор воспользуется каким-либо шифром, чтобы позабавиться над читателем. Однако сопоставление с таблицами буквенно-числовых соответствий ни к чему не привело: и на английском языке, и на русском это всего лишь беспорядочный набор букв, не складывающийся в смыслоречение.

После сложения всех цифр-заглавий и сокращения суммы до однозначного числа стало возможным представить развитие сюжета в виде графика. На графике видно, что временная составляющая романа следует, как и в реальности, слева направо, но она не является прямой линией или стрелой. Это ломаная линия с верхними пиками в 1, 11, 15, 19, 22 и 23 главках, причем максимальный пик приходится на 32 главку и совпадает с кульминацией произведения. Нижние пики отмечены в главках № 9, 13 и 16. Таким образом, временная линия обладает лево- и правосторонним пошаговым движением, что нарушает однородность ткани текста.

То же с пространственными указателями. На графике они складываются в ломаную линию. Если взглянуть на пространственно-временные индикаторы с точки зрения классической геометрии, то можно найти аналоги точек, линий и плоскостей. Целые числа, обозначающие время – плоскости, их десятичные значения – точки. Название страны как место действия – плоскость, конкретное место с точным адресом (город, улица, здание) – точка. И то, и другое складывается в ломаную линию. Их переплетение представляет собой сеть или решетку с неравными асимметричны-

ми ячейками. Кстати, в обозначении главок принят «адресный» порядок: от дробного (город) – к более общему (страна). Например, Рынок «Баро», Сатуорк [3, с. 3].

«Черное солнце» Дж. Твайлинга представляет интерес для нумерологических исследований, потому, что числа являются не только структурно-организующими элементами, но служат ключевыми параметрами данного художественного текста.

В основе сюжета произведения лежит библейский код, о котором уже упоминалось. Герои романа ищут янтарную комнату (ту самую!), опираясь на зашифрованное сообщение, которое можно было дешифровать только с помощью специальной машины «Энигма» с правильными кольцевыми установками (тот же принцип, что и в Торе и в ранней Библии).

Роман содержит пролог, основную часть и эпилог. Все произведение, не считая пролога и эпилога, разбито на 11 глав и 54 главки. Каждая из них озаглавлена не вполне обычным способом: это обозначение времени и места действия. Причем время указано с точностью до минуты, но год при этом неизвестен. Почему? Очевидно, этот прием обеспечивает синхронность периода действия романа и его прочтения читателем. Эффект присутствия, используемый в репортажах.

Любое заглавие моделирует текст. Оно служит отправной точкой развертывания произведения и одновременно его рамкой. Заглавие-дата выстраивает хронологический ряд. Модель становится более жесткой, если в заглавии заявлено также и место действия. Место и время – взаимосвязанные понятия (хронотоп). Время – четвертый элемент трехмерной пространственной модели. Хронологическое заглавие моделирует также поведение персонажей. Но, прежде всего, оно задает определенный ритм произведению. Так, в большинстве глав содержится примерно одинаковое количество главок (5 или 6). Это обеспечивает равномерный ритм повествования. Но некоторые главы разбиты более дробно: в восьмой и девятой главах содержится по 7 главок. Такое деление ускоряет ритм произведения. И наоборот, шестая глава содержит только 3 главки, а последняя одиннадцатая глава – только одну. Это в значительной мере замедляет ритм повествования. Эпилог имеет хронологиче-

ское обозначение, как и все главки. Время и пространство приходят к единой абсолютной точке – это гроб у открытой могилы. Минимальное движение оставшихся в живых персонажей и абсолютная неподвижность ушедших в мир иной. Таким образом, в целом можно охарактеризовать ритм произведения как пульсирующий, неоднородный. Замедление ритма приходится на последнюю главу произведения. Оно обладает также конечной точкой – эпилогом. Но, оказывается, не только временные указатели влияют на ритм текста. Не случайно автор романа снабдил главки заглавиями, содержащими пространственные ориентиры. В обычной жизни время однонаправленно, в художественном произведении оно может иметь не только обратную направленность, но и стороннюю, что никогда не происходит в реальном мире. Так, во второй главе хронологический ряд, относящийся к 5 января, состоит из следующих цифр: 12.34; 5.34; 12.56; 14.03; 14.09; 16.32; 20.35; 21.29. Однако действие происходит в одном и том же месте в 5.34 и в 14.09. Эпизод главки «14.09» хронологически следует за главкой «14.03», но повторное указание места действия (главка «5.34») сообщает ретроспективный характер ходу времени, которое у персонажей может быть еще и внутренним (интроспективным).

Особенностью романа является также то, что разбивка на главы не совпадает с делением на даты. Например, события, происходящие 5 января, начинаются в последней главке первой главы. Тем самым осуществляется когезия текста.

Упомянутое шифровальное устройство, возможно, служит ключом к раскрытию истинного смысла произведения. Известно, что художественный текст выстраивается тематически и структурно сообразно заявленному заглавию. В данном художественном тексте заглавия представлены в виде цифр, которые, на первый взгляд, не имеют прямого отношения к озаглавленному отрывку. Большинство заголовков – это хронологически дробные обозначения (часы и минуты). Возможно, при переводе чисел в вербальную систему мы узнаем действительный замысел автора и по-иному прочтем каждый отрывок и весь текст в целом. Вероятнее всего, русская (переводная) версия и аутентичная (английская) могут не совпасть, как это многократно наблюдалось при

издании художественных произведений и прокате зарубежных фильмов. Конечно, это всего лишь предположение, но художественная литература неоднократно являла миру загадки. Так что же таится за цифровым кодом?

Список использованной литературы

1. Мирошниченко О.Ф. Тайны русского алфавита. Вся правда о языке предков / О.Ф. Мирошниченко. – М. : Концептуал, 2014. – 170 с.
2. Неополитанский С.М. Библийская нумерология / С.М. Неополитанский, С.А. Матвеев. – СПб. : Лениздат, 2007. – 384 с.
3. Твайнинг Д. Черное солнце / Д. Твайнинг. – М. : АСТ, 2007. – 352 с.

References

1. Miroshnichenko O. F. *Tainy russkogo alfavita. Vsya pravda o yazyke predkov* [Mysteries of the Russian alphabet. All the truth about our ancestors' language]. Moscow, Kontseptual Publ., 2014. 170 p.
2. Neopolitanskii S. M., Matveev S. A. *Bibleiskaya numerologiya* [Biblical numerology]. Saint Petersburg, Lenizdat Publ., 2007. 384p.
3. Twinning J. *The black Sun*. New York, Harper Collins Publ., 2006. 417 p.

Информация об авторе

Бялоус Нина Ивановна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков, Байкальский государственный университет, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11 e-mail: NinaByalous2013@yandex.ru.

Author

Nina I. Byalous – PhD in Philology (10.02.04), Associate Professor, Chair of Foreign Languages, Baikal State University, 11 Lenin St., 664003, Irkutsk, Russian Federation, e-mail: NinaByalous2013@yandex.ru.

**В.А. Косяков,
А.Г. Завьялова**

**НЕКОТОРЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ИНТЕГРАЦИИ
РОССИЙСКИХ ВУЗОВ
В ЕВРОПЕЙСКУЮ СИСТЕМУ ОБРАЗОВАНИЯ
В ОБЛАСТИ ПИСЬМЕННОЙ КОММУНИКАЦИИ**

Для развития российской экономики требуются специалисты со знанием иностранного языка, следовательно, актуальность проблемы их подготовки не вызывает сомнений. Однако анализ современной научной литературы свидетельствует об отсутствии единого подхода к вопросам интеграции российского высшего образования в систему Общеευропейских компетенций владения иностранным языком. В статье анализируются опыт и результаты эффективного использования современных технологий обучения в сфере письменной коммуникации. Рассматриваются противоречия между необходимостью качественного профессионального развития специалистов и реальной практикой использования рейтингового контроля в процессе формирования компетенций письменного общения. Для устранения этих противоречий предлагаются варианты его организации. Дается сравнение межкультурных особенностей российского и западного способа выполнения письменных работ. Предлагается усовершенствованная система итогового контроля в области письменной коммуникации.

Ключевые слова: интеграция; письменная коммуникация; рейтинговый контроль; современные технологии обучения; иностранный язык; подготовка специалистов; профессиональное образование; международное сотрудничество.

**V.A. Kosyakov,
A.G. Zavyalova**

**SOME RESULTS OF INTEGRATION OF RUSSIAN
UNIVERSITIES INTO THE EUROPEAN EDUCATION
SYSTEM IN THE FIELD OF WRITTEN COMMUNICATION**

For the development of the Russian economy requires professionals with knowledge of a foreign language, therefore, the relevance of their

training is no doubt. However, the analysis of the current scientific literature indicates the absence of a unified approach to the integration of the Russian higher education system into the common European framework of reference for languages. The article analyzes the experience and results of the effective use of modern learning technologies in the field of written communication. It deals with the contradictions between the need for quality of professional development of specialists and actual practice of using the rating control in the process of formation of competences of written communication. To resolve these contradictions, options for its organization are suggested. A comparison of the intercultural peculiarities of Russian and Western way of written work is given. An advanced system of total control in the field of written communication is suggested.

Keywords: integration; written communication; rating control; modern educational technologies; foreign language training; professional education; international cooperation.

Известно, что во второй половине XX столетия в связи с расширением международного сотрудничества была сформирована концепция «Европа без границ», в которой большое внимание уделялось распространению и изучению иностранных языков в мире. Эта работа завершилась принятием документа под названием «Общеевропейские компетенции владения иностранным языком: Изучение, преподавание, оценка»¹.

В России переход на компетентностно – ориентированное образование было закреплено в «Программе модернизации российского образования до 2010 года» и получило подтверждение в Федеральных образовательных стандартах. Следовательно, современная политика интеграции России в мировое сообщество потребовало новых подходов к подготовке специалистов, способных успешно работать в условиях рыночных отношений. Таким образом, актуальность профессиональной подготовки обучаемых к интеграции в систему национальной и мировой культуры на сегодняшний день не вызывает сомнений².

¹ Общоевропейские компетенции владения иностранным языком: Изучение, преподавание, оценка. Уровни владения языком. М., 2003. С. 21.

² Федеральные государственные образовательные стандарты высшего профессионального образования / Министерство образования и науки РФ. URL: <http://mon.gov.ru/dok/fgos>.

Однако анализ современной научной педагогической литературы свидетельствует об отсутствии единого подхода к планированию и организации учебного процесса для успешной реализации этой цели. Например, разграничиваются понятия «компетентность» (способность к выполнению какой-либо деятельности) и компетенция (содержание соответствующей компетентности в виде совокупности знаний, навыков, умений, опыта). На наш взгляд, компетентность есть компетенция в действии.

Иными словами, международные контакты и политика интеграции России в европейское и мировое сообщество ставят перед неязыковыми вузами задачу не только научить студентов иностранному языку как неотъемлемому атрибуту культурного развития человека, но и как одному из главных условий его успешной деятельности в самых разных сферах производства. Если раньше обучаемого готовили либо к умению извлекать информацию из профессионально направленных текстов, либо к дискуссии с идеологическим противником, то сейчас он, прежде всего, готовится к общению и письменному общению, в том числе, с коллегой, также заинтересованным в установлении деловых контактов.

Эффективному достижению этой цели служит система современных технологий обучения иностранному языку как в области устной, так и в сфере *письменной коммуникации*.

Известно, что в современной методике традиционно признают многозначность термина «письмо». Под «письмом» обычно подразумевается деятельность, направленная на графическое фиксирование речи и ее элементов. Термином «письменная речь» пользуются, в основном, для обозначения умений написать то, что обучаемые в состоянии сказать устно, т.е. репродуктивную сторону письменной речи [3].

Значительная сложность письменной речи является причиной того, что обучение этой деятельности сопряжено с многочисленными трудностями. И дело не только в сложностях самой деятельности, но и в лингвистической специфике кода, с помощью которого реализуются письменное общение (область графики и орфографии, отбор лексико-грамматических средств, стиля и т.п.). Именно поэтому письменное общение как в школе, так и в вузе вплоть до середи-

ны 1990-х годов рассматривалось либо как вспомогательное средство для выполнения учебных заданий, либо как вспомогательный прием при обучении другим видам речевой деятельности.

В «Типовой программе по иностранному языку для неязыковых специальностей высших учебных заведений» от 1990 года письмо обозначено лишь как факультативное умение в зависимости от будущей профессиональной деятельности обучаемых для удовлетворения индивидуальных запросов¹.

Однако ситуация радикально изменилась уже в середине 1990-х годов, когда умения письменной речи стали широко востребованными в связи с иноязычным письменным общением в глобальной сети Интернет, когда оно стало неотъемлемой частью деятельности любого научного учреждения, делового центра или промышленного предприятия.

Таким образом, «Типовая программа по иностранным языкам для вузов неязыковых специальностей» от 1994 года ставит уже задачу обучения не только устным, но и письменным формам общения. Главной задачей было представлено овладение языком деловой переписки и письменных научных текстов, характерных для производственной и научной деятельности².

С начала 2000-х годов Федеральный компонент государственного образовательного стандарта высшего профессионального образования включает дополнительные задачи в области письменной речи, это – реферирование и аннотирование как средство современной письменной коммуникации³.

К профессионально значимым компетенциям письменного общения сегодня относятся следующие:

- тезисное изложение, конспектирование, аннотирование;
- двустороннее преобразование вербальной информации в невербальную;

¹ Типовая программа по иностранному языку для неязыковых специальностей высших учебных заведений. М., МГЛУ, 1990. С. 6.

² Типовая программа по иностранному языку для неязыковых специальностей высших учебных заведений. М., МГЛУ, 1994. С. 3.

³ Федеральные государственные образовательные стандарты высшего профессионального образования / Министерство образования и науки РФ. URL: <http://mon.gov.ru/dok/fgos>.

- составление договоров, фирменной документации и рекламных материалов;
- рецензирование;
- написание эссе, статей и текстов докладов;
- переписка по электронной почте;
- двусторонний письменный перевод.

Учитывая актуальность подготовки специалистов со знанием иностранного языка для российской экономики, и в связи с постановкой акцента в профессиональной деятельности именно на письменную продукцию, преподаватели иностранных языков Байкальского государственного университета (БГУ) включают все выше названные умения в рабочие программы в качестве основных целей обучения. Несомненно, для их успешной реализации и с учетом ограниченной сетки учебных часов на основных экономических факультетах (100–120 часов в год), перед преподавателем встает вопрос о том, реально ли сформировать у будущего специалиста названные компетенции в плане преемственности со школьным курсом иностранного языка.

Поэтому в начале учебного года перед кафедрой иностранных языков встает актуальная задача выяснить, каков реальный уровень обучения иностранному языку и письменной речи, в том числе, выпускников средней школы разного типа. Аналогичный вопрос возникает и на факультетах, имеющих достаточно благоприятную сетку учебных часов в течение 4-х лет обучения. Однако отсутствие вступительного экзамена по иностранному языку и превалирование коммерческого приема студентов над бюджетным ставит все факультеты в «равные» условия. Для этих целей на кафедре разработан специальный комплекс разнообразных тестов как языкового, лексико-грамматического, так и условно-коммуникативного содержания. Проведение всеобщего тестирования студентов I курса с использованием данных материалов в начале учебного года позволяет решить важные задачи. Во-первых, определить реальный уровень школьной подготовки студентов по иностранному языку и в области письменной речи в том числе. Во-вторых, сформировать так называемые «гомогенные группы» (уровни А, В, С, D), которые включают студентов с примерно равным уровнем

подготовки по иностранному языку, что, на наш взгляд, может дать возможность профессорско-преподавательскому составу рационально сформировать группы обучаемых приблизительно одного уровня подготовки, что немаловажно.

Итак, первое «знакомство» с письменной иноязычной речью на основе вузовской программы выявило достаточно «размытую» картину представления вчерашних выпускников о письменной коммуникации. Только 5–10 % студентов могут на элементарном уровне заполнить бланк, написать личное письмо, правильно написать имя и фамилию и т.п. Как правило, это выпускники лицеев и гимназий, где иностранному языку уделялось большее внимание.

По этой причине практически весь курс обучения письменно-му общению на основных экономических факультетах приходится строить на материалах условно-коммуникативного характера, и только в период третьего триместра студенты овладевают компетенциями написать деловое письмо, резюме, письмо-запрос, письмо-жалобу и т.д.

Следует отметить, что особое место в процессе формирования письменной коммуникации у студентов-экономистов занимает так называемое тематическое тестирование. Оно строится на материале основного учебного курса и включает контроль изучения шести программных тем. Именно результаты данного тестирования являются для студентов «жизненно» важными, поскольку входят в общую *рейтинговую* оценку знаний студента, которая является неотъемлемой частью контроля Общеευропейских компетенций.

Известно, что БГУ уже более десяти лет принимает активное участие в процессе интеграции вуза в Европейскую систему образования. Этот факт, несомненно, предполагает наличие многих неоспоримых достоинств: повышение качества образования, возможность признания диплома БГУ мировым сообществом, обучение студентов за рубежом, международный авторитет ВУЗа и т.п.

Вместе с тем, он накладывает и особые обязательства как на структуру самого учебного процесса, так и на его содержание. Речь идет, прежде всего, о системе рейтингового контроля знаний обучаемых, появившейся в рамках Болонского соглашения.

Опыт и результаты работы преподавателей в рамках данной системы убедительно показывают, что она не может быть «раз и навсегда данной», всегда соответствовать строго заданным параметрам. Она, несомненно, претерпевает изменения в связи с анализом разного рода обстоятельств [1, с. 193–196].

Так, в начале этого опыта работы максимальное число баллов 100 завершало курс учебного предмета и выставялось по итогам курсового экзамена. Однако, если курс длился в течение 2-х и более лет, учебный год заканчивался не экзаменом, а зачетом. Следовательно, зачет и экзамен ставились в неравные условия. Таким образом, было принято разумное решение, сделать 100 баллов равнозначным итогом и зачета, и экзамена. И с этим нельзя не согласиться.

Что касается предмета «Иностранный язык», в начале, казалось, была принята добротная и обоснованная система баллов (на примере основных экономических факультетов):

Зачет (I триместр)

1. Тема № 1 (тест № 1) – 16 б.

2. Тема № 2 (тест № 2) – 16 б.

3. Тема № 3 (тест № 3) – 16 б.

4. Активность на аудиторных занятиях (следовательно, и посещаемость) – 16 б.

5. Самостоятельная работа студентов – 16 б.

6. Зачет (экзамен) – в устной и письменной форме – 20 б.

Итого – 100 баллов

Предполагалось, что данная система явно мотивировала студента, «заставляла» посещать занятия и по возможности активно на них работать, т.к. 48 баллов только за посещение занятий по тестированию можно было набрать при одном условии – прекрасно зная иностранный язык. Однако этот результат не мог удовлетворить амбиции студента – «хорошиста» или отличника, т.к. 48 баллов дает отметку – «удовлетворительно». С другой стороны, студент «противоположно-отрицательных» знаний не мог бы достигнуть уровень, о котором мечтал, «41 балл», поскольку в лучшем случае смог справиться с тестом только на 50 %. Таким образом, система рейтинга как будто работала правильно.

Однако российский студент – народ творческий, а технический прогресс – процесс постоянный, и сбои в системе рейтинга начались именно в сфере письменной коммуникации, а точнее в области такой родной и знакомой студенту, как *списывание*.

Следует отметить, что использование самых строгих технологий, взглядов и слов преподавателя, его особых отметок в «подозреваемых» письменных работах не могли и, скорее всего, вряд ли смогут изменить ситуацию и «погасить» счастье в глазах студента, который практически не ходил на занятия, но показал «блестящие» знания в письменном виде.

Разумеется, секрет кроется в глубоких и исторически далеких межкультурных, философских различиях между иностранной, например, Европейской и Российской моделью поведения. Известно, что важной отличительной чертой западного образования является индивидуализм, а коллективизм – неотъемлемая черта российского менталитета. Первое, чему особенно поражаются всегда зарубежные преподаватели – это высокая активность, с которой учащиеся общаются друг с другом непосредственно во время занятий, и постоянный «обмен» знаниями, происходящий в процессе выполнения устных, а особенно письменных работ.

Естественно, что подобная ситуация успешно может быть объяснена различиями между коллективистской и индивидуалистической направленностью двух культур. И все же наблюдения за последними тенденциями в области образования зарубежной и российской системы показывают, что они пытаются продвинуться в направлении, которое полностью противоположно его текущему состоянию. Так, российская система пытается максимально концентрироваться на ценностях индивидуализма. В российских учебных курсах, и по иностранному языку в том числе, как редкое исключение присутствуют групповые задания или оценка за совместно выполненный групповой проект. В Европейском же образовании основной акцент делается все больше на групповую работу, в которой все участники получают один и тот же балл, отражающий успешное выполнение коллективного задания (проектная методика, кейс-стади, игровые технологии и т.д.). Официальным лозунгом европейской образовательной системы является именно

переориентация мышления новых поколений с индивидуализма на коллективизм.

Нет сомнений, что эта проблема требует особых размышлений и выводов. Однако она непосредственно коснулась такого важного аспекта в работе преподавателя как организация рейтинга знаний студентов по иностранному языку и не могла быть незатронутой.

В результате, после основательного обсуждения роли списывания в жизни студентов и ее отражении в показателях рейтинга, было принято решение минимизировать «письменные» баллы и усилить разделы активной деятельности студентов на занятиях, их посещаемости и творческий аспект их самостоятельной работы. На основных экономических факультетах рейтинговый блок выглядит сегодня следующим образом:

Зачет (I триместр)

1. Тема № 1 (тест № 1) – 10 б.
2. Тема № 2 (тест № 2) – 10 б.
3. Тема № 3 (тест № 3) – 10 б.
4. Активность на занятиях (посещаемость) – 30 б.
5. Самостоятельная работа – 15 б.
6. Зачет (экзамен) – 25 б.

Итого – 100 баллов.

На наш взгляд, этот вариант позволяет надеяться, что внесенные коррективы в рейтинговый контроль знаний студентов в области письменной иноязычной коммуникации активизируют их старания в попытке стать специалистами, владеющими иностранным языком как средством осуществления профессиональной деятельности.

Нельзя не согласиться с Президентом России В.В. Путиным, который на ежегодной пресс конференции сказал: «Несмотря на сложности во взаимоотношениях с Западом, Россия не намерена прекращать развитие изучения английского языка в стране. Россия – открытая страна, а английский язык является универсальным языком мира. Мы поддерживаем программы изучения иностранных языков, программы поддержки специалистов со знанием иностранного языка, как в нашей стране, так и за рубежом, и будем это дальше делать» [2].

Список использованной литературы

1. Завьялова А.Г. О некоторых причинах несовершенного владения иностранным языком студентами неязыкового вуза / А.Г. Завьялова // Известия Иркутской государственной экономической академии. – 2016. – Т. 26, № 2. – С.191–196.
2. Путин В. В. Материалы ежегодной пресс-конференции от 17 декабря 2015 г. [Электронный ресурс] / В. В. Путин. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/50971>.
3. Теоретические основы методики обучения иностранным языкам в средней школе / под ред. А. Д. Климентенко, А. А. Миролюбова. – М. : Педагогика, 1981. – 454 с.
4. Шупер В. А. Россия и Запад: новые интеллектуальные отношения / В. А. Шупер // Вопросы философии. – 2002. – № 7. – С. 12–19.

References

1. Zav'yalova A. G. On some reasons why students of nonlinguistic universities have an imperfect command of the language. *Izvestiya Irkutskoi gosudarstvennoi ekonomicheskoi akademii = Bulletin of Irkutsk State Economics Academy*, 2016, vol.26, no. 2, pp. 191–196. (In Russian).
2. Putin V. V. Papers of the annual press-conference of 17 December 2015. Available at: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/50971>.
3. Klimentenko A. D., Mirolyubova A. A. (eds) *Teoreticheskie osnovy metodiki obucheniya inostrannym yazykam v srednei shkole* [Theoretical bases of the methodology of teaching foreign languages at a secondary school]. Moscow, Pedagogika ubl., 1981. 454 p.
4. Shuper V. A. Russia and the West: new intellectual relations *Voprosy filosofii = Philosophy Issues*, 2002, no. 7, pp. 12–19. (In Russian).

Информация об авторах

Косяков Виталий Александрович – кандидат филологических наук, доцент, кафедра иностранных языков, Байкальский государственный университет, 664003, г.Иркутск, ул.Ленина, 11, e-mail:irkutvital@yandex.ru.

*SOME RESULTS OF INTEGRATION OF RUSSIAN UNIVERSITIES INTO
THE EUROPEAN EDUCATION SYSTEM IN THE FIELD
OF WRITTEN COMMUNICATION*

Завьялова Алина Геннадьевна – кандидат педагогических наук, доцент, кафедра иностранных языков, Байкальский государственный университет, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11, e-mail: al.zawyalow@yandex.ru.

Authors

Kosyakov Vitaliy A. – PhD in Philology, Associate Professor, Department of Foreign Languages, Baikal State University, 11 Lenin St., 664003, Irkutsk, Russia, e-mail: irkutvital@yandex.ru.

Zavyalova Alina G. – PhD in Pedagogy, Associate Professor, Department of Foreign Languages, Baikal State University, 11 Lenin St., 664003, Irkutsk, Russia, e-mail: al.zawyalow@yandex.ru.

**ЕВРАЗИЙСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ
РОССИЙСКОГО ПРОСТРАНСТВА:
ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ**

В статье исследуется понятие «Евразия», сформулированное в рамках одного из основных течений русской школы геополитики. Отмечаются географические, социокультурные, политические основы Евразии как самостоятельного континентального мира. Обращается внимание на преемственность имперской традиции в пределах обозначенного евразийского пространства. Исследуются основы построения евразийской государственности, изложенные в работах представителей данной школы. Отмечается, что евразийская школа геополитики является антитезой атлантизму и социальный опыт двадцатого века свидетельствует, что идеи евразийцев могут стать методологической основой при осуществлении стратегического планирования развитием российского государства.

Ключевые слова: Евразия; геополитика; внутриконтинентальное притяжение; географические; социокультурные; политические основы Евразии.

A.V. Shalak

**EURASIAN UNDERSTANDING OF THE RUSSIAN SPACE:
GEOPOLITICAL ASPECTS**

This article examines the concept of “Eurasia”, formulated in the framework of one of the main trends of the Russian school of geopolitics. Emphasis is placed on geographical, socio-cultural and political framework of Eurasia as independent continental world. It draws attention to the continuity of the Imperial tradition in the limits indicated in the Eurasian space. The article also explores the foundations of Eurasian statehood set out in the works of the representatives of this school. It is noted that the Eurasian school of geopolitics is the antithesis

esis of atlanticism and social experience of the twentieth century, it is suggested that the ideas of Eurasians may become a methodological basis for the implementation of strategic planning and development of the Russian state.

Keywords: Eurasia; geopolitics; inland attraction; geographical; socio-cultural and political bases of Eurasia.

Евразийское течение наиболее мощное из всех русских школ geopolitics. Отчасти оно совпадает с географическим и цивилизационным течениями geopolitics, но не тождественно им. Основателями евразийской школы являлись представители части русской эмиграции, усматривающих в событиях 1917 г. выход России из рамок западного вектора развития. Но именно это, с их точки зрения, расчищало почву для прогресса русской культуры. С этих позиций евразийцы попытались выстроить стратегию и тактику сохранения могущества России.

Основными представителями евразийства являлись географ и экономист П.Н. Савицкий (1895–1968), лингвист и филолог Н.С. Трубецкой (1890–1938), историк Г.В. Вернадский (1887–1973), искусствовед П.П. Сувчинский (1892–1985), православный священник Г.В. Флоровский (1893–1979, философ Л.П. Карсавин (1882–1952), правовед Н.Н. Алексеев (1879–1964) и др. На позициях евразийства стояли многие известные представители русской политической консервативной мысли: Солоневич И.Л. (1891–1953), Ильин И.А. (1882–1954) и др.

Понятие «Евразия» поначалу имело чисто географическое содержание. Так называли крупнейший на земле материк от Бретани до Чукотки, от Таймыра до Индостана. Считается, что ввел этот термин немецкий геолог Э. Зюсс в 1883 г. Поначалу им пользовались в основном географы. Однако в процессе становления геополитической системы знаний, которая первоначально была основана преимущественно на географическом детерминизме, понятие «Евразия» используется Ф. Ратцелем. В. Семенов-Тянь-Шанский в 1915 г. вводит понятие «Русская Евразия», под которой понимает географическое пространство от Волги до Енисея [3, с. 26].

Позднее в понятие «Евразия» стали вкладывать определенный историко-культурный смысл. Евразией стали обозначать пространство не столь обширное и не столь четко фиксированное. В историческую Евразию не включали Индию и Индокитай и лишь эпизодически краями – Китай, Ближний и Средний Восток, Европу к западу от Немана. Применительно к современности под Евразией понимается пространство бывшего СССР – «за вычетом Прибалтики» [3, с. 12].

Наиболее фундаментальное обоснование понятия Евразия содержится в трудах русских евразийцев [5]. Согласно им, кроме Европы и Азии существует еще третий самостоятельный континентальный мир – Евразия. Причем евразийцы видели в нем не просто территориально-географическое пространство, но и особый культурный мир, возглавляемый Россией. То есть с точки зрения евразийцев, нет России европейской или азиатской, есть Россия евразийская. Таким образом, евразийцы, выделяют не два материка – Европу и Азию, но еще третий, срединный – Евразию. Географически под Европой евразийцы понимают только то, что расположено западнее Немана. Эта территория отличается богатейшим развитием побережий полуострова, приморским климатом, с небольшими колебаниями между зимой и летом. На Востоке же от Немана – сплошной материковый массив, климат резко континентальный, суровая зима и жаркое лето. В Азии Евразия ограничена Западно-Сибирской, Восточно-европейской и туркестанской равнинами, окаймляющими их горами.

Евразия не только особый континентальный природно-географический мир, она обладает своими неповторимыми культурными и политическими особенностями. Евразия не разделена горными хребтами или непроходимыми пустынями, которые бы смогли затруднить общение между проживающими на этой территории народами. От низовий Дуная до Байкала и далее на восток лежит почти сплошной пояс степей, который выступал коридором перемещения людей, продуктов материального производства, а вместе с ними и идей. Поэтому евразийцы утверждали, что Русский мир, обладает предельно прозрачной географической структурой. В направлении с юга на север пустыня сменяет степь, затем лес и тун-

дра. В рамках этой структуры Урал не играет разделяющей роли. Тундра как горизонтальная зона залегает и к западу, и к востоку от Урала. Аналогично и с другими зонами.

Отметим, что задолго до евразийцев деление Европы и Азии Уральскими горами откровенно высмеивал основоположник цивилизационной теории Н.Я. Данилевский. С его точки зрения, географически Европа является западным полуостровом Азии, а в культурно-историческом смысле Европа есть поприще германо-романской цивилизации и только [2, с.60–64].

С географией Евразии неразрывно связана ее культура. Г.В. Вернадский в своем «Начертании русской истории» (Прага, 1927 г.) всю периодизацию России построил на взаимодействии двух культур – Леса и Степи. На этой основе происходило формирование сходных культурно-хозяйственных типов, унификация культурного облика, что обусловило родство проживающих здесь народов. Евразия синтезировала мировую культуру (арийско-славянскую, тюркскую, православную) на этих пространствах (от западных границ Польши до китайской стены) и создала нечто новое. У России действительно самобытный исторический путь, ее культура неразрывно связана с православием и по системе своих ценностей радикально отличается от европейской. Однако в отличие от славянофилов они утверждали, что культура России не славянская, а евразийская, то есть основана на синтезе культур славянской и азиатской, и именно эта культура связывает все проживающие этносы на данном пространстве.

На евразийском пространстве взаимные притяжения сильнее, чем отталкивания. Народы, проживающие в пределах этого мира способны к достижению такой степени взаимного понимания и форм братского сожительства, которые трудно достижимы в Европе и Азии. Здесь не может быть противопоставления на «высшие» и «низшие» народы, легко просыпается «воля к общему делу». Поэтому здесь быстро на смену племенных союзов пришли империи (скифская, гуннская, монгольская, Московская). Российская империя окончательно завершила формирование исторической Евразии, вернув в лоно единого государства области, которые раньше уже входили в состав империй на ее территории. Россия строилась

почти четыре века, начиная со взятия Казани и до установления протектората над Урянхайским краем (Тувой).

Исходя из такого анализа, евразийцы делали вывод о том, что единство Евразии – это единство географических и духовных начал, материальных и социокультурных сопряжений. География в их концепции создает предпосылки для единения духовной, социальной и политической жизни. Россия объединяет этот мир на путях культурного творчества, и сотрудничества.

В этом смысле в концепции евразийцев, русские предстают не ответвлением восточных славян, а особым имперским этническим образованием. Свою геополитическую самостоятельность и духовную независимость от западного мира Россия приобрела под влиянием империи монголов. Первоначально Великое Московское княжество было Джучиевым улусом, земли которого упорно собирали московские князья. Россия продолжила дело монгольских ханов, объединила земли русские, а затем и азиатскую степь, и европейский лес и создала нечто цельное, оригинальное – Евразию, с перенесением ставки из Сарая в Москву. В этом смысле Россия не является продолжением Киевской Руси. Общим здесь является только название, но преемственность отсутствует.

Весьма интересен взгляд евразийцев на основы построения и существования в долгосрочной перспективе евразийского (русского) государства. В соответствии с их концепцией, русское государство существует как идеократическое государство, то есть оно выстраивается сверху вниз в согласии с определенной духовной идеей. Эта идея, свободная от прагматического, коммерческого подхода, придает духовно-созидательный импульс глобального исторического делания, на ее основе достигается политическое объединение, внутреннее единство и общее дело. Соответственно, в государстве такого типа не может быть объективных условий для многопартийности. Многопартийность возникает в рамках западной парадигмы развития, где все подчиненно коммерческому успеху и партии выражают интересы, детерминированные социальными соблазнами в области производства и распределения материальных благ. В евразийской государственности может быть только однопартийная структура с идеологией евразийства, православной по своей сути.

С этой точки зрения они критиковали советскую власть, которая руководствовалась чуждой для России марксистской доктриной, разработанной на Западе и для западных стран.

Для евразийского государства также характерна развитая этатистская традиция, то есть государственно-принудительные начала в социальной жизни. Это начало российской государственности диктуется двумя причинами.

Во-первых, в силу своего географического положения Россия вечно вынуждаема к обороне. Американская безопасность, свободы и богатство гарантированы океанами и проливами, то есть всецело определяются географией. Российская безопасность может быть гарантирована только воинской повинностью. Из всех несвобод воинская является первой. Именно в этом основная причина авторитарности российской власти. Но без этого Россия не может существовать. Россия доказала свою способность к самообороне и в этом смысле авторитарная традиция оправдана.

Во-вторых, населяющие Евразию социально-этнические общности имеют существенные культурологические различия, а в следствии этого могут тяготеть к различным геополитическим ориентациям. Выдержать глобальную конкуренцию и остаться самостоятельным центром силы Евразийское пространство способно только при условии объединения и управления разнородных социально-этнических образований из единого центра.

Данная идея евразийцев подтверждается и многими современными исследованиями. В частности, американские политологи Дэвид Лейк и Дональд Ротшильд, сотрудники Института глобальных конфликтов и сотрудничества Университета штата Калифорния, пришли к выводу, что при ослаблении центральной власти этнические группы начинают опасаться за свое выживание и в свою очередь стремятся полагаться на собственные возможности. «Они готовятся к насилию и тем самым делают фактическое насилие возможным, независимо от причин... слабость государственных институтов всегда является необходимым условием возникновения насильственного этнического конфликта» [1, с. 250].

Однако, усматривая в государстве ту силу, которая способна примирить различные этносы и направить их энергию в созида-

тельное русло, евразийцы утверждали, что именно для русского государства характерна величайшая национальная и религиозная терпимость в социальной жизни. Евразийское государство, начиная от империи монголов, всегда понимало себя как собор народов, не стремилось к насильственному изменению веры или национальности. Отказ от терпимости, с их точки зрения, – свидетельство внутреннего разложения власти. Ненасильственность, величайшую терпимость русского мира отмечали все классики цивилизационного подхода.

Россия, занимая срединное с планетарной точки зрения место в мире, в качестве лидера евразийского пространства является оплотом не только европейско-азиатского, но и вселенского мира и равновесия. Расчленение этого организма превратят Россию в вечный источник войн. Державы всего мира будут вкладывать свои деньги, стратегические расчеты во вновь возникшие малые государства, станут соперничать друг с другом, будут покушаться на захват неустroенных и незащищенных новообразований. (Следует отметить, что эта идея нашла отражение не только у евразийцев, но и обоснование у представителей русской консервативной политической мысли). Если устранить евразийский центр, то все его остальные части материковых окраин (Европа, Передняя Азия, Иран, Индия, Индокитай, Китай, Япония) превращаются в нечто рассыпанное, не интегрированное в целое. В течение ряда тысячелетий этот мир стягивали кочевники, они служили посредниками между разрозненными пространствами оседлых культур. После них именно русская культура стала объединительной и примирительной исторической силой.

Обосновывая основы и историческую роль российского государства, евразийцы активно выступали против широкого участия России в мировом океаническом хозяйстве, поскольку она практически не имеет выходов в Мировой океан (протяженное арктическое побережье не может использоваться в мировой торговле). Единый мировой рынок в современную эпоху становится формой организации и сплочения морских цивилизаций. Напротив, для народов Евразии включение в мировой рыночный обмен связано с огромными транспортными издержками. Вхождение в мировой океанический обмен грозит России превращением в «задворки мирового

хозяйства». То есть единый мировой рынок сплачивает морской блок, давая ему мощную экономическую основу в лице контроля за морскими путями, а, следовательно, и торговлей, и одновременно отбрасывает континентальный мир на периферию мировой экономической системы, обрекая его на вечное догоняющее развитие.

В работе «Континент-океан», написанной в 1921 г., Савицкий приводит конкретные расчеты: в расчете на одинаковое расстояние германский железнодорожный тариф был примерно в 50 раз выше океанского фрахта. И даже русские ставки на железных дорогах (которые традиционно ниже себестоимости) в 7-10 раз превосходили стоимость морского транспорта [4]. Энергетический кризис делает проблему, обозначенную Савицким, особенно острой сегодня. При этом следует иметь в виду, что все моря России являются морями внутренними, замкнутыми, в большинстве случаев замерзающими на шесть и более месяцев.

С точки зрения П.Н. Савицкого, экономическая стратегия российского государства должна опираться на внутриконтинентальное притяжение евразийских стран. Внутриконтинентальные притяжения вступают в силу, когда существует расчет для внутриконтинентального производителя и потребителя произвести обмен друг с другом без посредников мирового рынка. Содержание этого закона выражается в том, что стоимость провоза единицы товара от континентального производителя к внутриконтинентальному потребителю должна быть меньше совокупной стоимости сухопутной перевозки до порта, стоимости морского транспорта, стоимости морского транспорта для ввоза продуктов мирового рынка на континент, стоимости сухопутной перевозки от порта к потребителю.

Внутриконтинентальное притяжение приобретает особое значение в двух случаях: когда сфера соприкасающихся областей имеет большое пространственное протяжение, а также когда соприкасающиеся области представляют наибольшее разнообразие экономической и культурной природы.

Исходя из этого, стратегическими партнерами России, с точки зрения евразийцев, являются Китай, Монголия, Иран. При этом внутриконтинентальная сфера имеет свойство втягивать в специфический внутриконтинентальный обмен приморские районы. Бе-

реговым странам выгоднее сбывать свой товар преимущественно континентальным странам, поскольку им они обойдутся несравненно дешевле, чем товары, привезенные с мирового рынка. Таким образом, прибрежная зона («римленд») должна быть втянута в зону влияния континентальной геополитики. Экономические преимущества морских путей, которые соединяют Канаду – страну пшеницы, с Австралией – страной шерсти, с Индией – страной хлопка и риса, в пределах российского мира дает континентальное сопряжение промышленных областей (Московской, Донецкой, Уральской) с русскими черноземными областями (пшеница), с русскими скотоводческими степями (шерсть) и русскими Закавказьем и Туркестаном (хлопок и рис).

В силу своего географического положения единственная возможность для России сохранить свою независимость – создание собственной автаркической экономики и развитие связей с континентальными государствами-соседями. Огромные размеры и колоссальные природные ресурсы позволяют ей быть экономически самодостаточной, но не богатой. Бедность России не имеет отношения к ее политическому строю. Она обусловлена географическим положением и ее геополитической ролью. С этим были солидарны и представители русской консервативной политической силы. В частности, Иван Солоневич отмечал, что «история России есть история преодоления географии России». Русская свобода и богатство ограничены географической обездоленностью России [5, с. 48, 69].

Не отрицая необходимости искать новые пути выхода к теплым морям для расширения связей с мировым рынком, все же морской принцип построения геополитики и геостратегии, с точки зрения евразийцев, имеет второстепенный характер. Континентальность – это судьба России, бороться с ней бессмысленно. Ее нужно понять и полюбить. Только тогда мы сможем пользоваться ее преимуществами.

В связи с этим нельзя не отметить, что стремление России в постсоветский период стать частью глобальной экономики, как и предупреждали евразийцы, обернулось величайшей геополитической катастрофой, привело к утрате наиболее обустроенного территориально-географического пространства, резкому снижению научно-тех-

нического потенциала. Реализация подобной стратегии развития превращает Россию в «задворки мирового океанического хозяйства».

Таким образом, геополитическая доктрина евразийцев – это не только крупнейшая новация русской геополитической мысли XX века, но и подтверждаемая историческим опытом прямая антитеза атлантизму. В современный период эти идеи актуализированы, предпринимаются практические шаги по их реализации. Однако пока они лишь вкраплены в существующую модель экономического развития и не выступают в качестве основы стратегического планирования развития российского государства.

Список использованной литературы

1. Буркин А.И. Национальная безопасность России в контексте современных политических процессов / А.И. Буркин, А.В. Возженников, Н.В. Синеок. – М. : Изд-во РАГС, 2005. – 511 с.

2. Данилевский Н.Я. Россия и Европа: Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к германо-романскому / Н.Я. Данилевский. – М. : Институт русской цивилизации, 2008. – 816 с.

3. Евразия. Люди и мифы: сб. статей из журнала «Вестник Евразии» / ред. С.А. Панарин. – М. : Наталис, 2003. – 607 с.

4. Савицкий П.Н. Континент Евразия [Электронный ресурс] / П.Н. Савицкий. – М. : Аграф, 1997. – Режим доступа: <http://litresp.ru/chitat/ru/%D0%A1/savickij-petr-nikolaevich/kontinent-evraziya>.

5. Солоневич И.Л. Народная империя / И.Л. Солоневич. – М. : Феникс, 1991. – 512 с.

References

1. Burkin A. I., Vozzhennikov A. V., Sineok N. V. *Natsional'naya bezopasnost' Rossii v kontekste sovremennykh politicheskikh protsessov* [National security of Russia within the context of modern political processes]. Moscow, RAGS Publ., 2005. 511 p.

2. Danilevskii N. Ya. *Rossiya i Evropa: Vzglyad na kul'turnye i politicheskie otnosheniya Slavyanskogo mira k germano-romanskomu* [Russia and Europe: A view on cultural and political attitude of Slavic

World towards Germanic and Romance World]. Moscow, Institut russkoi tsivilizatsii Publ., 2008. 816 p.

3. Panarin S. A. *Evraziya. Lyudiimify : sbornik statei iz zhurnala «Vestnik Evrazii»* [Eurasia. People and myths: collection of research papers from the journal “Acta Eurasica”]. Moscow, Natalis, 2003. 607 p.

4. Savitskii P. N. *Kontinent Evraziya* [Eurasia Continent]. Moscow, Agraf Publ., 1997. Available at: <http://litresp.ru/chitat/ru/%D0%A1/savickij-petr-nikolaevich/kontinent-evraziya>. (In Russian).

5. Solonevich I. L. *Narodnaya imperiya* [National Empire]. Moscow, Fenix Publ., 1991. 512 p.

Информация об авторе

Шалак Александр Васильевич – зав. кафедрой истории, экономических и политических учений Байкальского государственного университета, доктор исторических наук, профессор, г. Иркутск.

Author

Alexander V. Shalak – Head of History, Economic and Political Studies Chair of Baikal State University, D.Sc. in Historical Sciences, Professor, Irkutsk.

**SECTION 3. GLOBAL TRANSPORT
CORRIDORS EUROPE – ASIA:
ADVANTAGES AND RISKS**

УДК 339.9:656.2(4+5)

А. Кариу

ВОЗНИКНОВЕНИЕ, ВОЗРОЖДЕНИЕ И КОНКУРЕНЦИЯ ЕВРАЗИЙСКИХ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНЫХ КОРИДОРОВ

Идея строительства трансконтинентальных железнодорожных коридоров, связывающих Европу и Азию, не нова, и хороший пример тому Транссибирская магистраль, построенная в прошлом веке.

Известно, что в 2013 году Президент Китая Си Цзинь Пин, первой мировой торговой державы анонсировал строительство нового проекта трансконтинентальной железнодорожной магистрали Европа–Азия «Новый шелковый путь XXI века», финансируемого частными партнерами заинтересованных стран. Учитывая то, насколько с каждым днем увеличиваются грузовые и пассажирские перевозки между Китаем и Европой, такой проект отвечает интересам, как Европейских стран, так и Азии в целом.

До окончательного строительства «Нового шелкового пути» и после, Транссибирская магистраль будет конкурировать с новой магистралью, сооружаемой Китаем в партнерстве с Казахстаном. В контексте международной конкуренции возникает вопрос «Будет ли Россия финансово участвовать в этом амбициозном китайско-казахстанском проекте?», поскольку ни одна, ни другая магистраль по отдельности не может обслуживать все возрастающий поток нового геополитического евроазиатского пространства.

Ключевые слова: железнодорожный транспорт; транспортный коридор; Новый шелковый путь; магистраль.

A. Cariou

THE EMERGENCE, REVIVAL AND COMPETITION OF THE EURASIAN RAILWAY CORRIDORS

The idea of construction of transcontinental rail corridors linking Europe and Asia is not new; the Trans-Siberian Railway built in the last century being a good example of it.

It is known that in 2013 Xi Jinping, the President of China, the world's commercial power number one, announced construction of a new project of Trans-continental railway between Europe and Asia "New Silk Road of the XXI Century", financed by private partners of the countries concerned. Considering how fast freight and passenger traffic is increasing between China and Europe, this project benefits both European countries and Asia in general.

Before and after the completion of the "New Silk Road", the Trans-Siberian Railway will compete with the new railway, built by China in partnership with Kazakhstan. In the context of international competition the question arises, "Will Russia financially participate in this ambitious Sino – Kazakhstan project?", since none of the railways alone can serve the increasing flow of new Eurasian geopolitical space.

Keywords: railway transport; transport corridor; New Silk Road; the railroad.

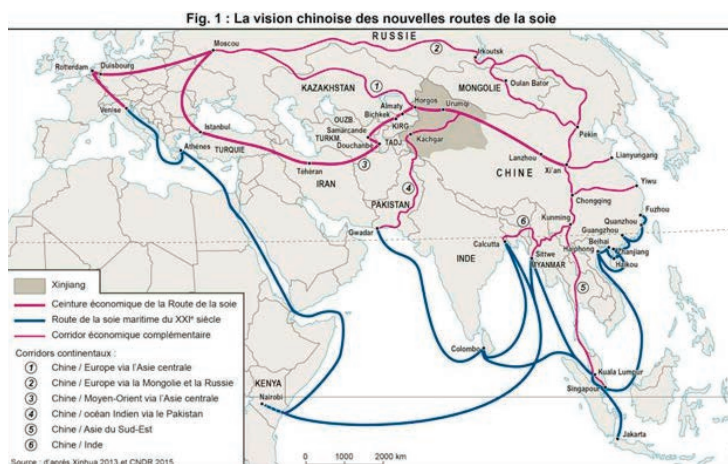
L'idée d'un pont ferroviaire transcontinental entre l'Europe et l'Asie orientale n'est pas nouvelle, comme en témoigne l'inauguration du Transsibérien il y a déjà plus d'un siècle. Toutefois, l'émergence de la Chine comme première puissance commerciale mondiale et l'annonce en 2013, par le président Xi Jing Ping, du projet de « Ceinture économique de la Route de la soie du XXIe siècle » relance l'intérêt des Etats et des opérateurs privés pour les corridors ferroviaires transcontinentaux. Au vu de l'évolution rapide du trafic des trains chargés de conteneurs qui circulent quotidiennement entre la Chine et l'Europe, la solution continentale s'impose progressivement dans les échanges internationaux. Tel est bien le problème fondamental, alors que le transport maritime reste un vecteur privilégié de la mondialisation, comment expliquer la renaissance des corridors continentaux eurasiatiques? Cette communication propose dans un premier temps de questionner les raisons de ce renouveau, puis dans un second temps, la logique géographique des différents tracés transcontinentaux. En dernier lieu, l'analyse portera sur la comparaison et l'évaluation du potentiel de développement que portent les différents corridors des Nouvelles routes de la soie.

I. La renaissance des corridors eurasiatiques

1.1. Un nouveau contexte géopolitique eurasiatique dominé par la Chine

En 2013, la Chine s'est hissée au rang de première puissance commerciale mondiale. Cette spectaculaire montée en puissance est le fruit de la « politique de réforme et d'ouverture » lancée en 1978 qui a donné la priorité absolue au développement de la façade maritime du pays. Ce tropisme vers l'Est privilégiait l'ouverture sur l'océan mondial, fondée sur la stratégie d'hégémonie maritime pour le contrôle des mers de Chine orientale et méridionale, tandis que la Chine délaissait son hinterland continental, ses périphéries occidentales étant presque hermétiquement fermées sur le cœur silencieux de l'Asie. Or, le projet de « Ceinture économique de la Route de la Soie et la Route de la Soie maritime du XXIe siècle » lancé en 2013 par Xi Jinping annonce un retournement de situation, emblématique des nouvelles ambitions expansionnistes chinoises vers l'Eurasie. Outre le renforcement de la route maritime classique par un chapelet de nouvelles installations portuaires sur la façade méridionale du continent asiatique, la nouveauté du projet repose sur la création d'un faisceau de corridors continentaux reliant la Chine au reste de l'Asie et à l'Europe (CNDP, 2015), (fig. 1). Ainsi, la Chine finance, subventionne et réalise de nouvelles infrastructures de transport dans de nombreux pays asiatiques, notamment grâce au Fonds de la Route de la Soie créé en 2014 (doté de 40 milliards de dollars) et à la Banque Asiatique d'investissement pour les infrastructures, créée à l'instigation de Pékin et qui dispose d'un fonds de 100 milliards de dollars. Au-delà des références aux mythiques routes caravanières qui ont animé les échanges entre l'Extrême-Orient et l'Occident de l'Antiquité au Moyen Âge, la stratégie chinoise de construction de corridors suscite un processus d'intégration transnationale qui implique plus particulièrement ses voisins, la Russie et les pays d'Asie centrale. Cette intégration transnationale n'est pas le fruit d'une volonté politique institutionnelle supranationale, mais s'entend comme « une mise en réseau de tout ou partie de territoires nationaux aboutissant à l'émergence de nouvelles architectures régionales, fondées sur des convergences d'intérêts entre pays partenaires » (Taillard, 2009).

THE EMERGENCE, REVIVAL AND COMPETITION OF THE EURASIAN RAILWAY CORRIDORS

Les corridors transcontinentaux: des solutions alternatives de transport

Afin de sécuriser ses approvisionnements en matières premières (ressources énergétiques, minières...) et de maintenir un certain rythme de croissance par ses exportations, la Chine mène une projection de sa puissance par la construction de corridors logistiques à l'échelle de l'Eurasie. En dépit d'un environnement plus complexe que le « *transport maritime qui repose sur un système unifié par les grands armements* » (Beyer, 2008), la solution continentale s'impose progressivement. En 2008, l'entreprise Fujitsu Siemens expérimente les premiers trains-blocs¹ dont les conteneurs chargés de matériel informatique mettent 17 jours pour relier Xiangtang à Hambourg. 2011 est l'année de lancement des premiers services réguliers: des convois chargés de pièces automobiles partent du centre logistique de Leipzig pour approvisionner les chaînes de montage BMW de Shenyang tandis que la transnationale Hewlett-Packard expédie des millions d'ordinateurs de ses usines d'assemblage de Chongqing vers Duisbourg, grand terminal multimodal situé au cœur du marché européen (DB Schenker, 2015). Depuis 2015, les liaisons régulières se sont multipliées (Wuhan/Hambourg) et le service s'est élargi au groupage/dégroupage si bien que les clients peuvent expédier de

¹ Un train-bloc est un train complet de marchandises acheminé directement du point de départ au point de destination, sans remaniement intermédiaire.

petits envois: produits de luxe, vin, cosmétiques... Outre une connexion aux grands ports mondiaux, le corridor possède des ramifications vers des terminaux ferroviaires qui permettent d'assurer une connexion directe aux sites de production et une redistribution porte-à-porte par route dans tous les grands foyers urbains d'Europe et de Chine.

La suprématie du fret maritime n'est cependant pas menacée, car le rail a un potentiel de transport limité: le train eurasiatique transporte 50 à 228 EVP tandis qu'un porte conteneurs géant embarque plus de 18 000 EVP. Aussi, le commerce Europe-Asie se fait à 99% par la mer à un rythme annuel de 40 millions d'EVP pour les conteneurs et 500 millions de tonnes de vrac (Rastogi et Arvis, 2014). Toutefois, la solution ferroviaire est attractive pour les industries manufacturières qui limitent leur stock par une logique d'approvisionnement en flux tendus entre leurs sites de production (BMW, Audi, Volkswagen), ou qui doivent s'adapter très rapidement à l'évolution des marchés de consommation (électronique, industrie du prêt-à-porter...). Le rail permet un transit rapide et continu des flux: le fret circule entre la Chine et l'Europe en 14 à 20 jours, là où le bateau met 35 jours (fig. 2). Plus cher mais plus rapide et flexible que le transport maritime, le trajet ferroviaire est aussi 80% moins cher que le fret aérien ce qui explique pourquoi il constitue une offre de transport intermédiaire surtout destinée aux produits à haute et moyenne valeur ajoutée: téléphones et ordinateurs portables, tablettes numériques, écrans, matériel électronique, pièces automobile, vêtements¹. A l'heure où la question environnementale s'impose, le rail offre aussi l'avantage d'être un mode de transport parmi les moins polluants².

II. La multiplication des corridors eurasiatiques

Le projet des Nouvelles routes de la soie se traduit par la revitalisation et l'émergence de plusieurs axes transcontinentaux. Grâce à son *soft power* financier et diplomatique, la Chine s'active pour créer de longs couloirs de transport internationaux fondés sur le renforcement et la modernisation des infrastructures existantes et la réalisation de connexions dans les zones où elles font défaut.

¹ Le transport porte-à-porte d'un ordinateur portable entre la Chine centrale et les Pays-Bas coûte et dure respectivement : 1,9 dollars et 38 jours par bateau ; 3,8 dollars et 22 jours par rail et 18 dollars et 4 jours par avion (DB Schenker, 2015 b).

² Les émissions en gramme de CO₂ par tonne/kilomètre sont respectivement de 24 g pour le rail, de 35 g par mer, de 89 g par la route et de 665 g par les airs.

2.1. Le Transsibérien, corridor septentrional

Mis en service il y a plus d'un siècle, le Transsibérien constitue le plus vieux corridor ferroviaire eurasiatique. Mais sa vocation est surtout liée à l'échelle nationale, russe et soviétique. Cette longue ligne qui traverse le pays d'est en ouest sur plus de 9 000 km a joué un rôle géopolitique primordial dans la conquête, le peuplement et l'intégration des régions de l'Orient et de l'Extrême-Orient russe. Son rôle est encore aujourd'hui essentiel pour l'économie du pays car le trafic domestique du Transsibérien assure 65% du transport de charbon, 25% de la production de bois d'œuvre et 20% du pétrole raffiné.

Toutefois, cet axe connaît actuellement un renouveau de trafic lié en grande partie au dynamisme de l'économie chinoise et à ses initiatives ferroviaires, via les maillons du Transmanchourien et du Transmongol. Depuis 2011, un service régulier de train emprunte le Transsibérien pour relier les vieilles régions industrielles du nord de la Chine à l'Europe. C'est notamment le cas des convois de conteneurs chargés de pièces automobiles qui partent du centre logistique de Leipzig pour approvisionner les chaînes de montage BMW de Shenyang.

2.2. Le corridor Eurasiatique: un nouveau maillon central

Parmi tous les projets de corridor, le plus abouti est celui du «Pont Transeurasien» reliant la Chine à son plus important partenaire économique, l'Union européenne, *via* l'ouest de la Chine (Xinjiang) et le Kazakhstan. L'idée d'un nouveau lien ferroviaire entre ces deux pôles de l'économie mondiale n'est pas nouvelle, car dès les années 1990, les instances internationales (Commission Économique des Nations Unies, Commission Économique pour l'Europe, Central Asia Regional Economic Cooperation) ont multiplié les concertations afin de faire émerger de nouveaux axes alternatifs au Transsibérien. Pour autant, ces corridors sont souvent restés au stade de projet, bien des experts ayant montré la difficulté à établir de longs échanges ferroviaires dans des pays aux infrastructures et aux cultures très différentes. Le franchissement des frontières engendre en effet des discontinuités techniques liées à la différence d'écartement des voies entre les réseaux¹, à la diversité

¹ Le réseau ferré chinois et d'Europe de l'Ouest et un réseau à « voie standard » avec un écartement de 1435 mm tandis que le réseau de l'ex-Union soviétique et de ses ex-pays satellites est à « voie large » avec un écartement de 1520 mm.

du matériel de traction et du système de signalisation des voies. Toutefois, c'est surtout la discontinuité politique et administrative qui génère un manque de fluidité aux frontières. Aussi, toute la diplomatie chinoise déployée dans le cadre des Nouvelles routes de la soie s'efforce de réaliser l'interopérabilité des équipements et l'harmonisation des contrôles et des systèmes d'information entre les différents pays partenaires. Si la création de ce corridor est largement portée par la puissance chinoise, le Kazakhstan voit dans cette ouverture un moyen de desserrer les liens avec l'ancienne puissance tutélaire russe et d'assurer de nouveaux débouchés à ses matières premières, en dépit de l'angoisse suscitée par un «déferlement chinois» (Peyrouse, 2008). Car son développement est handicapé par une organisation territoriale marquée par l'enclavement continental et le poids de l'héritage soviétique: rails, routes, gazoducs et oléoducs convergent encore pour l'essentiel vers la Russie. Ainsi, le Kazakhstan qui rêve de devenir un pivot entre l'Europe et la Chine, mène une politique étrangère « multivectorielle » fondée sur l'équilibre des relations entre Occident, Chine et Russie. La création de ce corridor lui donne l'opportunité de passer du statut de marge enclavée de l'empire russo-soviétique à celui de carrefour centrasiatique.

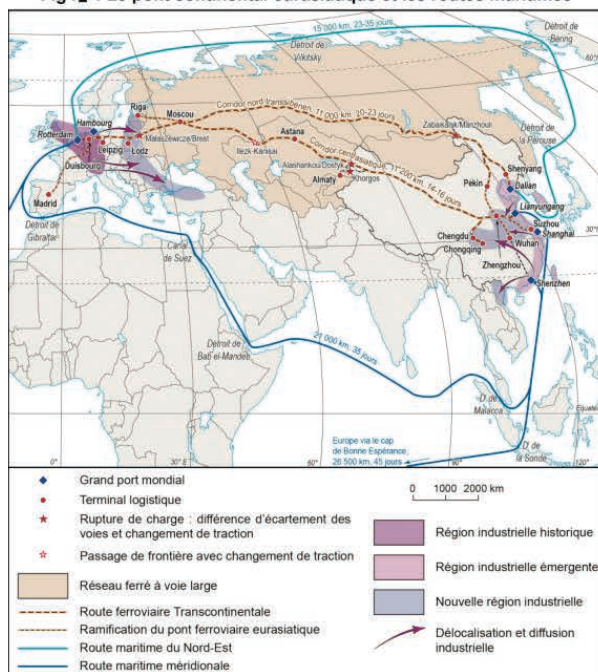
C'est pourquoi, à la suite de la disparition de l'Union soviétique en 1991, la Chine a réalisé, *via* le Xinjiang, un premier raccordement ferroviaire avec le réseau de l'ex-URSS, consacrant ainsi la naissance d'un second «pont ferroviaire» transcontinental de plus de 11 000 km entre le port de Lianyungang situé sur la mer de Chine et Rotterdam. En 2008, l'entreprise Fujitsu Siemens expérimente ce nouveau corridor avec des trains-blocs¹ dont les conteneurs chargés de matériel informatique mettent 17 jours pour relier Xiangtang à Hambourg. 2011 est l'année de lancement des premiers services réguliers, la transnationale Hewlett-Packard expédiant des millions d'ordinateurs de ses usines d'assemblage de Chongqing vers Duisbourg, grand terminal multimodal situé au cœur du marché européen (DB Schenker, 2015). Depuis 2015, les liaisons régulières se sont multipliées (Wuhan/Hambourg) et le service s'est élargi au groupage/dégroupage si bien que les clients peuvent expédier de petits envois: produits de luxe, vin, cosmétiques... Outre une connexion aux

¹ Un train-bloc est un train complet de marchandises acheminé directement du point de départ au point de destination, sans remaniement intermédiaire.

THE EMERGENCE, REVIVAL AND COMPETITION OF THE EURASIAN RAILWAY CORRIDORS

grands ports mondiaux, le corridor possède des ramifications vers des terminaux ferroviaires qui permettent d'assurer une connexion directe aux sites de production et une redistribution porte-à-porte par route dans tous les grands foyers urbains d'Europe et de Chine.

Fig. 2 : Le pont continental eurasiatique et les routes maritimes

L'interconnexion à la frontière sino-kazakhe a donné naissance à la ville nouvelle d'Alashankou qui s'est imposé depuis 2010 comme le plus grand port sec de Chine pour le transit du fret international: celui-ci est passé de 160 000 tonnes en 1991 à 25,4 millions de tonnes en 2014 (CAREC, 2015), notamment grâce à quatre plates formes de transbordement d'une capacité annuelle de 200 000 unités équivalent vingt pieds (EVP). La création d'une zone franche douanière en 2014 permet aux transitaires et aux industriels de bénéficier du remboursement des taxes sur les exportations ainsi que d'une exonération des droits d'importation.

Selon la même logique, l'achèvement en 2012 d'un nouveau maillon ferroviaire de 578 km entre la Chine et le Kazakhstan consacre l'interconnexion directe entre Urumqi et Almaty, deux villes importantes, respectivement capitale de la Région du Xinjiang et capitale économique du Kazakhstan. Ce corridor est dynamisé par la création à Khorgas d'une zone de libre-échange transfrontalière encadrée par un doublet de zones franches. Il préfigure le premier maillon dans la construction du nouveau corridor eurasiatique méridional.

2.3. Le corridor méridional de la Route de la soie

Ce corridor vise à connecter la Chine aux puissances démographiques du Moyen-Orient, l'Iran et la Turquie. Le projet a aussi l'avantage d'ouvrir les échanges sur l'Europe orientale ainsi que sur deux fenêtres maritimes stratégiques, la Méditerranéenne et le golfe Persique, afin d'établir la liaison avec « la route de la soie maritime du XXIe siècle ». Bien que reprenant l'itinéraire « traditionnel » de la branche principale des routes de la soie, ce corridor peine à émerger faute de coopération entre les Etats d'Asie centrale. Si ce corridor existe physiquement, la connexité ferroviaire et routière ayant été réalisée entre le Xinjiang, l'Iran et la Turquie, l'environnement politique freine la fluidité des flux. Ainsi, le service ferroviaire quotidien inauguré en 2002 entre Almaty et Téhéran, *via* Tachkent et Turkménabat, a été supprimé quelques semaines après son lancement, l'Ouzbékistan ayant refusé d'attribuer des sillons réguliers de circulation aux différents opérateurs ferroviaires nationaux (Peyrouse et Raballand, 2015). Soucieux d'asseoir leur souveraineté et d'assurer leur développement, les républiques centrasiatiques érigent des barrières douanières afin de protéger leur marché intérieur. Par conséquent, le coût et la durée des transports sont surenchéris par le franchissement des frontières soumis à de fastidieux contrôles et à des frais élevés de dédouanement, de transbordement et de transit, sans compter les pots-de-vin. Loin des standards internationaux, la durée moyenne pour le passage du fret aux frontières des cinq Etats d'Asie centrale et de leurs voisins (Chine, Russie, Mongolie, Pakistan, Afghanistan) est en 2014 de 14 heures par la route et de 32,6 heures par train (CAREC, 2015). En conséquence, tout un volet du programme de la Ceinture économique vise à créer un environnement politique propice aux échanges internationaux. Sur la base d'un « bénéfice mutuel », la

diplomatie chinoise propose à ces voisins une aide au développement assujettie à des programmes de coopération portants sur le commerce, l'investissement, l'harmonisation et la normalisation des pratiques douanières. Le temps de la coopération étant beaucoup plus long que celui de la mise en place des infrastructures, les obstacles à la libre circulation ne sont cependant pas insurmontables, comme en témoigne l'émergence du corridor Chine-Europe.

2.4. Les ramifications des barreaux méridiens

La création de corridors transcontinentaux du Pacifique à l'Atlantique s'accompagne aussi de ramifications vers les mers du sud. Cela se traduit par la construction d'un nouveau barreau méridien reliant la Chine à l'Asie du Sud, le corridor sino-pakistanaï. Ce dispositif vient compléter un maillage déjà existant liant la Chine aux mers d'Asie du Sud-Est, grâce aux corridors de la Région du Grand Mékong (Fau et *al*, 2013).

En 2015, Pékin a débloqué 46 milliards de dollars pour la réalisation d'un axe économique de 3 000 km entre Kachgar et le port pakistanaï de Gwadar. L'aide chinoise est allouée au développement des liaisons routières (Karakoram Highway, Gwadar/Karachi et Gwadar/Islamabad) et ferroviaires et à l'aménagement du port de Gwadar et de sa zone économique spéciale gérés par la société Chinese Overseas Ports Holding Company. Élément stratégique du « collier de perles », cette nouvelle fenêtre maritime dotée d'un terminal à conteneurs a pour ambition d'être un port de concentration et d'éclatement capable de concurrencer le *hub* de Djebel Ali (Dubaï). Le port doit aussi devenir un *hub* énergétique: un terminal méthanier permettra d'importer du gaz du Qatar et de liquéfier celui venu d'Iran tandis qu'une raffinerie assurera le traitement du brut moyen-oriental expédié par oléoduc vers le Xinjiang. Comme pour le corridor sino-birman, cet axe doit servir de voie alternative pour l'alimentation énergétique de la Chine car 77% de ses approvisionnements en pétrole transitent par le détroit de Malacca, zone sensible en raison des tensions qui règnent en mer de Chine méridionale (Shaikh et *al*, 2016). Les potentialités de développement de ce corridor sont cependant problématiques. L'axe Kachgar-Gwadar s'inscrit dans des « régions de marges » en proie aux tensions géopolitiques. Gwadar est en effet situé dans la province pakistanaï du Baloutchistan, province la plus vaste du pays, mais aussi la plus

pauvre et peuplée par des populations baloutches hostiles au pouvoir central. Cela ne va pas sans rappeler la situation du Xinjiang, où les Ouïgours frappés par un déclassement socio-économique, contestent le pouvoir et la politique de Pékin (Cariou 2015). De plus, le corridor passe au Cachemire (Gilgit-Baltistan) occupé par le Pakistan depuis 1947, mais revendiqué par l'Inde. Même si les obstacles physiques sont moins aigus que les tensions politiques, ils ne sont pas à sous-estimer. La création d'un axe multimodal à travers une des régions les plus hautes du globe est techniquement possible, mais sa rentabilité est aléatoire. Outre le coût élevé des infrastructures, des pans entiers de montagne glissent régulièrement sous l'effet des séismes et viennent détruire les ouvrages, interrompant le trafic, comme cela fut le cas pour la Karakorum Highway entre 2010 et 2015. Quoiqu'il en soit, ce projet de corridor multimodal vient renforcer l'ouverture de la Chine vers les mers du sud car il s'ajoute aux corridors déjà opérationnels de la péninsule Indochinoise: axe sino-birman, qui fait transiter le pétrole entre le port de Sittwe et Kunming au Yunnan, et axe routier Rangoun-Kunming. Force est de constater que ces corridors méridiens renforcent la présence chinoise dans les mers du sud, tout en évitant l'Inde, rivale régionale de la Chine.

III. Des corridors eurasiatiques complémentaires ou concurrents?

3.1. Les handicaps du Transsibérien

Pour des raisons objectives, le corridor central passant par l'Asie centrale se positionne comme le corridor ayant un potentiel de développement plus important que le corridor transsibérien. Avec près de cent ans d'exploitation, ce dernier présente des infrastructures vétustes qui limitent la vitesse des convois entre 15 et 20 kilomètres/heure en moyenne, notamment entre Irkoutsk et Manzhouli où le parcours sinueux à travers les monts Iablonovy exige le franchissement d'ouvrages d'art anciens. De plus, le réseau peut difficilement absorber une augmentation du volume de fret car il peine souvent à répondre au transport intérieur en raison de l'encombrement des voies par de nombreux convois en stationnement et au manque de voies d'évitement. La question de la lenteur du transport de marchandises sur le Transsibérien comme sur le Baïkal-Amour est un handicap majeur, la vitesse étant le plus grand avantage du transport transcontinental de marchan-

disés par rail. Conscient de la faible compétitivité de ce corridor, l'Etat russe a lancé en 2013 le projet de développement des infrastructures ferroviaires du polygone oriental. D'ici 2020, 562 milliards de roubles (environ 8 milliards d'euros) seront investis dans la modernisation des voies du Transsibérien et du Baïkal-Amour afin de fluidifier le trafic et de contribuer à l'essor industriel et au développement de la Sibérie et de l'Extrême-Orient russe. Mais les retards dans les chantiers et les problèmes de financements rendent pour le moment la situation peu attractive pour les investisseurs et les opérateurs de services logistiques.

Il faut ajouter à cela l'extrême rigueur du climat sibérien qui interdit pour les exportateurs de matériel électronique et informatique les convois durant l'hiver, les composants électroniques ne supportant pas longtemps des températures négatives de -20°C .

Pour des raisons géographiques et logistiques, le corridor central passant par l'Asie centrale est plus attractif car plus rapide: au minimum 6 jours de gain pour une même distance de 11 000 km. C'est qu'en Chine et au Kazakhstan, le réseau est bien plus récent, voir entièrement neuf sur certains tronçons en raison d'investissements massifs réalisés par ces deux pays depuis la disparition de l'URSS. En outre, le parcours rectiligne à travers les steppes kazakhes et la Chine de l'ouest évite les obstacles montagnards grâce au corridor du Gansu (entre le plateau tibétain et le désert de Gobi) et à la Porte de Dzungarie. Autre avantage, le trajet est plus méridional d'où des conditions thermiques plus favorables permettant un trafic régulier tout au long de l'année pour le transit du matériel électronique, même si les convois hivernaux nécessitent l'usage de conteneurs isolés pour la traversée du Xinjiang et du Kazakhstan.

3.2. L'essor du corridor central lié au glissement des systèmes productifs chinois

L'essor du trafic ferroviaire eurasiatique est en partie dû aux effets des politiques d'aménagement du territoire conduites au début des années 1990 par le gouvernement chinois. Afin de répondre au défi des disparités de développement entre un littoral métropolisé ouvert à la mondialisation et un arrière-pays rural et enclavé, le pouvoir central s'est engagé dans la Grande stratégie de développement de l'Ouest. Le désenclavement des périphéries occidentales par les infrastructures

de transport a surtout profité aux villes de Chine centrale, notamment celles situées le long de la grande artère fluviale du Yangzi (Sanjuan, 2015). Des villes comme Wuhan, Chongqing et Chengdu sont devenues de très grands pôles urbains dont la croissance est soutenue par la diffusion industrielle et les délocalisations à partir du littoral. La combinaison d'une meilleure déserte, de coûts de main-d'œuvre plus faibles et d'avantages fiscaux a attiré de nombreux investisseurs vers ces provinces intérieures, notamment dans le domaine de la sous-traitance automobile et de l'assemblage électronique. Toutes les grandes firmes du secteur de l'informatique sont désormais présentes dans les zones franches du haut Yangzi, notamment dans les districts industriels de Chongqing: Foxconn, HP, Acer, Asus, Toshiba, Sony, Cisco, Quanta, Inventec¹. Foxconn, le grand sous-traitant taiwanais de l'électronique a délocalisé une grande partie sa production de Shenzhen à Chengdu où il emploie deux fois plus de travailleurs que dans son site historique chinois, principalement pour assembler les iPads d'Apple.

Mais cet essor industriel nécessite des solutions logistiques inédites. Situées à 1 600 km des terminaux maritimes de Shanghai, les parcs industriels de Chongqing supportent des surcoûts pour exporter leur production. Tandis que le transport des marchandises par voie fluviale sur le Yangzi ou par camion vers les ports saturés de Shanghai et de Shenzhen Yantian puis par mer vers l'Europe occidentale peut prendre de 45 à 60 jours, il faut seulement 21 jours pour qu'un produit sorti des usines de Chongqing atteigne les centres de distribution au cœur du marché européen. La solution de connecter directement par voie ferroviaire les nouveaux sites industriels de Chine centrale aux marchés européens permet de faire l'économie des transferts modaux vers et à partir des grands ports comme Shanghai ou Rotterdam. Cette évolution géographique du système productif chinois nécessite donc une évolution des infrastructures de transport d'où l'initiative des Nouvelles routes de la soie. Dans ce contexte, le corridor eurasiatique central apparaît alors comme une solution logistique compétitive, à l'image du Yuxinou, longue voie ferrée sur laquelle trois convois réguliers hebdomadaires mettent 16 jours pour parcourir les 11 179 km séparant les

¹ En 2014, 61 millions d'ordinateurs portables et de 3 millions de tablettes sont sortis des usines de Chongqing, soit un tiers de la production mondiale d'ordinateurs portables.

usines de Chongqing au terminal logistique de Duisbourg. Comme son nom l'indique, le Yuxinou7 transite par le Xinjiang puis traverse Kazakhstan, la Russie, la Biélorussie et la Pologne pour arriver en Allemagne.

3.3. Un potentiel prometteur pour le corridor méridional

Si le soft power chinois arrive à aplanir tous les problèmes politique et technique, le corridor méridional qui doit prochainement connecter la Chine au Moyen-Orient et à l'Europe orientale, en passant par l'Asie centrale, est promis à un bel avenir. En effet, dans la mesure où la demande arrive à saturation dans les pays industrialisés, le moteur de la croissance économique mondiale se situe désormais dans les pays en développement qui concentrent aussi la majorité de la population mondiale, ce qui favorise donc une augmentation de la demande. En soutenant la construction d'infrastructures en direction des pays du Moyen-Orient (Iran, Turquie, Egypte) mais aussi du sous-continent indien avec la ramification vers le Pakistan, la Chine s'ouvre de nouveaux marchés.

Face aux poids des populations et aux marchés de pays d'Asie du Sud et du Moyen-Orient, les régions d'Asie centrale et de Sibérie apparaissent vides si bien que leur potentiel de développement est limité. La stratégie chinoise se limite à capter les grands flux vauquiers pétrochimiques, miniers et agro-alimentaires de ces régions enclavées vers son territoire. Cela confine la Sibérie et l'Asie centrale à un rôle de fournisseur de matières premières, donc à des espaces de transit où la valeur ajoutée et le développement se font ailleurs.

Conclusion

En définitive, l'ensemble des corridors capte une part infime du commerce Chine-Europe, moins de 2%. Cependant ce mode transcontinental n'en est qu'à ses débuts et l'augmentation régulière du trafic montre qu'il s'agit d'une solution logistique rentable pour un marché de niche de conteneurs. Son essor est révélateur des adaptations et des nouveaux besoins du commerce international en pleine mutation.

Tant que le corridor méridional Chine-Moyen-Orient ne sera pas achevé, la Russie restera un territoire de transit incontournable entre l'Europe et l'Asie. En revanche, le Transsibérien est désormais

directement concurrencé dans sa section orientale par l'émergence du nouveau corridor ferroviaire porté par la Chine et le Kazakhstan. De façon pragmatique, le Transsibérien est appelé à devenir un parcours septentrional complémentaire aux nouveaux axes transcontinentaux mis en place dans le cadre des nouvelles Routes économiques de la Soie, car aucun corridor ne peut absorber à lui seul l'ensemble du trafic. Toutefois, dans un contexte de compétition internationale, la Russie aura-t-elle les capacités financières pour rendre attractif son territoire oriental et rivaliser avec la Chine qui oriente prioritairement ses investissements vers des corridors et des territoires qui lui sont plus profitables. En ce sens, l'essor des couloirs transcontinentaux est emblématique d'un nouvel ordre géopolitique eurasiatique et d'une nouvelle organisation spatiale très sélective.

Информация об авторе

Алэн Кариу — доцент факультета географии университета Париж-Сорбонна (Франция, г. Париж), e-mail: alain.cariou@paris-sorbonne.fr.

Author

Alain Cariou — associate Professor at the faculty of geography of the University Paris-Sorbonne (France, Paris), e-mail: alain.cariou@paris-sorbonne.fr.

УДК 339.9(517.3)

**А.П. Суходолов,
Ю.В. Кузьмин**

ЭКОНОМИКА МОНГОЛИИ В СИСТЕМЕ БОЛЬШОЙ ЕВРАЗИИ

В статье представлена характеристика современной экономики Монголии, ее проблемы и трудности. Основное внимание уделено анализу внешнеэкономических связей Монголии в Восточной Азии с основными партнерами в регионе. Рассмотрены вопросы иностранных инвестиций в монгольскую экономику, особенно сырьевой сектор страны, а также формирование транспортных коридоров Китай-Монголия-Россия.

Ключевые слова: экономика Монголии; сырьевые ресурсы; иностранные инвестиции; Россия; Китай; «третий сосед»; транспортные коридоры; национальные интересы.

**A.P. Sukhodolov,
Yu.V. Kuzmin**

ECONOMY OF MONGOLIA IN THE SYSTEM OF GREATER EURASIA

The article presents the characteristics of the current economy of Mongolia, its problems and difficulties. The focus is on the analysis of foreign economic relations of Mongolia with its key partners in East Asia. The authors consider the issues of foreign investments into Mongolian economy, namely the country's commodities sector and formation of the transport corridor China-Mongolia-Russia.

Keywords: Mongolia's economy; natural resources; foreign investments; Russia; China; the "third neighbor"; transport corridors; national interests.

Современная мировая экономика вошла в зону экономической нестабильности и переформатирования. Данные экономические

процессы и тенденции приняли явную форму и проявили себя после 2014 года. Ранее они имели скрытый характер и проявляли себя в очень завуалированном виде. Длительное время глобализация казалась незыблемой и вечной. Процессы глобализации приняли всеобщий характер и захватили экономическую, политическую, научную, информационную и культурную сферы. Но оказалось, что это не так и многое стало меняться.

В мире происходит серьезная структурная реформация, формируется многополярный экономический порядок; не удалась попытка США после распада СССР создать однополярный мир, ориентированный на одну страну, одну валюту, одну либеральную модель экономики. Страны мира не приняли данную систему, явно и прямо ей сопротивлялись. Попытки путем «цветных революций» насадить американский порядок в странах Западной Азии также натолкнулся на жесткое сопротивление и противостояние. Страны исламской цивилизации имеют свои ценности, более древние и глубокие, чем молодая американская модель, которая является одной из западных моделей экономики, причем представляет не лучшую ее часть. Более привлекательной в мировой экономике может быть социально-рыночная модель, которая особенно удачна во Франции, Германии, Швеции. К сожалению, приходится констатировать, что она также исчерпывает свои экономические возможности, нуждается в серьезной социально-экономической корректировке и, видимо, в ближайшие годы это и произойдет. В последнее десятилетие довольно успешен экономический опыт Финляндии, Норвегии, Дании, где гармонично сочетаются интересы элиты и населения. Разумеется, это очень небольшие страны, где успешные системы образования, системы социальной помощи и поддержки, возможны в небольших по населению и площади странах.

Экономика Монголии за последние 25 лет прошла сложный путь трансформации национальной экономики от государственно-плановой к рыночной. Проведена поэтапно массовая приватизация государственной собственности, сейчас доля частного сектора составляет 80 %. На этом пути были не только достижения, но и потери. Была сокращена доля промышленного производства. В 1990–2003 гг. производство валовой промышленности сократилось

приблизительно на 20 %, нижняя точка приходилась на 1993 год – 40 %. В два раза вырос объем горнодобывающей промышленности и в 2,5 раза сократился объем продукции обрабатывающей продукции (Грайворонский, 2007, с. 25). Быстрыми темпами растет добыча цветных металлов (меди), золота, угля, нефти.

Экономика современной Монголии переживает сложный период своего развития. Кризис мировой экономики и падение спроса и цен на сырьевые ресурсы Монголии (медь, уголь, нефть и др.) привели к резкому сокращению прибыли компаний, занятости и доходов государственного бюджета. Отсутствие конкуренции на сырьевые товары Монголии и покупка только Китаем привели к резкому снижению цены на медь, уголь, сельскохозяйственное сырье.

Рост ВВП Монголии в 2014 году составил 7,9 %, в 2015 году – 2,3 %. Ранее были годы, когда рост ВВП достигал 14 % в год, когда цены на сырьевые товары были стабильными и высокими.

Как известно, Монголия обладает крупными месторождениями угля (Тавантолгой), меди (Оуютолгой, Эрдэнэт) мирового уровня, которые разработаны и уже эксплуатируются. Экспорт сырьевых ресурсов – ведущая статья дохода бюджета, более 60 % дохода бюджета. Поэтому падение мировых цен на сырьевые товары, сразу сказывается на экономическом положении страны, доходах населения и его занятости. Это слабое место современной монгольской экономики. Это обстоятельство усугубляется также тем, что основным покупателем данного сырья является один покупатель – Китай, который пользуется монопольным положением и диктует ценовую политику на монгольском рынке. В этих условиях диверсификация монгольской экономики (и прежде всего быстрое развитие обрабатывающих и наукоемких отраслей экономики) и поиск новых внешнеэкономических партнеров на мировом рынке – настоятельная необходимость стабильного развития современной Монголии.

Монголия не имеет выхода к морю и это усложняет ее внешнеэкономические связи. Ее местонахождение между Россией и Китаем, зависимость от экономических и политических отношений с соседними странами серьезно влияют на экономическое положение кочевой страны. В настоящее время (начало сентября 2017 г.) Монголия ищет варианты транспортировки монгольско-

го угля через морской порт Владивостока. Это позволит избежать низкой цены, которую предлагают китайские покупатели, так как позволит выйти на альтернативные рынки Восточной Азии (Южная Корея, Япония и т.д.). Также необходимо отметить, что Монголия имеет флот, который плавает под монгольским флагом (более 200 кораблей различных стран). Монголия в рамках Восточного экономического форума во Владивостоке решала вопрос о подготовке монгольских морских специалистов. Наиболее сложная проблема – это железнодорожные тарифы перевозки грузов, в данном случае необходимы льготные тарифы.

Монголия уже находилась в составе Цинской империи и в составе советского блока, поэтому хотела сохранить экономическую и политическую независимость. Заявления о политике нейтралитета Монголии и реализация на практике этого положения мало согласуются. В настоящее время экономика Монголии находится под значительным экономическим влиянием могущественного Китая (инвестиции, внешняя торговля). В период последней президентской компании все кандидаты в президенты подчеркивали высокую зависимость экономики Монголии от южного соседа и считали необходимым расширять российско-монгольское экономическое сотрудничество, чтобы сбалансировать отношения в треугольнике Россия-Монголия-Китай.

Большие надежды в Монголии возлагали и возлагают на т.н. «третьего соседа» Монголии в лице США, Японии, Южной Кореи, стран Западной Европы. К сожалению, масштабы экономического сотрудничества и инвестиций незначительны и не компенсируют масштабы сотрудничества в треугольнике. Современная Монголия активно расширяет экономическое сотрудничество со странами, которые ранее не были ее активными партнерами: Иран, ОАЭ, Израиль, Турция и др. Здесь существуют значительные возможности расширения экономического и научного сотрудничества. Например, в Турции уже сегодня обучается более 400 монгольских студентов; в далекой Австралии – более 200 студентов и магистрантов.

Наиболее масштабные и тесные экономические и политические отношения связывают Монголию с Японией и Южной Кореей. Наибольшее число монгольских мигрантов работает и учится

в Южной Корее, значительные научные связи между Монголией и Японией, инвестиционная поддержка Монголии также со стороны Японии и Южной Кореи, которые рассматриваются как близкие и родственные азиатские народы. Молодежь Монголии также тяготеет к молодежной корейской культуре. Обе страны воспринимаются в Монголии, как азиатские страны, которые добились выдающихся результатов.

Основные экономические проблемы: недостаток инвестиций, небольшое население (3 млн чел.) и его неравномерное размещение в центре страны г.Улан-Батор (1.4 млн чел.), политическая нестабильность и частая смена монгольских правительств (за 10 лет 15 правительств), коррупция и вывоз капитала.

Частая смена правительств, изменение законодательства в сфере добычи полезных ископаемых и налогообложения в данной сфере приводят к оттоку иностранных инвесторов, частым судебным процессам. Коррупционная составляющая привела к громадному социальному расслоению монгольского общества, социальной нестабильности. Инвестиционный форум в Улан-Баторе в начале сентября 2017 года отметил необходимость разработки конкретных и стабильных правил привлечения иностранного капитала, сокращение административных препятствий.

Активная добыча полезных ископаемых приводит к вытеснению монгольских кочевников с традиционных мест проживания и разрушению экологии. Также процессы опустынивания приняли угрожающие размеры для Монголии. Процессы опустынивания в Монголии имеют природную основу, связанную с потеплением мирового климата и влиянием развития скотоводов, в связи с массовым разведением скота (80 млн голов скота), особенно монгольских коз.

Монгольское правительство и научная элита страны заинтересованы в развитии перерабатывающей промышленности и наукоемкого производства. Монгольские ученые и изобретатели предлагают различные наукоемкие технологии, которые находят поддержку бизнеса и государственных структур. Монгольская молодежь талантлива и динамична, она активно получает образование в лучших зарубежных университетах, участвует в научных проектах и побеждает в интеллектуальных соревнованиях. Так, в авгу-

сте 2017 г. на Азиатских играх монголы завоевали 73 медали из 90 возможных наград. Со временем это может перейти в качество. Правда, это имеет и оборотную сторону – миграцию талантливых монгольских ученых за границу.

Особое положение Монголии между двумя крупными державами: Россией и Китаем в последние годы приобретает и свои экономические преимущества. Превращение Китая в мировую экономическую державу, которая заинтересована в стабильных транспортных коридорах Китай – Европа, формирование транспортных коридоров «Один пояс – один путь», нового Шелкового пути включает и Монголию, как одно из важных звеньев этих проектов. Включение Монголии в систему международных железнодорожных, авиационных и автомобильных коридоров позволит усилить экономические позиции страны в международной экономике, особенно во Внутренней Азии. Монголия рассматривается, как один из шести вариантов транспортных коридоров Китай – Западная Европа. В настоящее время активно функционирует транспортный коридор из Китая через страны Центральной Азии, что позволяет китайской стороне успешно маневрировать с другими вариантами и партнерами. В августе 2017 г. в Улан-Удэ прошло рабочее совещание представителей транспортных структур России, Монголии и Китая и было принято решение формировать транспортный коридор Тяньцзинь – Улан-Батор – Улан-Удэ в двух вариантах: железнодорожном и автомобильном. Реализация данного Проекта намечена на начало 2018 года. Речь идет о модернизации существующих дорог и совершенствовании пограничных переходов, а также о создании современной инфраструктуры в транзитных странах.

Монголия занимается совершенствованием качества железнодорожных и автомобильных дорог страны, увеличением скорости перевозок, увеличением числа пограничных пунктов пропуска пассажиров и товаров. Это позволит улучшить или создать заново современные автомобильные дороги, международные аэропорты, увеличить число современных рабочих мест в сфере обслуживания и туризма. Продолжаются в Монголии также дискуссии: какие железные дороги строить в Монголии: российских или китайских стандартов?

Начато строительство новой железной дороги от Эрдэнэта до границы с Тывой, предполагается в перспективе ее соединение с дорогой по Тыве, которая только строится. Это позволит резко сократить путь в Европу и выйти на развитые регионы Южной Сибири.

Как известно, в настоящее время Китай активно создает систему транспортных коридоров в Европу через страны Центральной Азии, частично затрагивая и Россию. Данный коридор более короткий по времени, чем российский Транссиб, поэтому косвенно обостряет конкуренцию. Китай активно создает хабы в странах мира, то есть склады китайской продукции, дороги, мосты и другие транспортные коридоры, необходимые быстрой доставки китайских товаров или производства их в данной территории. Например, запущен самый длинный в мире грузовой железнодорожный коридор Харбин-Гамбург. Также, например, в Белоруссии, около Минска создается так называемый индустриальный Парк «Великий камень», на площади 80 км². Весь данный проект оценивается примерно в 80 млрд дол.

Высокие темпы экономического роста в КНР, выход ряда отраслей промышленного производства страны на лидирующие позиции в мире, формирование новой транспортной системы и логистики в Северо-Восточной Азии, в том числе, так называемого, «Нового шелкового пути», создадут уже в ближайшей перспективе значительные проблемы и трудности для российской экономики, которая теряет свои экономические позиции в современной международной экономике, в связи с экономическими санкциями, оттоком отечественного и иностранного капитала из страны и неадекватной требованиям времени экономической моделью развития России. Серьезное усиление геополитического и военного статуса России пока компенсирует экономического блока, но в дальнейшем это будет проявлять себя в все более негативном свете.

Стратегическое партнерство с КНР также имеет свои пределы, так само понятие стратегическое партнерство для современного Китая вообще неприемлемо. Государство ДжунГо (Срединное государство или Срединная империя) не рассматривало и рассматривает соседние страны и народы стратегическими партнерами, а только временными союзниками, причем не всегда равноправ-

ными. Считаем это политическое, экономическое и военное партнерство тактическим, со стороны Китая, до тех пор, пока он не укрепит свои позиции до уровня равного военно-геополитического потенциала США или близкое, для прямой конкуренции и противостояния (выделено автором). Российской стороне необходимо конкретно просчитывать не только позитивные перспективы, но и трудности, проблемы, которые возникнут при реализации Проектов, инициированных и продвигаемых китайской стороной.

Экономическое превосходство КНР в ближайшей перспективе дополнится военно-геополитическим превосходством и более высоким научным уровнем мирового лидерства. Расходы на науку и образование Китая, превосходящие российские в разы, уже дают свои первые плоды, а, в ближайшее время, покажут всему миру реальные научные успехи мирового уровня.

Россия заявляет об экономической, политической и научной заинтересованности в российско-монгольском сотрудничестве, но пока это несопоставимо с размерами китайско-монгольского экономического сотрудничества, китайских инвестиций и возможностей. Экономика Монголии все в большей степени попадает в зависимость от Китая. Полученные кредиты придется в недалеком будущем отдавать, найти других покупателей монгольского сырья пока не удастся и цены на него держатся на низком уровне. Китайское руководство довольно жестко отреагировало на визит Далай-ламы в Монголию, а главное не выделило обещанный кредит в 4 млрд дол.

В целом, положение России и Монголии в треугольнике Россия-Монголия-Китай в некотором смысле довольно схожи, хотя и не идентичны и. По структуре своего экспорта в Китай они являются сырьевыми поставщиками для быстрорастущей экономики Китая, своеобразными придатками экономики или периферией китайской экономики, которая быстрыми темпами идет к мировому лидерству. Данное сотрудничество в большей степени отвечает национальным и экономическим интересам Китая, а не России и Монголии. Дальнейшее развитие в данном направлении будет иметь негативные последствия для экономик России и Монголии, особенно монгольской экономики, серьезно зависимой от КНР.

Монгольской экономике необходимо резко наращивать обрабатывающую промышленность, современные технологии в сельском хозяйстве, энергетике, связи. Предстоит создать и развивать еще один крупный город, чтобы разгрузить перенаселенность и экологическое неблагополучие монгольской столицы. Инвестирование прорывных монгольских технологий в отдельных сферах (медицина, альтернативная энергетика, электроника и т.п.) позволит использовать накопленный интеллектуальный потенциал монгольских ученых. Интенсивное развитие региональных экономических отношений Монголии с Бурятией, Тывой, Иркутской областью и Забайкальским краем позволит совместными усилиями интенсифицировать национальную экономику и сохранить независимость, повысить качество жизни населения Монголии.

Информация об авторах

Суходолов Александр Петрович – доктор экономических наук, профессор, ректор, Байкальский государственный университет, 664003, Российская Федерация, г. Иркутск, ул. Ленина, 11, e-mail: rector@bgu.ru

Кузьмин Юрий Васильевич – доктор исторических наук, профессор, кафедра мировой экономики и международного бизнеса, Байкальский государственный университет, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11, e-mail: Kuzminuv@yandex.ru.

Authors

Alexander P. Sukhodolov – D.Sc. in Economics, Professor, Rector, Baikal State University, 11 Lenin St., 664003, Irkutsk, the Russian Federation, e-mail: rector@bgu.ru.

Yuri V. Kuzmin – DSc in History, Professor, Department of World Economy and International Business, Baikal State University, 11 Lenin St., 664003, Irkutsk, Russian Federation, e-mail: kuzminuv@yandex.ru.

УДК 327 (517.3)

Ж. Баясах

НОВОЕ РАЗВИТИЕ В ОТНОШЕНИЯХ МЕЖДУ МОНГОЛИЕЙ И ЕЕ СОСЕДНИМИ СТРАНАМИ

Если северный сосед Монголии – возрождающаяся империя с самой большой территорией и владеющая ядерным оружием, то ее южный сосед – самая большая развивающаяся страна с самым большим населением мира, владеющая ядерным оружием. Обе державы проводят на международной арене свою особенную самостоятельную политику и занимают отдельные позиции. Поэтому можно сказать, что Монголия является чуть ли не единственной в мире страной с таким особым геополитическим расположением.

В ноябре 2012 года на XVIII съезде КПК было объявлено, что к 100-летию со дня образования КНР в 2049 году Китай станет богатой, сильной, демократической, цивилизованной, идеально обновленной социалистической страной. Было заключено, что Китай является «самой крупной развивающейся страной в мире».

В утвержденной в феврале 2011 года обновленной «Концепции внешней политики Монголии» указано, что «приоритетной задачей внешней политики Монголии являются дружественные связи и проведение равномерных связей и развитие широкомасштабных, добрососедских партнёрских отношений с РФ и КНР», что является новым подтверждением задач, принятых в «Концепции внешней политики Монголии» 1994 года.

Во время официального визита Премьер-Министра Монголии С. Батболда в КНР в июне 2011 года, осуществленного по приглашению Премьер-Министра Госсовета КНР, в «Совместной Пекинской декларации» было решено «развивать в дальнейшем отношения двух стран с опорой на стратегическое партнёрство». В ней указано, «путём увеличения политических связей и взаимного доверия неуклонно укреплять политическую основу стратегического партнёрства Монголии и Китая». Тем самым, китайская сторона доказала приверженность Правительства КНР к стратегической линии развития дружественных связей с Монголией, а монголь-

ская сторона подтвердила, что одной из приоритетных направлений внешней политики Монголии является всестороннее развитие дружественных связей и сотрудничества с КНР.

Ключевые слова: Монголия; Россия; КНР; сотрудничество.

J. Bayasakh

NEW DEVELOPMENT OF RELATIONS BETWEEN MONGOLIA AND ITS NEIGHBORS

If the northern neighbor of Mongolia is a reviving empire with the biggest territory, the one possessing nuclear weapon, its southern neighbor is the biggest developing country with the world's biggest population, possessing nuclear weapon. The both superpowers pursue their specific autonomous policy on the global stage and take up separate positions. That's why, one can say that Mongolia is probably the world's only country with such a specific geopolitical location.

In November 2012, the XVIII convention of the Communist Party of China declared that, by the 100-th anniversary of establishment of PRC, China will have been a rich, powerful, democratic, civilized, ideally renewed socialist country and a conclusion was made that China "is the biggest developing country in the world"

The renewed "Concept of Foreign Policy of Mongolia", confirmed in February, 2011, indicates that "The priority task of Mongolia's foreign policy is friendly ties and maintaining out equable ties and development of large-scale neighborly partner relations with RF and PRC", which is a new evidence of the tasks, approved of in the "Concept of Foreign Policy of Mongolia" of 1994.

During the official visit of Mongolia's Prime-Minister S. Batbold to PRC in June, 2011, carried out on invitation of Prime-Minister of PRC State Council, it was decided in "Joint Beijing Declaration" "to develop hereafter the relations of the both countries backed by strategic partnership". It stated that "by encreasing political ties and mutual confidence to strengthen consistently the political basis of the strategic partnership of Mongolia and China". In doing so, the Chinese Part has proved the commitment of PRC Government to the strategic line

of developing friendly ties with Mongolia, while the Mongolian Part has confirmed that one of the priority directions of Mongolia's foreign policy is all-round development of friendly ties and cooperation with Chinese People's Republic.

Keywords: Mongolia; Russia; PRC; cooperation.

Было отмечено, что расширение и углубление торгово-экономического сотрудничества, устойчивое развитие взаимовыгодного партнёрства и продолжение совместного развития являются долгосрочной движущей силой стратегического партнерства Монголии и Китая.

Подписанная 25 октября 2013 года в Пекине «Среднесрочная и долгосрочная Программа развития отношений стратегического партнёрства между Монголией и КНР» является картой реализации сотрудничества в определенных областях¹.

В августе 2014 года по приглашению Президента Монголии Ц.Элбэгдоржа состоялся государственный визит в Монголию Председателя КНР Си Зиньпина. В ходе расширенных переговоров главы двух государств отметили, что монгольско-китайские отношения «достигли отношений всестороннего стратегического партнёрства», и подписали декларацию по развитию этих отношений², что стало важнейшим событием данного визита.

Стороны, основываясь на нынешних благоприятных условиях в развитии монгольско-китайских отношений на высоком уровне и исходя из насущных требований времени, в соответствии с взаимными стремлениями к дальнейшему углублению отношений стратегического партнерства, отвечающим общим интересам двух стран и народов, чтобы быть добрыми соседями, хорошими партнёрами и друзьями с вечно доверительными и ответственными отношениями, единогласно договорились поднять уровень стратегического партнерства Монголии и Китая и установить отношения всестороннего стратегического партнерства между Монголией и Китаем.

Несмотря на любые изменения в международной обстановке, два государства будут следовать главной линии в своих межго-

¹ Среднесрочная и долгосрочная Программа развития отношений стратегического партнёрства между Монголией и КНР.

² Совместная декларация о развитии всестороннего партнёрства между Монголией и КНР.

сударственных отношениях и учитывать интересы друг друга со стратегического угла зрения. Необходимо оказывать последовательную взаимную поддержку в главных вопросах суверенности, безопасности, территориальной целостности, а также крупных проблем, привлекающих внимание страны-партнёра.

Руководители двух государств будут встречаться по разным линиям, интенсифицировать стратегическую координацию, укреплять взаимное политическое доверие.

Стороны договорились в соответствии с «Договором о дружественных отношениях и сотрудничестве между Монголией и КНР» от 1994 года и другими документами взаимно уважать независимость, суверенное право, территориальную целостность друг друга, на основе принципов ненападения, неприменения силы, невмешательства во внутренние дела, равноправия, взаимной выгоды, мирного сосуществования, взаимного уважения выбранного пути развития друг друга расширять и углублять дружественное сотрудничество.

Стороны отметили, что не будут проводить какие-либо действия, заключать договоры, вступать в альянсы и группировки, наносящие вред суверенному праву, безопасности, территориальной целостности другой стороны, участвовать в действиях, направленных против другой стороны, не разрешать какой-либо третьей стране, организации и группировке проводить на своей территории какие-либо действия, наносящие вред суверенному праву, безопасности и территориальной целостности другой стороны.

Стороны вновь подтвердили, что развитие традиционных дружественных отношений на основе принципов взаимного уважения, взаимной выгоды и стабильности является одним из приоритетных стратегических направлений внешней политики двух государств.

Монгольская сторона высоко оценила проводимую КНР в отношении соседних стран политику совместного, взаимовыгодного развития и разделения результатов развития в соответствии с принципом «большей близости, чистой душевности, взаимной выгоды и доступности». Стороны отметили, что данный принцип создает более благоприятные возможности для развития отношений между Монголией и Китаем, а также регионального сотрудничества.

Новой особенностью Декларации явилось то, что стороны создали механизм «Стратегического диалога» между МИД двух стран, договоренность о постоянном обмене мнениями по вопросам отношений и сотрудничества между двумя странами, внешней политике, и интересующим их международным и межрегиональным проблемам.

В совместной декларации достигнута договоренность о всестороннем развитии сотрудничества в широкой сфере торговли и экономики, образования, здравоохранения, культуры и гуманитарной области.

Стороны договорились в дальнейшем укреплять взаимодействие и координацию в рамках механизма сотрудничества в ООН, АСЕМ, Конференции по укреплению сотрудничества и взаимного доверия в Азии, Региональной ассамблеи АСЕАН, ШОС, «Большой туманганской инициативы» и др. многосторонних организациях.

Монгольская сторона выразила готовность сотрудничества в рамках инициативы «Экономического пояса шёлкового пути», участия в качестве страны-соучредителя в деятельности «Азиатского банка развития инфраструктуры».

Китайская сторона подтвердила поддержку инициативы Президента Монголии Ц. Элбэгдоржа «Улаанбаатарский диалог» по вопросам безопасности в СВА.

Здесь необходимо отметить новую парадигму внешней политики Монголии и инициативу Монголии по проведению саммита трёх соседних государств в Улаан-Батаре.

В подписанной 25 октября 2013 года в Пекине «Среднесрочной и долгосрочной Программе развития отношений стратегического партнёрства между Монголией и КНР» говорится о достижении единогласной договоренности о дальнейшем укреплении механизма трехсторонних консультативных встреч Монголии, России и Китая и продвижении вопроса о создании механизма проведения консультативных встреч на уровне заместителей министров иностранных дел. Важное значение имеет заявление о том, что в случае необходимости будут организованы трёхсторонние встречи на высшем уровне, еще больше будут продвинуты трехстороннее сотрудничество между Монголией, Китаем и Россией»¹.

¹ Среднесрочная и долгосрочная Программа развития отношений стратегического партнёрства между Монголией и КНР.

В «Совместной Улаанбаатарской декларации о развитии всестороннего партнёрства между Монголией и КНР от 21 августа 2014 года говорится о поддержке сторонами инициативы Монгольской стороны по организации встреч руководителей Монголии, Китая и России, укреплении механизма трехсторонних переговоров, интенсификации трехстороннего сотрудничества.

11 сентября 2014 года в столице Таджикистана Душанбе был успешно проведен первый трехсторонний саммит глав государств Монголии, Китая и России по реализации инициативы «Улаанбаатарского диалога». Во время встречи главы государств обсудили инициативу Монголии и достигли определенного взаимопонимания и договорённостей. Это является новой парадигмой внешней политики Монголии.

Можно считать, что Монголия сформировала правовые основы партнерских отношений с соседними странами в своей геополитической обстановке.

Монголия подписала следующие правовые документы: с Японией в 1997 году «*Полное партнерство*», в 2010 году «*Стратегическое партнерство*», С Республикой Корея в 1999 году «*Партнерство сотрудничества и развития*», в 2006 году «*Партнерство добрососедской дружбы и сотрудничества*», в 2011 году «*Полное партнерство*», С США в 2004, 2005 гг. «*Стратегическое партнерство*», в 2004 году с Канадой «*Всестороннее партнерство*», в 2005 году с Турцией «*Полное партнерство*», в 2007 году с Австралией «*Расширенное партнерство*», в 2007 году с Казахстаном «*Расширенное партнерство*», в 2008 году с ФРГ «*Полное партнерство*», в 2009 году с Индией «*Полное партнерство*», в 2011 году с Украиной «*Партнерство многостороннего сотрудничества*», в 2013 году с ЕС «*Соглашение по сотрудничеству и партнерству*».

Партнерские отношения не опираются на какую-либо жестко установленную идеологию, а определяют принципы, которых необходимо придерживаться в своих действиях: независимость, территориальная неприкосновенность, невмешательство во внутренние дела, равноправие, взаимовыгодность, приоритетность всеобщих интересов и развития, понимание и уважение различных культур и обычаев стран, вынесение решений на основе об-

суждения и консенсуса. Поэтому партнерство может быть в рамках политики «третьего соседа» «полным», «стратегическим», «многосторонним», «расширенным», а также «духовным».

Во время визита в Монголии в августе 2011 года Президент Финляндии Тарья Халонен называла отношения между двумя странами как *«равноправные партнерские отношения»*.

Во время официального визита в Монголии в августе 2007 года Министра иностранных дел Австралии А. Даунера две страны договорились о развитии отношений и сотрудничества по принципу *«расширенного партнерства»*. Другими словами, хотя две стороны, исходя из особенностей и интересов двусторонних отношений и сотрудничества, по-разному определяют партнерские отношения, но они по-смыслу и содержанию похожи или одинаковы. Некоторые страны избегают слова «стратегическое».

В «Стратегическом партнерстве» наряду с отражением, в основном, проблем о традиционных и нетрадиционных опасностях, безопасности, обеспечении мира, борьбе с международным терроризмом, соглашении о свободной торговле, отражаются мысли о том, что эти отношения будут продолжаться в течение долгого времени устойчиво и всесторонне.

Здесь нет оснований ставить во главу приоритета «союзнические» интересы, «братские» отношения, когда старший поучает, а младший слушается его, тем самым обеспечивается равноправие партнеров. Также мысль о широком сотрудничестве предполагает совместную ответственность. Поэтому партнерство и по содержанию, и по форме гораздо шире нормальных и дружественных отношений между государствами.

Хотя некоторые страны остерегаются отношений стратегического партнерства, но в настоящее время, когда разворачивается процесс формирования новых порядков в современных международных отношениях, партнерство не может быть направлено против третьей стороны.

В настоящее время глобализации всё более расширяются экономический смысл и содержание партнерства. С другой стороны, географическое расположение и природные богатства Монголии стали главными геополитическими факторами.

В. Путин после избрания его в марте 2012 года Президентом РФ на третий срок нанес свой первый зарубежный визит в июне того же года в КНР, во время которого была подписана «Пекинская

декларация», где говорится о том, что Россия и Китай выходят на новый уровень отношений-уровень «*всеобъемлющего стратегического партнерства*». Это имеет одинаковый смысл с идеей заключенного с Монголией «Совместной декларации».

Заключение

Первое, 23 июня 2016 года в Ташкенте состоялась трехсторонняя встреча Президента Монголии Цахиагийн Элбэгдоржа, Президента Российской Федерации Владимира Путина и Председателя Китайской Народной Республики Си Цзиньпина. По итогам переговоров в присутствии глав государств были подписаны Программа создания экономического коридора Китай – Монголия – Россия и Соглашение между Главным таможенно-налоговым управлением Монголии, Федеральной таможенной службой Российской Федерации и Главным таможенным управлением Китайской Народной Республики о взаимном признании результатов таможенного контроля в отношении отдельных видов товаров.

Второе, Хотя Монголия установила и развивает партнерские отношения с РФ и КНР, но придерживается «Договора о дружественных отношениях и сотрудничества с между Монголией и РФ от 1993 года» и «Договора о дружественных отношениях и сотрудничестве между Монголией и КНР от 1994 года».

Третье, Хотя с сентября 2015 года Президент Монголии объявил о соблюдении статуса постоянного нейтралитета, но Монголия по-прежнему будет продолжать реализацию международных договоров и соглашений, политику в отношении третьего соседа.

Информация об авторе

Баясах Жамеран – доктор исторических наук, профессор Директор Института международных отношений, Монголия, e-mail: bayasakhjk@gmail.com.

Author

J. Bayasakh – Sc.D. in History, professor, Director of Institute of International Affairs, Mongolia, e-mail: bayasakhjk@gmail.com.

УДК 339.9(571.3+470+510)

**Т. Дорж,
А. Даваасурэн**

РОЛЬ ЦЕНТРАЛЬНОГО ТРАНСПОРТНОГО КОРИДОРА МОНГОЛИИ В РАЗВИТИИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО КОРИДОРА ТРЕХ СТРАН

Описаны тенденция и характеры развития мировой экономики, выявлены факторы влияния усилению процессов глобализации. Исследованы негативные влияние процессов глобализации на экономическую самостоятельности, от которой отказываются некоторые развитые страны мира. Изложена инициатива «Один пояс и один путь», выдвинутая Китаем.

Ключевые слова: экономическая интеграция; международный транспортный коридор; центральный коридор; Монголия; РФ; КНР и т.д.

**T. Dorj,
A. Davaasuren**

THE ROLE OF THE CENTRAL TRANSPORT CORRIDOR OF MONGOLIA IN THE DEVELOPMENT OF THE ECONOMIC CORRIDOR OF THE THREE COUNTRIES

The article describes trends and principles of the world economy development, highlights the impact factors that strengthen globalization processes. It also shows negative effects that globalization processes have on economic independence, the kind of independence some developed countries (nations) have signed away and presents «One belt one road» initiative proposed by China.

Keywords: Economic integration; international transport corridor; Central corridor; Mongolia; Russia; China; etc.

Сегодня теоретически глобализация является ключевым фактором экономического развития стран мира. Прежде всего на

процесс глобализации влияют различные факторы: углубление международного разделения труда, интенсивное развитие научно-технического прогресса в области транспорта и средств связи, географически неравномерность распределения на земном шаре природных ресурсов, в том числе растительного и животного мира, различные почвенно-климатические условия, различная степень развития производительных сил стран мира. Но некоторые ученые мира критикуют, что в самом деле глобализация приносит определенный ущерб в экономическую самостоятельность и самостоятельность развивающихся стран мира. Тем самым глобализация усугубляет взаимозависимость экономик стран мира, что приводит к потере их финансовой, производственной и технологической независимости развивающихся стран, что создает трудности для устойчивого социально-экономического развития этих стран. В результате этого, экономика становится уязвимой при изменении конъюнктуры мирового рынка.

От процесса глобализации начинают отказаться промышленные развитые страны, в том числе США, некоторые страны Евросоюза, Великобритания, о чем свидетельствуют высказывания Президента США Доналда Трампа «make again America» во время предвыборных компаний. Такая же картина наблюдалась при президентской предвыборной компании Х. Баттулга, за счет которого он избирался Президентом Монголии. Такая позиция может создать сложные ситуации для развития дальнейшего сотрудничества с внешними экономическим партнерами, которые могут принять ответные меры.

Через исторически с древних времен существующие так называемые «Шелковый путь», Чайный путь», проходящие через территорию Монголии, населения трех стран перевозили продовольственные товары и продукции первой необходимости, проходили деловые люди, возилась государственные почты и путешествовали иностранные туристы. Такая своеобразная транспортная сеть стала традиционной и дошла до сегодняшнего дня. Однако в зависимости от тогдашней социально-экономических ситуаций трех стран и мирового развития она проходила путь своего развития (спад и подъём).

Исторически на протяжении многих времен, сложившиеся язык, культура, традиция, образы бытия населения трех стран, одинаковые между собой, взаимодополняющие, взаимозависимые друг от друга, становятся культурным наследием и традиционной ценностью. Например, Монгольская империя, образованная Чингис ханом в свое время сыграла важную роль в создании и развитии «Шелкового и Чайного пути». главам Китая, России и Монголии необходимо учитывать специфические особенности, уникальные и традиционные наследия транспортной сети, которая сформировалась благодаря совместным усилиям населения трех стран, что может приносить определенные успехи в создание экономического коридора России-Монголии-Китая.

В последнем саммите глав трех государств в 2016 г. в Ташкенте были утверждены 32 проектов в рамках создания экономического коридора, среди них 13 проектов по развитию транспортно-инфраструктурной сети трех стран.

Из них 7 проектов 4 проекта связаны с развитием и модернизацией дорожно-транспортной сферы Монголии в частности с «Улан-Баторской железной дорогой» (УБЖД). Российско-Монгольское совместное предприятие «УБЖД», является основным владельцем инфраструктуры центрального транспортного коридора Монголии.

Несмотря на устарение техники и технологии «Улан-Баторская железная дорога», сегодня она играет особую роль в обеспечении транзитной железнодорожной грузовой и пассажирской перевозки между Россией и Китаем и является основным составляющим дорожно-транспортной сферы страны.

Сегодня в связи с появлением китайской инициативы «Один пояс и один путь» модернизация и развитие «Улан-Баторской железной дороги» становится актуальной. Для этого руководители Российско-Монгольского совместного предприятия «УБЖД» разрабатывали программу модернизации и развития «УБЖД» до 2030 года. Если мы совместно можем осуществить проект по строительства центрального железнодорожного коридора, то тогда железнодорожная линия «УБЖД» на 1200 км короче, чем железнодорожной линии по направлению через пограничный пропускной пункт «Забайкальск-Манжурия-Пекин».

THE ROLE OF THE CENTRAL TRANSPORT CORRIDOR OF MONGOLIA IN THE DEVELOPMENT OF THE ECONOMIC CORRIDOR OF THE THREE COUNTRIES

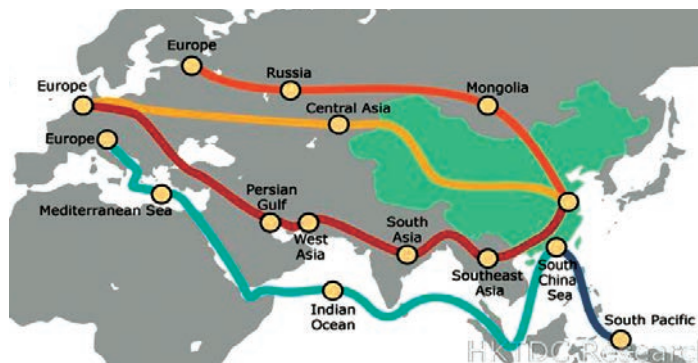

Рис. 1. Направления инициативы «Один пояс и один путь»

Железнодорожная линия «УБЖД» проходит через 3 субъектов (Красноярская, Иркутская области и Республика Бурятия) России, 10 аймаков Монголии (Дархан, Эрдэнэт, Селенгинский, Центральный, Средне-гобийский, Восточно-гобийский, Южно-гобийский аймаки), 4 крупных провинции Китая (Внутренняя Монголия, Синьцзян Уйгур, Ганьсу, Нинься-хуй автономные районы), где проживает 71 млн населения.

Рис. 2. Направления создания экономического коридора
Россия-Монголия-Китай

Монголия намерена строить железную дорогу с протяженностью 1531 км, для осуществления которых требуется 5,0 млрд долларов США, но финансовых возможностей не имеется в Монголия. Из этих проектов уже готово технико-экономическое обоснование строительства железной дороги «Тавантолгой-Гашуунсухайт» и «Хөөт-Бичигт», которое разработано американской компанией «McKinsey». Что касается строительства железных дорог «Нарийнсухайт-Шивээхүрэн», «Зүүнбаян-Ханги», «Эрдэнэт-Овоот», «Богдхаан железная дорога» то пока идет на стадии проектирования.

Таблица 1

**Основные направления проектов
по строительству железных дорог Монголии**

№	Направления	Объем неходимых инвестиций (млрд доллар США)	Длины железно-дорожных линий, км
1	Тавантолгой-Гашуунсухайт	1,031	267
2	Нарийнсухайт-Шивээхүрэн	0,111	45,5
3	Хөөт-Бичигт	1,065	228,3
4	Зүүнбаян-Ханги	1,05	281
5	Эрдэнэт-Овоот	1,2	560
6	Богдхаан железная дорога	0,575	150
7	Всего	5,032	1531,8

*Рис. 3. Проекты строительства
дорожно-транспортной сферы Монголии*

По территории Монголии проходят сети АНЗ и АН4 Азиатских автомобильных дорог и в связи с этим было начато первое тестирование для осуществления международных автомобильных перевозок. В апреле 2004 года согласно политике присоединения Монголии к сети Азиатских автомобильных дорог, парламент Монголии утвердил «Межправительственное соглашение о сети Азиатских автомобильных дорог» в котором было отражено присоединение Монголии к сети Азиатских автомобильных дорог по маршрутам АНЗ, АН4, АНЗ2, имеющую протяженность 4286,0 км. Что касается нашей страны, мы намериваем построить высокоскоростную автомобильную дорогу, проходящую через Алтанбулаг-Замын-Үүд или по маршруту АНЗ. В рамках этого проекта мы уже начали строить дорогу с четырьмя полосами движения, которая имеет две полосы движения в одном направлении и две в другом. Эта дорога должна соответствовать международным стандартам автомобильной дороги. В случае строительства высокоскоростной автомобильной дороги, мы намерены исследовать такие вопросы: как согласовать с нашим центральным железнодорожным коридором и каково будет влияние от этого воздействия.

В последнее время очень важным проектом стало строительство железной дороги «Эрдэнэт-Овоот-Арцсуурь-Цагаантолгой-Кызыл», который известен как северный железнодорожный коридор. На сегодняшний день этот проект осуществляется по заказу компании Аспайр Майнинг Лимитед, длиной 540 км по направлению «Эрдэнэт-Овоот» и для координации сотрудничества между заинтересованными сторонами в участии строительстве этой железной дороги была создана компания «Нортерн Рейлвейс». Она разработала предварительное технико-экономическое обоснование (ПТЭО) проекта для строительства железной дороги, длиной 330 км по маршрутам Овоот-Арцсуурь и Арцсуурь-Кызыл.

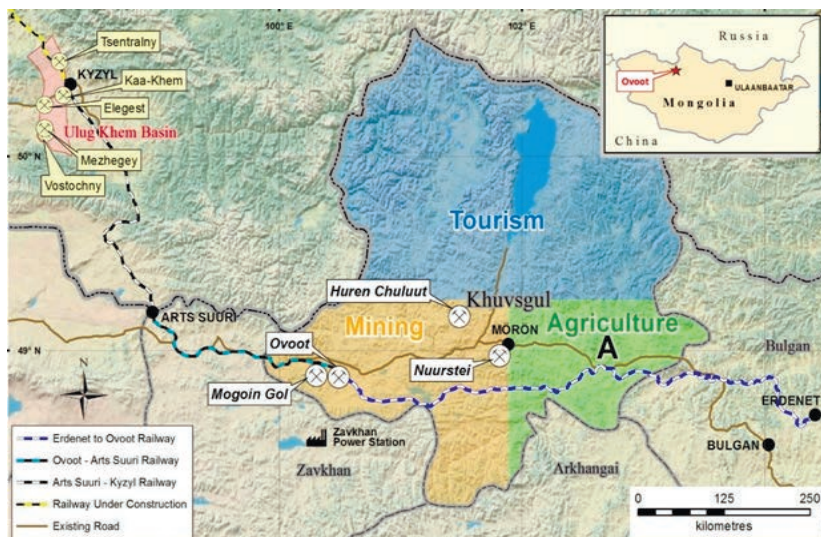

Рис. 4. Направления строительства железной дороги
«Арцсуурь-Овоот-Эрдэнэт»

На наш взгляд, в результате этого проекта УБЖД будет подключен к транссибирской железной дороге, которая даёт нам возможность создать самый ближайший путь, связывающий с Россией и Китаем. А также экономическая основа будет создана для постройки двухпутных, полностью электрофицированных железных дорог. В случае строительства северного коридора, это может создать нам предварительные условия для сооружения нового железнодорожного коридора даже в западной части Монголии.

Таким образом, создание экономического коридора России, Монголии и Китая, основанного на центральном транспортном коридоре является не только фактором развития нашей страны, но и станет важным инфраструктурным проектом, который даст участникам большую экономическую выгоду, таких как Россия, Монголия, Китай, а также в странах Северо-Восточной Азии.

По нашему мнению, что вопрос о строительстве железнодорожного транспортного коридора в государственной политике на-

*THE ROLE OF THE CENTRAL TRANSPORT CORRIDOR
OF MONGOLIA IN THE DEVELOPMENT OF THE ECONOMIC
CORRIDOR OF THE THREE COUNTRIES*

ших стран не должен касаться только одной страны. Так как крайне важно, чтобы политика, тенденция развития, и условия наших соседних стран должны быть скоординированы. С этой точки зрения, Монголия разработала новую политику развития железных дорог в 2010 году, но в рамках сложившейся в предыдущих годы практики, нам нужен ещё раз пересмотреть нашу политику. Особенно, с точки зрения сотрудничества между тремя странами, у нас есть много проделанных работ по развитию центрального транспортного коридора. С другой стороны, мы считаем, что у нас не так уж много опыта по развитию железной дороги и это приводит к необходимости разработки соответствующих документов так как предыдущие документы были разработаны в недостаточной степени. Это становится причиной начатия тесного сотрудничества российских, монгольских и китайским учёных в области данной отрасли.

Для осуществления проектов строительства дорожно-транспортной сферы прежде всего необходимы взаимное доверие, кооперация, тесное экономическое сотрудничество, что становится мостом укрепления взаимодействия народов трех стран. По экономическому значению важно определить регион, в котором будет формироваться экономическое притягивание трех стран и необходимо обосновать направления для сотрудничества в сфере дорожного транспорта между тремя странами. На наш взгляд регион экономического притягивания делится на три части, кооторые размещаются на определенной части территории трех стран (см. табл. 2).

Таблица 2

Регионы притягивания России, Монголии и Китая

Страна	Восточный регион	Центральный регион	Западный регион
Россия	Восточная Сибирь: Читинская область, Забайкальский край, Республика Саха	Республика Бурятия, Иркутская и Красно- ярская области	Алтайский край, Республика Тыва, Кемеровская об- ласть, Республика Хакасия

		Дорногобийский, Южногобийски, Булганский, Архангайский, Увурхангайский аймаки	Убсан нуурский аймаки
Китай	Северовосточные провинции Китая: Провинции Ляонин, Жилин, Хэйлун-жян, Хулунбуйрский, Хянганский, Шилийн голский, Улаанхад, Жирэм аймаки Внутренней Монголии, морские порты Жинжоу, Панжин, Далян	Провинции Хэбэй, Пекин, Тяньжин, Шэньси, Хэнань Шаньси, Шандун, центральная часть Внутренней Монголии, морские порты Тяньжин, Цинхуандао, Хуйинхуа, Сингань, Таншан	Северозападные провинции Китая: Шинзянь, Уйгарская автономная республика, провинции Цинхай, Гансу, Нинься Западная часть Внутренней Монголии

Из табл. 2, видно что классификация железно-дорожных регионов России совпадает с нашими предложениями по созданию регионов взаимодействия трех стран в сфере дорожного транспорта. Восточные регионы Китая довольно быстро развиваются и достигли на новом уровне социально-экономического развития. От этого региона передаются результаты развития и достижение промышленности на западные, где начинаются интенсивно развиваться обрабатывающие отрасли промышленности, благодаря чему поднимается спрос на сырьё и полуфабрикаты для производства обрабатывающих предприятий.

В заключении следует сказать, что создание экономического коридора представляет собой сильный инструмент для развития региональной экономической интеграций России, Монголии, Китая и сохранения их экономической самодостаточности и самосохранения в условиях мировой глобализации. Политические решения глав наших стран становятся опорой для дальнейшей реализации экономического коридора, при этом наша задача заключается в научном обосновании осуществления этого проекта на региональном уровне засчет проявления совместных усилий. Для

*THE ROLE OF THE CENTRAL TRANSPORT CORRIDOR
OF MONGOLIA IN THE DEVELOPMENT OF THE ECONOMIC
CORRIDOR OF THE THREE COUNTRIES*

этого нам учёным из трёх стран нужно объединить концепции по созданию экономического коридора.

Информация об авторах

Дорж Т. – доктор экономических наук, профессор, Академик АН Монголии, e-mail: T_dorj@doctor.com.

Даваасурэн А. – доктор экономических наук, профессор, заведующий отделом Института международных отношений Академии Наук Монголии, e-mail: davaasuren13@yahoo.com.

Authors

Dorj T. – D.Sc. in Economics, Professor, Academician of the Academy of Sciences of Mongolia, e-mail: T_dorj@doctor.com.

Davaasuren A. – D.Sc. in Economics, Professor, Head of Department, Institute of International Relations of the Academy of Sciences of Mongolia, e-mail: davaasuren13@yahoo.com.

УДК 338.48(571.53) (091)

**Ф. Гишардаз,
А.Л. Черных**

**РОЛЬ ФРАНЦУЗСКОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЯ
ЖАН-ПОЛЯ АЛИБЕРА В РАЗВИТИИ
ПОЗНАВАТЕЛЬНОГО ТУРИЗМА
В БАЙКАЛЬСКОМ РЕГИОНЕ**

Проанализирована деятельность в Байкальском регионе французского исследователя Жан-Пьера Алибера. Нельзя умалить роль иностранных исследователей в культурно-экономическом развитии Сибири и Байкальского региона. Они оставили свои следы на века во многих отраслях деятельности человека. В будущем, когда в Сибири начал развиваться туризм, многие объекты, связанные с деятельностью этих исследователей, стали предметом интереса туристов. Это и места их проживания, и результаты их трудов, и маршруты, по которым они проходили.

Ключевые слова: Байкальский регион; познавательный туризм; Сибирь; Алибер.

**P. Guichardaz,
A.L. Chernykh**

**THE ROLE OF FRENCH BUSINESSMAN
JEAN-PAUL ALIBER IN THE DEVELOPMENT OF TOURISM
IN THE BAIKAL REGION**

The paper analyzes work of French researcher Jean-Pierre Aliber in the Baikal region. One cannot diminish the role of foreign researchers in cultural and economic development of Siberia and the Baikal region. They left a mark in various spheres of human activity. In the course of time when tourism in Siberia started its development, a lot of objects that are somehow connected with works of these researchers, became points of interests for tourists. These points are places they lived, results of their work and routs they took.

Keywords: Baikal region; tourism; Siberia; Aliber.

Нельзя умалить роль иностранных исследователей в культурно-экономическом развитии Сибири и Байкальского региона. Они оставили свои следы на века во многих отраслях деятельности человека. Еще в XVII веке румын Милеску Спафарий, будучи послом в Китай от России, изучал географию и этносы неведомой Сибири, в XVIII веке серб Савва Рагузинский-Владиславич устанавливал границу между Россией и Китаем, строил пограничные форты и налаживал торговлю чаем, немцы Даниэль Готлиб Мессершмидт, Иоганн Георг Гмелин, Петр Симон Паллас, Иоганн Готлиб Георги, Георг Вильгельм Стеллер изучали природу и этнографию региона, Герард Фридрих Миллер – историю, датчанин Витус Ионассен Беринг организовывал крупные экспедиции, швед Линденау участвовал в экспедициях В. Беринга и добывал соль на Ангаре, финны Эрик Густавович Лаксман строил заводы и изготавливал стекло, Матиас Кастрен изучал языки сибирских аборигенов, поляки Ян Черский, Александр Чекановский изучали геологию, Венедикт Дыбовский изучал фауну озера Байкал и т. д. И это далеко неполный список всех иностранных исследователей Сибири. В будущем, когда в Сибири начал развиваться туризм, многие объекты, связанные с деятельностью этих исследователей, стали предметом интереса туристов. Это и места их проживания, и результаты их трудов, и маршруты, по которым они проходили.

Значительную память о себе оставил в Байкальском регионе французский исследователь, тавальстгузский купец и промышленник Жан-Пьер Алибер. И теперь уже неважно, что появился он в Сибири с коммерческими целями. Человек он был страстный, увлекающийся, любознательный и, как показало время, честный, добрый и практически бескорыстный, а эти качества всегда в Сибири высоко ценились.

Жан-Пьер Алибер родился в г. Риом (Франция) в 1820 г. В 1834 г. окончил католическую школу в Квинси. Его отец работал суконщиком, был бедным и не мог прокормить семью, в которой Жан был восьмым ребенком, поэтому отправил его к родственникам в Лондон, где он за 3 года выучил английский язык. В 1837 г. лондонские купцы послали его в г. С-Петербург по коммерческим делам, там он сначала работал и парикмахером, и учителем фран-

цузского языка у графа Л. А. Перовского. Судьба свела его там с мастером по флорентийской мозаике Г. М. Пермикиным, которого он также обучал французскому языку. Г. М. Пермикина пригласил к себе с Урала в Санкт-Петербург граф Л. А. Перовский, т.к. был страстным любителем камней и устроил его на работу на гранильную фабрику, а также определил его студентом в Технологический институт, который в 1839 г. он окончил и был назначен чиновником особых поручений при Петергофской гранильной фабрике. Скорее всего встреча с Г. М. Пермикиным и сыграла главную роль в дальнейшей судьбе Алибера. Мечтающий о поисках минеральных богатств Сибири, Г. М. Пермикин смог увлечь за собой и увлекающуюся натуру Алибера. Следом за Г. М. Пермикиным в 1844 г. он уехал в Иркутск. Сам Г. М. Пермикин в то время интересовался только лазуридом и нефритом, и, скорее всего, он подсказал Алиберу заняться графитом. В то время уже было известно, что местные сойоты в горах Восточного Саяна нашли какой-то странный камень и передали его казачьему офицеру Черепанову. Тот, хотя и узнал, что это графит, но тоже не знал, что с ним делать, и продал право на его разработку Алиберу.

К середине XIX столетия промышленность как Европы, так и России остро нуждалась в графите, который использовался тогда для изготовления карандашей, красок, плавильных огнеупорных тиглей. Главным поставщиком графита была Англия.

Но единственное, разрабатываемое с 1590 г. Борроудольское месторождение истощилось, поставки графита на европейский рынок резко упали, что привело к повышению цен на него. Как коммерсант, Алибер быстро сообразил, что добывать графит будет выгодно, и выехал в Европу с целью изучения карандашного производства, посетил Францию, Германию, Швейцарию, Англию, был на Борроудольском месторождении. Хорошо изучив конъюнктуру графита и получив в 1848 году официально отвод, он, с присутствующим ему энтузиазмом, взялся за дело. Все последующие действия Алибера по обустройству рудника прославили его на века.

Месторождение графита было обнаружено на вершине гольца в центре Восточного Саяна в верховьях р. Урик в очень сложных горно-таежных условиях. Алибер назвал голец Ботогольским

по названию протекающей у его подножия реки, а рудник назвал Мариинским. Алибера освободили от уплаты податей на 10 лет с условием, что он будет добывать 100 пудов графита в год. Никаких дорог, кроме охотничьих троп, в районе месторождения не было. Не считаясь ни с бездорожьем, ни с отсутствием оборудования и стройматериалов, Алибер взялся за строительство рудника. Приходилось доставлять стройматериалы и припасы за 180 км от ближайшего поселка Голумети, поднимать на вершину гольца по крутому склону. Параллельно с разведкой месторождения начали прокладывать дорогу вдоль бурных рек Ботогола, Ханчона и Урика, строить многочисленные мосты, гатить болота, преодолевать скальные хребты. Дорогу построили быстро, обнесли по бокам грядами камней, поставили указатели в виде крестов, покрашенных белой краской. На сам гонец к руднику дорогу проложили серпантином с каменным парапетом, утрамбовали и посыпали песком.

На вершине горы Алибер построил часовню с образами католических святых. Алибер позаботился и о быте рабочих. Для них были построены просторные помещения, а над самой шахтой, стены которой были обшиты деревом, построили здание со стеклянной крышей. В шахту глубиной в 17 метров вела широкая лестница с перилами. Подъем породы осуществлялся лебедками. Была сделана вентиляция. От ветра и снежных заносов снаружи строения были ограждены толстыми каменными стенами длиной до ста метров и высотой до 5 метров с обитыми железом ветрорезами. Внизу в долине была выровнена огромная площадка, на которой разместилась ферма для лошадей, коров, птиц, подсобные помещения, жилой дом с интерьером на европейский манер, огород для овощей, парники. Как видно, устраивался Алибер основательно и надолго. В России в те времена не было ни одной карандашной фабрики, графит применялся только для производства тиглей для плавки золота. Он даже мечтал открыть свою карандашную фабрику в Санкт-Петербурге.

Но не все было так гладко. Средства, затраченные на обустройство рудника и дороги, долгое время не окупались добытым графитом, банки в кредитах отказывали, т.к. не верили в предприятие, и Алиберу пришлось просить деньги под проценты у куп-

ца Е. А. Кузнецова, поверенные которого также не верили в то, что деньги вернутся. А тут еще в 1852 году рудное тело выклинилось. Любой другой бы отчаялся, но только не Алибер. Он начал практически безнадежное дело – поиски другого тела. Почти два года рабочие долбили прочный гранит, но в 1853 году вышли на новое крупное тело. Несмотря на отсутствие денег, Алибер устроил грандиозный праздник в честь открытия нового рудного тела. Но тут случилась новая беда – началась русско-турецкая война, и спрос в России на графит резко упал. Российские компаньоны Алибера постоянно обманывали его, поэтому в 1856 г. Алибер заключил новый перспективный договор со знаменитым немецким производителем карандашей И. Фабером, правда за это Алибер практически терял монополию на графит. По договору Алибер должен был добывать в течение 5 лет по 500 пудов ежегодно, а Фабер выпускать по 1000 grossов (1 gross = 144 шт.) карандашей в год. В случае возрастания поставки графита до 1–2 тыс. пудов выпускать до 10 тыс. grossов карандашей в год. Фабер также брал на себя все расходы по устройству фабрики в России, а, значит, Алибер терял свою мечту о собственной фабрике.

Путь от рудника до Нюрнберга в Германии был и труден, и долог. Графитную массу прямо на руднике резали на бруски, укладывали в ящики из кедра, с большим трудом вывозили зимой на лошадях по льду в с. Голуметь, затем в Иркутск. Далее один путь, который длился несколько месяцев, шел или по Московскому тракту, успешно работающему только зимой, или летом по рекам Оби и Иртышу до г. Тюмени, оттуда по железной дороге до Санкт-Петербурга и Нюрнберга.

Другой путь был еще более долгий: с Иркутска судами через Байкал, далее по тракту до Сретенска, затем сплавом по Шилке и Амуру и судами через Тихий и Индийский океаны вокруг Африки в Балтийское море в Гамбург и далее в Нюрнберг. Этот путь длился около 2-х лет. Фабер же оплачивал только после продажи карандашей, поэтому между отправкой сырья с рудника до получения денег проходило до 3-х лет.

В 1858 году Алибер, несмотря на перебои с деньгами, выполнил свои обязательства и доставил на фабрику сырье, а в начале 1859 года даже перевыполнил план, но деньги от Фабера и своих компаньонов так и не получил. Он задолжал всем: рабочим руд-

ника, возчикам, поставщикам продуктов. Надеялся на поддержку губернатора Муравьева-Амурского, но тому в это время было не до него – он был занят более важными проблемами защиты и присоединения Дальнего Востока и не поддержал его. Алибер вынужден был просить ссуду в банке г. Иркутска, чтобы расплатиться с кредиторами. К тому же у него обострилась типично сибирская болезнь – ревматизм и в 1859 г. Алибер уехал сначала в Санкт-Петербург, затем за границу, оставив все свое хозяйство и рудник на сторожа сойота и больше не вернулся. Вероятно, Алибер намеревался вернуться на рудник, т.к. там остались все его личные вещи, картинная галерея и прочее. Получив с Фабера деньги за поставленный графит, Алибер рассчитался с компаньонами и погасил ссуду, полученную в Иркутске. Главной же причиной невозвращения Алибера послужило то, что к этому времени изменилась технология изготовления карандашей. Вместо вытачивания графитного стержня из цельного бруска стали прессовать стержни из порошка графита с добавлением глины, и нужда в первосортном сырье отпала. Всего на руднике было добыто 3533 пуда графита первого сорта и 6003 пудов отвального графита. К тому же в 1861 году в Красноярском крае были найдены более крупные – Курейское и Ногинское месторождения графита, а на Урале Багарякское месторождение, на котором начал работать Богоевский рудник. Так закончилась яркая «графитовая» эпопея Алибера в Сибири.

Дальнейшая судьба рудника была печальной. В 1869 г. Алибер написал отказ от рудника и в 1872 году рудник перешел в казну, как бесхозный. Никто из иркутских купцов не продолжил дело Алибера, все они были заняты добычей золота, как более дешевого и быстрее обогащающего. Долго еще рудник стоял нетронутым и неразграбленным, и сойоты долго хранили память о хорошем добром хозяине. П. А. Кропоткин в 1865 г. находил его нетронутым, а И. Д. Черский в 1873 г. Активизировалась жизнь на руднике только в 1874 г. и то только по вывозу уже добытого Алибером графита. В советское время, когда в 1931–32 гг. на Урале был построен Кыштымский графитовый завод, он некоторое время работал на Ботогольском графите.

Долго еще действовала дорога, построенная Алибером. Остатки ее находили еще в середине XX века. Эта дорога и остатки по-

строек рудника в настоящее время являются объектами познавательного туризма.

Жан-Пьер Алибер был не только успешным промышленником, но обладал еще и уникальными творческими способностями. Помимо многочисленных хозяйственных забот, в свободное время он успевал рисовать акварелью и вырезать из податливого графита различные предметы: вазы, чаши, барельефы, скульптуры.

Уже после его отъезда в 1860г. в Иркутске состоялась выставка его произведений. Наиболее примечательной была скульптурная группа: бюст Александра II, окруженный рядом аллегорических фигур, расположенных на глыбе графита весом 50 кг. На окружающих бюст ветвях лаврового дерева были выгравированы сведения из истории поисков месторождений графита на французском, русском, немецком и английском языках. В руке царя карандаш с золотой надписью: с одной стороны – «Фабрика Фабера», с другой – «Сибирский графит с копеей Алибера». На пьедестале – гигантский карандаш с надписью «Сибирь» и расходящаяся лучом группа карандашей. Скульптура увенчивалась глобусом с надписью «Сибирь».

На второй скульптуре был изображен на куске графита в виде скалы весом 40 кг завоеватель Сибири Ермак, окруженный военными доспехами, обвитыми графитовой лентой с надписью: «Графит Алибера».

Генерал-губернатор Муравьев, восхищенный изделиями Алибера, отправил ему в Париж хвалебное письмо на французском языке. Н.Н. Муравьев написал также императору Александру II про Алибера, и тот дважды принял его в рамках частной аудиенции, в 1860 г. и в 1866 г. В 1862 г., 1-го декабря, Папа Римский Пий IX дал ему апостольское благословление. Император Наполеон III вручил ему Орден Почетного легиона, он получил также награды от короля Дании, королевы Испании, благодарственные письма от Императорского экономического общества Санкт-Петербурга, Великого герцога Лейхтенберга, президента Императорского минералогического общества Санкт-Петербурга.

В 1862 г. свои изделия из графита Алибер экспонировал в Лондоне, а в 1867 г. в Париже, наряду с изделиями из саянского нефрита Петергофской гранильной фабрики. Выставлялся также

огромный валун нефрита изумрудного цвета, который Алибер с огромным трудом вывез с Восточного Саяна во Францию. Все экспонаты этой выставки Алибер подарил Парижской высшей горной школе. Кроме этого, Алибер подарил свои изделия: Королевской Академии наук Баварии, Национальной школе искусств и ремесел, Музею естественной истории, музеям Лондона, Санкт-Петербурга, Москвы и Вашингтона. Оформлял витрины на Всемирной выставке в Париже в 1889 г.

Долгое время Алибер, начиная с 1871 г., лечился от ревматизма на курорте Шатоней-ле-бэн. Там на высокой скале он воздвиг статую Святой Девы, которая сохранилась до сих пор. До 1995 г. у этой, названной в его честь, горы ежегодно 15 августа проводилось шествие, а в настоящее время – это излюбленное место прогулок. В музее курорта экспонируются дары Алибера: компас, шагомер, барометр, гигрометр Лоува, черное зеркало для наблюдения за облаками, термометр, трость с гардой от эспадрона, образцы сибирского графита и нефрита, два портрета в эмали: один в походном костюме, другой в городском костюме, портрет выполненный художником Ланге, коллекция акварелей, выполненных им самим. На одной из них изображен город Иркутск. Многие изделия Алибера хранятся на его родине в музее.

Скончался Алибер в 1905 г. в возрасте 85 лет, похоронен в г. Париже.

Список использованной литературы

1. Кропоткин П. А. Поездка в Окинский караул [Электронный ресурс] / П. А. Кропоткин // Записки Сибирского отделения Императорского Русского географического общества. – Иркутск, 1867. – Кн. 9/10. – Режим доступа: <http://oldcancer.narod.ru/Geography/PAK-PvOk.htm>.

2. Кудрявцев Ф. А. Из истории Алиберовских графитных приисков / Ф. А. Кудрявцев // Известия общества изучения Восточно-Сибирского края. – 1936. – Т. 1. – 56 с.

3. Материалы для изучения естественных производительных сил России / Рос. акад. наук. № 55 : Материалы к изучению русского графита. – Л. : РАН СССР, 1925. – 137 с.

4. Реутовский В. С. Полезные ископаемые Сибири. В 2 ч. / В.С. Реутовский. – СПб. : Горн. Деп., 1905. – Ч. 2. Месторождения безрудные. – 403 с.

5. Ботогольское месторождение графита и перспективы его использования / В. П. Солоненко [и др.]. – Иркутск : Иркутское областное издательство, 1947. – 255 с.

6. Ферсман А. Е. Пионеры Сибири / А. Е. Ферсман, С. П. Писарев // Природа. – 1921. – № 10. – С. 12.

7. Черский И. Д. Краткий отчет об исследованиях летом 1873 года, произведенных в Китойских и Тункинских Альпах / И. Д. Черский // Записки Сибирского отделения Императорского Русского географического об-ва. – 1873. – Т. IV, № 5.

8. Ячевский Л. Алиберовское месторождение графита на Ботогольском гольце / Л. Ячевский // Геол. исследования и развед. работы по линии Сиб. ж.д. – 1899. – Вып. XI.

9. Alibert J.-P. Notes sur ses decouvertes et ses travaux / J.-P. Alibert. – Paris, Imp, V Ethiou Perou, 1895.

10. Alibert J.-P. Une fete a Chateauneuf-les-bains / J.-P. Alibert. – Paris : Imp. Hugonis, 1900.

11. Alibert J.-P. Chateauneuf-les-bains / J.-P. Alibert. – Paris : Imp. Hugonis, 1905.

References

1. Kropotkin P. A. A Ride to Okinski Guard Post. *Zapiski Sibirskogo otdeleniya Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva* = *Notes of Siberian Department of Imperial Russian Geographical Society*. Irkutsk, 1867, Vol. 9/10. Aviable at: <http://oldcancer.narod.ru/Geography/PAK-PvOk.htm>.

2. Kudryavtsev F. A. Excerpts on the history of Alibert graphite mines. *Izvestiya obshchestva izucheniya Vostochno-Sibirskogo kraya* = *Review of East-Siberian Region Research Society*, 1936, vol. 1, pp.56.

3. Data for study of natural productive power of Russia / Rossiiskaya akademiya nauk № 55. Materialy k izucheniyu russkogo grafita, Leningrad, RAN SSSR, 1925. 137 p.

4. Reutovskii V. S. *Poleznye iskopaemye Sibiri* Mineral resources of Siberia. Saint Petersburg, Gornyi Departament, 1905, 403 p.

5. Solonenko V. P. Botogol'skoe mestorozhdenie grafita i perspektivy ego ispol'zovaniya [Botogolsk graphite deposit and its development prospects]. Irkutsk, Irkutskoe oblastnoe izdatel'stvo, 1947. 255 p.

6. Fersman A. E., Pisarev S. P. Pioneers of Siberia. *Priroda* = *Nature*, 1921, no. 10, pp. 12.

7. Cherskii I. D. Brief report of research made in summer of 1873, carried out in Kitoy and Tunkunsk Alps. *Zapiski Sibirskogo otdeleniya Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva* = *Notes of Siberian Department of Imperial Russian Geographical Society*. Irkutsk, 1873., vol. 4, no. 5.

8. Yachevskii L. Alibert graphite deposit on Botogolsk Bold Mountain. *Geologicheskie issledovaniya i razvedovatel'nye raboty po linii Sibirskoi zheleznoi dorogi* = Geological study and survey work along Siberian railway, 1899, iss. 11.

9. Alibert J.-P. Notes sur ses decouvertes et ses travaux. Paris, Imp, V Ethiou Perou, 1895.

10. Alibert J.-P. Une fete a Chateauf-neuf-les-bains. Paris : Imp. Hugonis, 1900.

11. Alibert J.-P. Chateauf-neuf-les-bains. Paris : Imp. Hugonis, 1905.

Информация об авторах

Гишардаз Филипп – почетный президент французской ассоциации «Ерказия».

Черных Анатолий Леонидович – доцент, ФГБОУ ВО «Байкальский государственный университет».

Authors

Guichardaz Philippe – the honorary President of the French Association “Ergasia”.

Anatoliy L. Chernykh – associate Professor, Baikal State University.

Научное издание

ЕВРОАЗИАТСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО: ГУМАНИТАРНЫЕ АСПЕКТЫ

Материалы международной научно-практической
конференции

14–15 сентября 2017 г.

Иркутск

Издается в авторской редакции

Дизайн обложки
А.А. Мартыновой

Подготовка оригинал-макета
А.С. Ларионовой

ИД № 06318 от 26.11.01.

Подписано в печать 15.12.17. Формат 60×90 1/16. Бумага офсетная. Печать трафаретная. Усл. печ. л. 10,1. Тираж 300 экз. Заказ .

Издательство Байкальского государственного университета.
664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11.
Отпечатано в ИПО БГУ.